

СОВРЕМЕННОЕ ЧЕЛОВѢЧЕСТВО.

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОЗНАНІЯ

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ І. М. БИКЕРМАНА.

Ж. Шейэ (J. Chailley).

СОВРЕМЕННАЯ ИНДІЯ.

Часть I.

Туземное Общество.

Переводъ съ французскаго
М. А. БРАГИНСКАГО.

ИЗДАНИЕ
„БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ“

1913.

ИСТОРИЯ ИНКВИЗИЦИИ

Генри-Чарльс Ли.

Переводъ подъ редакціей С. Г. Позинекаго.

3 тома съ фототипіями и многочисленными иллюстраціями на мѣловой бумагѣ, въ изящныхъ переплетахъ съ золотымъ тиснениемъ.

Цѣна 18 рублей.

Разсрочка отъ 1 руб. въ мѣсяць.

Къ 1-му Декабря 1912 г. вышли изъ печати два тома.

Изъ отзывовъ печати.

Гражданинъ великой заатлантической республики, протестантъ по религіи, словѣкъ высокаго безпристрастія въ наукѣ, Ли обезсмертилъ себя этимъ превосходнымъ изслѣдованіемъ... Вся эти пытки водой, раскаленнымъ желѣзомъ, кнѣткомъ, колесами, тисками, цѣпями, винтами, веревками и т. д., безъ конца, не только разсказаны строгимъ и спокойнымъ языкомъ историка, у котораго нѣтъ бѣвы и пристрастія, но иллюстрированы сотней хорошо исполненныхъ рисунковъ въ старыхъ книгъ объ инквизиціи и энциклопедій... Разсказъ вообще увлекателенъ. Вводная, напримеръ, глава, рисующая состояніе католической церкви предъ возникновеніемъ инквизиціи, просто великолѣпна.

(«Русское Слово» № 203. Сентябрь, 1911).

СОВРЕМЕННОЕ ЧЕЛОВѢЧЕСТВО.

БИБЛИОТЕКА ОБЩЕСТВОЗНАНІЯ

ПОДЪ ОБЩЕЙ РЕДАКЦІЕЙ І. М. БИКЕРМАНА.

Ж. Шейэ (J. Chailley).

СОВРЕМЕННАЯ ИНДІЯ.

Часть I.

Туземное Общество.

Переводъ съ французскаго

М. А. БРАГИНСКАГО.

ИЗДАНИЕ

„БРОКГАУЗЪ-ЕФРОНЪ“

1912.

Отъ редакціи.

На долю нашего поколѣнія выпало жить въ исключительное время, время объединенія міра. Страны и народы, жившіе прежде разрозненно, вступили въ тѣсное, многообразное, все усложняющееся взаимодѣйствіе; исторія впервые дѣйствительно становится *всемірной* исторіей—единымъ процессомъ, охватывающимъ весь родъ человѣческій, за исключеніемъ развѣ самыхъ незначительныхъ группъ, и всю обитаемую поверхность нашей планеты, за исключеніемъ небольшихъ лишь сравнительно пространствъ. Таковъ огромной важности переворотъ, имѣющій свое отдаленное начало въ подвигахъ великихъ мореплавателей XV и XVI вѣковъ, „эпохи великихъ открытій“, но подготовленный преимущественно въ послѣдніе полвѣка и быстрыми шагами идущій къ завершенію теперь, на нашихъ глазахъ. Чтобы составить себѣ представленіе о значеніи этого переворота для насъ, европейцевъ, достаточно воспроизвести въ своей памяти крупнѣйшія историческія событія послѣднихъ лѣтъ. *Всѣ* войны послѣднихъ 12 лѣтъ, въ которыхъ участвовали европейскіе народы, происходили *вне* Европы: англо-бурская война въ южной Африкѣ, дѣйствія соединенныхъ отрядовъ европейскихъ державъ въ Китаѣ, русско-японская война въ Маньчжуріи, война Италіи съ Турціей въ Триполитаніи; къ этому же ряду явленій нужно отнести и бывшую нѣсколько раньше войну между Испаніей и Соединенными Штатами, въ результатъ которой американская республика, получивъ Филиппины, вступила въ число колониальныхъ державъ. Припомнимъ другой рядъ явленій, не менѣе война привлекавшихъ въ послѣдніе годы вниманіе міра: турецкій переворотъ, персидская революція, революція въ Китаѣ, броженіе въ Индіи. Изъ перечисленныхъ здѣсь странъ только Турція соприкасается однимъ краемъ съ Европой; между тѣмъ потрясенія, происходившія и отчасти еще продол-

жающіяся въ этихъ странахъ, суть по природѣ своей и результатамъ европейскія потрясенія; это духъ европейской земли колышетъ теперь страну богдыхана, и волненія въ ней происходящія не похожи нисколько на тѣ, которыя въ ней нѣкогда бывали. Еще замѣчательнѣе то, что крупнѣйшія политическія событія, имѣвшія мѣсто въ послѣдніе годы въ самой Европѣ, всѣ непосредственно связаны съ внѣевропейскимъ міромъ. Русская революція явилась прямымъ продолженіемъ войны въ Маньчжуріи: несостоятельность стараго строя въ Россіи сказалась раньше всего въ его неприспособленности къ новымъ, мировымъ условіямъ, въ его неспособности считаться съ вновь выросшими силами на Дальнемъ Востокѣ. Угрожавшее европейскому міру присоединеніе Австріей двухъ балканскихъ провинцій явилось прямымъ слѣдствіемъ переворота въ Турціи; только что закончившіеся переговоры между Франціей и Германіей, еще въ большей мѣрѣ грозившіе европейской войной, вызваны были событіями въ Марокко и закончились договоромъ о Марокко и Конго. Ясно, что Европа не живетъ больше сама въ себѣ; даже центръ тяжести ея какъ будто перемѣстился за ея предѣлы.

Само собой разумѣется, что катастрофы—войны и революціи—имѣютъ свое основаніе въ менѣе громкихъ, но болѣе постоянныхъ явленіяхъ повседневной жизни, имѣющихъ предшествующихъ и за ними слѣдующихъ. Безпрерывныя волны эмиграціи, круговоротъ людей, товаровъ и идей поддерживаютъ постоянно связь между различными частями міра; и въ старомъ центрѣ культуры, въ Европѣ, это косвенно отзывается разнообразными явленіями въ самыхъ различныхъ областяхъ жизни — сказывается на состояніи денежнаго рынка и цѣнѣ многихъ продуктовъ, вліяетъ на размѣры бюджетовъ, армій и флотовъ, оказываетъ свое дѣйствіе на образованіе и жизнь политическихъ партій. Въ этомъ крайне сложномъ процессѣ объединенія челоуѣчества, народы европейской культуры, главнымъ образомъ, Европы и Америки, выступаютъ болѣе активно,

остальные части свѣта и народы болѣе пассивно; поэтому обыкновенно и говорятъ о завоеваніи міра европейской культурой. Было бы, однако, односторонностью не видѣть изъ-за побѣднаго шествія Европы болѣе важнаго, основного процесса объединенія человѣчества. При всѣхъ несомнѣнныхъ преимуществахъ европейской культуры, она можетъ получить только преобладаніе въ мірѣ, но не можетъ заполнить его, не можетъ вытѣснить все, чѣмъ жило три четверти человѣчества въ теченіе многихъ вѣковъ, — и даже обратное дѣйствіе не-европейскаго міра на формы нашей культуры врядъ ли можетъ подлежать сомнѣнію.

Какъ это часто бываетъ, творческая дѣятельность человѣка и здѣсь опередила сознаніе его. Европа объединилась съ міромъ, можно сказать—объединила міръ, а мысль европейской образованной публики и русскаго образованнаго общества въ особенности попрежнему вращается въ тѣсныхъ предѣлахъ нашей части свѣта; даже въ высшей школѣ „Всеобщая Исторія“ попрежнему повѣствуетъ лишь о жизни средиземной расы и о средиземной культурѣ. Между тѣмъ въ настоящее время невозможно сознательно относиться къ окружающей насъ жизни, къ повседневному явленіямъ ея, не расширивъ своего кругозора. Каждый день приходится читать въ газетахъ о странахъ и народахъ, извѣстныхъ огромному большинству читателей только по имени; каждый день въ этихъ неизвѣстныхъ намъ въ сущности странахъ происходятъ или могутъ происходить событія, касающіяся болѣе или менѣе близко насъ или нашихъ сосѣдей. Мы связаны, словомъ, съ обширнымъ міромъ, а знаемъ—одинъ болѣе, другой менѣе—только небольшую часть его.

Мысль объ этомъ пробѣлѣ въ обычной для нашего времени образованности, пробѣлѣ, несомнѣнно многими уже чувствуемомъ, вызвала къ жизни нашу бібліотеку; идея о единомъ въ настоящее время человѣчествѣ, „современномъ человѣчествѣ“ лежитъ въ основаніи ея и въ общихъ чертахъ опредѣляетъ ея составъ. Раньше всего

въ нее должна войти серія книгъ о внѣевропейскихъ культурахъ—о покоящейся на очень древней основѣ жизни Китая, о своеобразномъ мірѣ Индіи, о Турціи, Персіи и вообще исламитской культурѣ; въ частности и въ особенности долженъ читатель найти въ этой серіи свѣдѣнія объ основаніяхъ, процессѣ и результатахъ глубокихъ броженій, охватившихъ не-европейскіе культурные народы и отчасти уже пережитыхъ ими,—о возрожденіи Турціи, Персіи и Китая, о пробужденіи Индіи. Другая серія книгъ, выпускаемая одновременно съ первой, будетъ посвящена главнѣйшимъ странамъ Европы и странамъ европейской культуры; современное состояніе обществъ, живущихъ въ формахъ этой культуры, и дѣйствующія въ этихъ обществахъ социальныя силы должны быть здѣсь по возможности разносторонне описаны и освѣщены; процессъ развитія этой культуры въ прошломъ можетъ, наоборотъ, здѣсь быть описанъ только въ возможно сжатыхъ очеркахъ, представляющихъ итоги современной исторической науки, главнымъ образомъ, съ точки зрѣнія единства этого процесса, — ибо и въ этомъ отношеніи совершилось въ послѣдніе годы замѣтное „объединеніе міра“: историческое изслѣдованіе открываетъ въ прошломъ европейской или, болѣе обще, средиземной культуры связи тамъ, гдѣ недавно еще были ничѣмъ не заполненные пробѣлы. Наконецъ, въ третьей серіи, выпускаемой одновременно съ первыми двумя, должны найти изображенія тѣхъ социальныхъ факторовъ и фактовъ, которые больше другихъ участвуютъ въ процессѣ объединенія человѣчества: эмиграція и колонизація, имперіализмъ, какъ движеніе политическое, мировая торговля и связанныя съ ней формы организаціи современной промышленности—организаціи предпринимателей, производителей и рабочихъ.

Предназначая нашу бібліотеку для широкихъ круговъ образованныхъ читателей, мы, естественно, должны держаться одинаково далеко отъ специальныхъ изслѣдованій, доступныхъ лишь немногимъ, и отъ бессодержательной по-

пуляризаціи, немного стоящей; научное содержаніе и доступное изложеніе одинаково обязательны для выпусковъ „Современнаго человѣчества“. Этимъ значительно затрудняется осуществленіе нашей задачи, особенно въ той части ея, которая касается внѣевропейскихъ культуръ: литература объ этихъ недавно еще чуждыхъ намъ мірахъ богата именно или специальными изслѣдованіями, или легковѣсными рассказами о чудесахъ и странностяхъ экзотическихъ странъ и экзотическихъ народовъ. Другого рода трудности возникаютъ въ связи со второй изъ намѣченныхъ выше серій. Европейскіе народы рѣдко подводятъ итоги условіямъ собственнаго существованія. Въ нѣмецкой литературѣ не мало, конечно, хорошихъ книгъ объ отдѣльныхъ сторонахъ нѣмецкой жизни, но трудно въ ней найти книгу о нѣмецкой жизни вообще. Такую книгу приходится искать у французовъ, англичанъ или у какого-либо другого изъ передовыхъ народовъ Европы. Точно также книгу о современной жизни Франціи приходится искать не у французовъ, а у сосѣдей ихъ, и слѣдствіемъ этого является то, что на такихъ книгахъ лежитъ часто печать политическаго пристрастія. Всего больше, можетъ быть, представляетъ трудностей третья серія нашей бібліотеки, такъ какъ стороны соціальной жизни, ею обнимаемая, сравнительно мало изслѣдованная вообще, еще рѣже изслѣдуются съ той точки зрѣнія, которая положена въ основу предпринятаго нами изданія. Все же эти трудности преодолимы, и пользуясь богатыми запасами міровой литературы, мы рассчитываемъ выполнить все изданіе — предполагается около 30 выпусковъ — приблизительно въ два года.

Не собираясь сдѣлать нашу бібліотеку иллюстрированной, т. е. не считая иллюстраціи обязательными для каждаго выпуска, редакція предполагаетъ, однако, многіе изъ нихъ, въ особенности выпуски, касающіеся внѣевропейскихъ странъ и культуръ, снабжать изобразительными приложеніями — картами, діаграммами или иллюстраціями въ собственномъ смыслѣ, смотря по содержанію книги.

Предисловіе.

Это сочиненіе, предлагаемое вниманію публики, является результатомъ двадцатилѣтнихъ размышленій и десятилѣтняго труда.

Мнѣ было бы трудно указать на источники, изъ которыхъ я черпалъ матеріалы для моей работы. Въ началѣ я читалъ, затѣмъ совершилъ поѣздку въ страну; послѣ четырехлѣтняго промежутка я вновь возвратился туда и на окружающую меня обстановку могъ взглянуть уже глазами болѣе опытнаго наблюдателя. Результаты своихъ наблюденій я частями печаталъ въ разныхъ изданіяхъ, въ видѣ отдѣльныхъ этюдовъ, отданныхъ на судъ компетентныхъ критиковъ. Подъ вліяніемъ ихъ указаній, я снова принялся за разработку моихъ набросковъ съ цѣлью придать имъ большую точность, большую ясность и особенно большую краткость; весь обработанный матеріалъ въ нѣсколько томовъ я сократилъ до одного.

Въ моментъ обнародованія этого труда считаю долгомъ заявить, что онъ принадлежитъ не одному только мнѣ. Онъ является результатомъ совокупныхъ усилій — моихъ и моего друга, сэра Вильяма Мейера, секретаря индійскаго правительства по финансовымъ дѣламъ, автора перевода, выпускаемаго въ Лондонѣ одновременно съ оригиналомъ. Сэръ Вильямъ не ограничился простымъ переводомъ моей книги; онъ внесъ фактическія и хронологическія поправки; критически провѣрилъ, а мѣстами измѣнилъ отдѣлы исторіи и техники, и потомъ уже я самъ сдѣлалъ переводъ съ его перевода. Въ неприкосновенности оставилъ онъ лишь мои теоретическія положенія, хотя, какъ англо-индеецъ, отнесся къ нимъ отрицательно. Словомъ, услуги, оказанныя имъ, слишкомъ цѣнны, и обязанъ я ему слишкомъ многимъ.

Послѣ него есть еще нѣсколько сотенъ лицъ, которымъ я не могу не выразить своей признательности: англичане и индійцы, лица всевозможныхъ положеній, чи-

новники всѣхъ ранговъ, состоящихъ на дѣйствительной службѣ и въ отставкѣ, офицеры арміи, политическіе агенты, техническіе агенты, профессора и ученые, осѣдлые жители и путешественники — всѣ они предложили мнѣ свое гостепрѣимство, свои знанія, свои матеріалы, свои со- вѣты, и я всѣмъ этимъ широко воспользовался. Этихъ лицъ такъ много, что я могу имъ выразить здѣсь лишь общую благодарность.

Я желалъ бы, чтобы эта книга оказалась достойной такого большого числа благосклонныхъ сотрудниковъ и великой французской колониальной партіи, для которой я написалъ ее и которой я ее посвящаю.

Ж. Ш.

Sables-d'Olouna, 1909.

Оглавление.

	стр.
ОТЪ РЕДАКЦИИ	III—VII
ПРЕДИСЛОВІЕ	IX—X
ОГЛАВЛЕНІЕ	XI—XV

Часть I.—Туземное общество.

ГЛАВА I.

СТРАНА.

§ 1. Нѣкоторыя изъ физическихъ и экономическихъ особенностей ея	1—10
---	------

Индія; двѣ характерныя особенности ея: обширность и разнообразіе. 1.—Дѣленіе ея въ географическомъ и политическомъ отношеніи, 1.—Горы, 2.—Вліяніе горъ на распредѣленіе водъ, 6.—Муссоны, различные географическіе пояса, 7.—Температура, климатъ, времена года, 8.—Лѣто, его вліяніе на хозяйство и администрацію страны, 9.

Примѣчанія: А) *Жара на сѣверо-западѣ Индіи.*—В) *Раджпутана въ физическомъ, экономическомъ и историческомъ отношеніяхъ,* 10.

§ 2. кое-что о чудесахъ Индіи	11—25
---	-------

Небо и свѣтъ, 11.—Природа и пейзажъ, 12.—Человѣкъ и животныя; хищники и ихъ жертвы, 14.—Разнообразіе страны, 15.—Индія и привычныя намъ цивилизаціи, 16.—Индія современная и Индія минувшихъ временъ, 18.—Современные города, храмы и паломничества: Бомбей, Калькутта, Каратчи, Рангунъ, Аутокамундъ и Сямла; Гейдерабадъ и Банаресь, 18.

ГЛАВА II.

ТУЗЕМНОЕ ОБЩЕСТВО.

§ 1. Демографія 26—37

Перепись 1901 г., 26.—Общая данная, 27.—Цифры; ихъ возрастаніе съ 1891 по 1901 г., 28.—Продолжительность жизни, рождаемость, смертность, 29.—Распределеніе населенія, его густота, 30.—Переселенія и эмиграція; переселенія рабочихъ внутри Индіи, 31.—Эмиграція въ собственномъ смыслѣ: эмиграція изъ Индіи въ Бирму, ея причины и послѣдствія, 32.—Иммиграція: горкасы, афганцы, китайцы, арабы, 33.—Мужское и женское населеніе: значительное количественное преобладаніе женщинъ надъ мужчинами, 34.—Объясненіе этого явленія, 35.—Браки: брачный возрастъ; браки дѣтей, вдовцы и вдовы, ихъ возрастъ, причина преждевременныхъ браковъ и преждевременнаго вдовства, 35.—Полигамія, моногамія, полиандрія, матриархатъ, 37.

Примѣчаніе: *Бирманецъ*, 37—39.

§ 2. Языки и расы 39—45

Языки и діалекты, число ихъ по переписи 1901 г., 39.—Лингвистическіе факты и этнологическія теоріи, 39.—Главные языки Индіи и ихъ производные, 40.—Разнообразіе языковъ; историческія объясненія, 40.—Первобытное населеніе; дравиды; эмиграція и нашествіе арійцевъ; брамины миссіонеры, брамины сѣверные и южные, съ бѣлой и смуглой кожей, 42.—Пришлое населеніе, смѣшавшееся съ дравидами и арійцами: сики и мусульмане; моголы, ихъ упорченіе, ихъ могущество; область приплага населенія, отсутствіе единства, отсутствіе національности, 42,—индійская нація, 44.

§ 3. Религія 45—85

Точка зрѣнія автора; статистика и распределеніе религіи, 45.—Индуизмъ, его значеніе, какъ религіи дѣйственной и какъ общественнаго кодекса; его догматы, его обряды, его институты; культъ предковъ, святость коровы, уваженіе къ жизни животныхъ; брамины, его роль, его значеніе; индускій пантеонъ, боги, боги національные и боги мѣстные; суевѣріе; анимизмъ, провинціи и племена, гдѣ онъ господствуетъ; его значеніе; религіозное состояніе населенія; скептицизмъ; индуизмъ есть политическое міросозерданіе; теософизмъ, индійскій пантеизмъ, 47.—Исламъ, его распространеніе; отношенія между исламомъ и индуизмомъ; аскеты и астрологи,

sadhous и *pirs*; взаимная вражда и соперничество между индусами и мусульманами; доляльность въ отношеніяхъ къ Англіи, 59.—Буддизмъ; моральный кодексъ; его догматы; *nebhan*; послѣдствія этой доктрины; буддистское духовенство, его организація; упадокъ вѣры, 69.—Джайнизмъ, 76.—Сики, 76.—Парсы, ихъ малочисленность, ихъ положеніе, ихъ роль; балли молчанія въ Бомбеѣ, 78.—Христіане, статистическія данныя; обращеніе въ христіанство, послѣдствія этого; положеніе обращенныхъ; миссіонеры различныхъ вѣроисповѣданій, 80.—Выводы: религіозная политика англичанъ—терпимость и безпристрастіе; результаты, 83.

Примѣчанія: А) *Bhagavad Gita.*, 86—88.—
В) *Паломничество*, 88—89.

§ 4. Каста 90—117

Важность этого соціального явленія, 90.—Опредѣленія и характеристики, 90.—Разныя теоріи происхожденія касты, 91.—Древность касты: перенесеніе идеи касты въ Индію изъ Персіи, 97.—Первоначальныя касты; число ихъ въ настоящее время; ихъ относительная важность; каста и присоединенные народы, 98.—Образованіе кастъ; какъ онѣ продолжаютъ конституироваться; какимъ образомъ можно выйти изъ касты; приемы индивидуальныя и приемы коллективные, 101.—Касты высшія и касты низшія; низшія касты и европейскіе миссіонеры; паріи, ихъ соціальная роль, ихъ положеніе, 104.—Взаимныя права и обязанности членовъ одной и той же касты; пища; *Jus connubii*, эндогамія и экзогамія, 108.—Опытъ классификаціи кастъ: возникающія при этомъ затрудненія; примѣръ Бенгаліи въ 1901 г., 112.—Слѣдствія и вліянія; исламъ и индуизмъ; рабство и мятежи; отлученіе; слабая тенденція къ эмансипаціи, 114.

Примѣчанія: А) *Касты и ихъ подраздѣленія*, 117.—В) *Касты оскверняющія*, 118.

§ 5. Поселяне и горожане; занятія и ремесла . . 119—126

Деревенская Индія; города и деревни; въ провинціяхъ, относительная численность крестьянъ, 119.—Деревня; деревенскій старшина, деревенскіе служащіе, 121.—Различныя занятія: земледѣліе, ремесла, административная дѣятельность; наследственность занятій, 122.—Преступныя банды, арена ихъ дѣйствій, ихъ значеніе: хуры, 124.

Примѣчаніе: *Племена преступниковъ*, 126.

§ 6. Экономическое положеніе 128—135

Земля; ея дробленіе; *zamindars* и *ryots*; поле крестьянина-собственника; шансы его на доходы и сбереженія, 128.—Торговля, ея размѣры; въ чьихъ рукахъ она сосредоточена; участіе въ ней индійцевъ, крупная и мелкая торговля; ярмарки и базары; *bazar-day*, 129.—Трудящіеся и празднующіеся; аренда земли и сдача части арендованной земли; рабочіе дни; нерабочіе праздничные дни; землевладельцы и арендаторы, 131.—Безпечность; сберегательныя кассы; мѣры, направленные къ сокращенію расточительныхъ расходовъ; ростовщикъ, его роль и положеніе, 132.

§ 7. Соціальная реформа 135—157

Необходимость реформъ; партія реформы; на кого она можетъ разсчитывать, 135.—Исходный пунктъ реформы: каста, ея глубокое противорѣчіе духу реформы; необходимость согласованія реформы съ религіей; мнѣніе Чандаваркара, — 136.—Состояніе индусскаго общества; супругъ и семья; вдовы и сожженіе вдовъ; умерщвленіе дѣтей женскаго пола, происхожденіе этого обычая; мужчины и двоеженство; женщины и чувство ревности, 137.—Положеніе женщинъ: *purdah ladies, zenana*; мусульмане и индусы; къ какимъ классамъ принадлежатъ *purdah*; богатые и бѣдные. Будущее *purdah system*, 141.—Преждевременные браки дѣтей; происхожденіе этого обычая; его печальныя послѣдствія, 143.—Положеніе вдовъ; запрещеніе новаго замужества; попытка реформы: Ишваръ Чандра Видьясагаръ: законъ 1856 г.; его неудача, 145. Партія соціальной реформы; на что она можетъ надѣяться; матеріальный и механический характеръ цивилизаціи и ея успѣхи; моральная личность человѣка ею еще не затронута; прогрессивное движеніе должно опираться на требованія религіи, сила предрасудковъ, вліяніе старо-индійцевъ, 147.—Программа соціальныхъ, экономическихъ и религіозныхъ реформъ, 149.—Начало реформистскаго движенія; различныя направленія его: индусы и мусульмане; *Aligahr movement* и *Ahmediyah*; *Arya Samaj* и *Brahmo Samaj*; нѣсколько подробностей о каждомъ изъ нихъ, въ частности о *Brahmo Samaj*; его основатель, его вожди, его успѣхи, его крушеніе; его роль, какъ религіи и какъ ассоціаціи для пропаганды реформы; нѣкоторые изъ его главныхъ адептовъ, 150.—Индусское общество и реформа, три категоріи, на которыя оно дѣлится; шансы реформы, 155.

§ 8. Политическая реформа: ея требованія и стремленія; національная партія 157—183

Національная партія, ея составъ; реформаторы и политики; люди теоріи и люди дѣйствія; ихъ отношеніе къ народу; націоналистическая тенденція этой партіи, индусскій націонализмъ, 157.—Національная партія и англичане; какимъ путемъ англичане дѣйствительно могли бы побороть ее, 160.—Оружіе національной партіи: пресса, ея происхожденіе, ея развитіе, ея отношеніе къ администраціи; проектируемые правительствомъ планы контръ-атаки.—Провинціальный конференціи, 162.—Національный конгрессъ, его вожди, его засѣданія, его организаціи; рѣчи предсѣдателей; его результаты; его современное безсиліе: дѣленіе на старую и молодую Индію, взаимное соперничество лицъ; отношеніе къ нему правительства вначалѣ и теперь; его сила; содѣйствіе со стороны радикальной партіи въ Англіи; тактическія ошибки національной партіи, ея предвзятая вражда къ администраціи, ея рѣзкія сужденія, ея пламенные и несправедливыя нападки, ея программа, ея минимальныя требованія, 165.—Другія реформистскія движенія; возвратъ къ золотому вѣку; деревни и *ranchayats* (совѣты старѣйшихъ), различные планы реорганизаціи; союзы деревень, 175.—Лояльность индійцевъ; ихъ преданность; ихъ мнѣніе объ управленіи англичанъ, 179.—Противоположныя и непримиримыя требованія реформистовъ и англичанъ; взаимныя обвиненія; относительныя позиціи; въ какихъ вопросахъ уступить Англіи, и въ какихъ она не уступить, 181.—Своеобразный проектъ: дальнѣйшее развитіе плана Дизраэли; король Индіи, 182.

Примѣчаніе: *Революціонная партія въ Индіи*, 183.

§ 9. Отношенія между англичанами и индійцами на почвѣ соціального общенія 185—193

Постановка вопроса; отношенія чисто дѣловыя; отсутствіе обычныхъ житейскихъ отношеній; причина этого явленія; жалобы индійцевъ, жалобы англичанъ, 185.—Нѣкоторые исключенія: въ арміи, на границѣ; офицеры и солдаты, спортсмены, 188.—Причина затрудненій; препятствія со стороны англичанъ; обостреніе вопроса въ послѣднее время; англо-индійцы 50 лѣтъ тому назадъ; современныя связи съ Англіей послѣ установленія быстрыхъ сообщеній, 189.—Препятствія со стороны индійцевъ; рѣчь мистриссъ Тиабджи, 190.—Личныя связи невозможны, потому что стали бесполезны; семейная жизнь, чрезмѣрный трудъ; вопросъ о взаимномъ вліяніи; каждая нація отстаиваетъ свою самобытность; воспитаніе у индійцевъ и у англо-индійцевъ, 191.—Заключеніе, 193.

Книга I.

Туземное Общество.

ГЛАВА I.

Страна.

- 1) Нѣкоторыя изъ физическихъ и экономическихъ особенностей ея.

Индія—это цѣлый мѣръ по обширности занимаемаго ею пространства и разнообразію.

Поверхность Индіи, включая часть ея, входящую въ составъ Индо-Китая, равняется 1.766.000 кв. миль или 4.690.000 кв. километровъ (1 кв. миля = 2,6 кв. километра). Диагональ, проведенная отъ Белуджистана до восточной ассамо-китайской границы, или отъ сѣверной границы черезъ Кашмирскія горы, къ мысу Коморину, имѣла бы длину болѣе 2000 миль (1 миля = 1609 метровъ). Ея сухопутная граница имѣетъ протяженіе до 6.000 миль (9.650 км.); морская—до 9000 миль (14.480 км.). Чтобы дать болѣе точное и привычное для насъ представленіе о пространствѣ, заключенномъ въ этихъ границахъ, пояснимъ, что оно столь же обширно, какъ пространство Европы безъ Россіи.

Съ географической точки зрѣнія въ этой массѣ, въ этомъ, можно сказать, континентѣ различаютъ: собственно Индостанскій полуостровъ, ограниченный моремъ и горами; горную область (сѣверъ и сѣверо-западъ); нагорье Кашмиръ и, строго говоря, Тибетъ; наконецъ, Индо-китайскія земли—Бирма и государства Шань, которыми Индія граничитъ съ Китаемъ и Сіамомъ.

Въ дополненіе къ этому, къ Индіи слѣдуетъ также отнести и нѣкоторыя страны, расположенныя между нею и Европой и занятыя или подчиненныя англичанами своему

вліянію для обезпеченія безопасности своихъ сообщеній: Аденъ, связанный съ Бомбеемъ, и нѣсколько пунктовъ на берегахъ Аравіи и Персидскаго залива.

Политически Индія образуетъ двѣ группы: Индію британскую, включая въ нее Бирму (болѣе милліона кв. миль, или 2.600.000 кв. км. съ 232 милліонами жителей), и туземныя государства, индусскія или мусульманскія,— Индію князей или туземныхъ племенныхъ главъ, состоящихъ въ союзныхъ, можно бы сказать вассальныхъ ¹⁾ отношеніяхъ къ британской коронѣ (70.000 кв. миль, или 1.750.000 кв. км. съ 62.500.000 жителей).

Читатель не долженъ ожидать отъ насъ географическаго описанія Индіи; оно не входитъ въ рамки нашего труда. Мы остановимся лишь на нѣкоторыхъ господствующихъ особенностяхъ ея физическаго строенія, оказывающихъ непосредственное вліяніе на политическій и экономическій складъ страны.

Прежде всего должно отмѣтить огромное значеніе горъ.

Во всѣхъ странахъ горы играютъ крупную роль. Въ Индіи же онѣ управляютъ экономическою жизнью и вліяютъ даже на характеръ административнаго режима. Своими рѣчками, притоками, распределеніемъ водъ и, въ значительной мѣрѣ, дождями; степенью плодородія земель, формами землевладѣнія и земледѣлія; распределеніемъ населенія, его богатствомъ или бѣдностью; даже обычаемъ переселенія правительственныхъ лицъ въ зависимости отъ временъ года—всѣми этими сторонами жизни, полной контрастовъ, выгодны ли онѣ для нея или невыгодны, Индія обязана своимъ горамъ. Впрочемъ, слово горы здѣсь не совсѣмъ подходитъ. Для большей точности здѣсь надо говорить о группахъ или системахъ горъ. Ихъ можно раздѣлить на двѣ главныя системы: на системы—Гималаевъ и различныхъ горныхъ цѣпей полуострова.

Гималаи, или „область снѣговъ“ имѣютъ значеніе не для одной только Индіи. Онѣ служатъ back-bone, становымъ хребтомъ Центральной Азіи. Состоятъ онѣ изъ трехъ частей: части, обращенной къ югу и не совсѣмъ точно называемой англо-индійцами также Гималаями; другой части, обращенной къ сѣверу и носящей особое названіе—

¹⁾ Ни одно изъ этихъ выраженій не вполне точно, см. ниже, кн. II, гл. I, Туземныя государства.

Куэнь-Лунь; между этими двумя частями расположено громаднѣйшее плато отъ 4.500 до 5000 метровъ средней высоты, а мѣстами еще гораздо выше.

Такимъ образомъ Гималаи образуютъ колоссальную горную массу. Съ востока на западъ она имѣетъ протяженіе въ 3.200 км.; отъ сѣвера къ югу—800 км. Поверхность ея имѣетъ 2.500.000 кв. км., т.-е. она по своему пространству равняется Франціи, Великобританіи, Италіи, Австріи и Германской имперіи, вмѣстѣ взятымъ. Высота Гималаевъ неизмѣрима. Средняя высота надъ уровнемъ моря линіи водораздѣла равняется 5.500 метровъ. Отдаленность разстояній, отсутствіе дорогъ, невозможность поддерживать ихъ въ исправномъ видѣ, рѣдкость или враждебное настроеніе окружающаго населенія—все это создаетъ между Индіей и Азіей весьма трудно проходимый барьеръ. Англійская армія убѣдилась въ этомъ во время своей послѣдней экспедиціи въ Тибетъ. Однако, у Белуджистана и Афганистана горныя высоты значительно понижаются, и благодаря этому обстоятельству обѣ названныя страны во всѣ времена служили большою дорогой для внѣшнихъ нашествій.

Обширность пространства предполагаетъ и разнообразіе его. Въ этомъ отношеніи Гималаи могутъ удовлетворить самаго любознательнаго наблюдателя. Онъ встрѣтитъ на нихъ всевозможныя формы, виды и картины природы: и мертвую безплодную пустыню, и счастливыя долины, зеленѣющія роскошной растительностью, и ледники, покрывающіе цѣлую область, и гигантскія горы, достигающія, какъ, напр., Эверестъ, почти 9000 метровъ, или какъ его младшіе братья, поднимающіеся болѣе чѣмъ на 8000 метр. и съ своей высоты съ горделивымъ презрѣніемъ глядящія на высочайшія горы Европы; размѣры ихъ столь колоссальны, что путешественникъ, проходящій черезъ долины у ихъ подножій, не замѣчаетъ даже своего перемѣщенія по отношенію къ ихъ массѣ. Несмотря на это, эти горы, какъ уже замѣтилъ Жакмонъ, съ перваго взгляда на нихъ не утрашаютъ и не поражаютъ; онѣ не вздымаются прямо въ высь, но представляютъ собою нагроможденіе горныхъ массивовъ, послѣдовательными ступенями возвышающихся другъ надъ другомъ, и самыя высокія вершины можно наблюдать только на очень отдаленномъ разстояніи.

Ниже я скажу о томъ вліяніи, какое этотъ барьеръ имѣетъ на дожди и особенно на то, что называютъ муссо-

нами. Что касается рѣкъ, то южная Азія обязана имъ всецѣло Гималаямъ. Именно, съ горнаго массива, расположеннаго за индійскими Гималаями, берутъ начало (ограничимся самыми крупными рѣками) Индъ, Сетледжъ, Браманутра, самъ Гангъ, хотя по видимости это какъ будто и не такъ, Правади и Салуэиъ.

Изъ трехъ цѣпей, составляющихъ Гималаи, одна имѣетъ особенно важное значеніе для Индіи; это, какъ я уже упоминалъ, горная цѣпь, обращенная къ югу. Она тянется отъ сѣверо-запада къ югу-востоку и налагаетъ свой отпечатокъ на ту большую часть страны, которую сэръ Джонъ Страчей справедливо называетъ Индо-Гангской, т.-е. на долину Инда, примыкающую къ Аравійскому морю, и долину Ганга, встунающую въ Бенгалскій заливъ; въ общемъ эта часть страны имѣетъ 800.000 метровъ протяженія и 160.000.000 жителей.

Въ этихъ именно „индійскихъ Гималаяхъ“ и встрѣчаются знаменитыя въ англо-индійскихъ лѣтописяхъ горныя станціи или „лѣтніе города“, расположенныя на горныхъ плато или прислоненныя къ горнымъ покатоостямъ. Чиновники, рассчитывающіе на отпускъ, мечтаютъ провести время тропической жары въ Кашмирѣ, на берегахъ обильныхъ рыбой озеръ и рѣкъ, въ *house-boats*, среди дикихъ, покрытыхъ цвѣтами горъ, и пожить той жизнью спорта, плаванія, катанія на лодкахъ и охоты, которая нѣсколько напоминаетъ имъ объ ихъ далекомъ отечествѣ. Чиновники высшаго ранга, начальники провинцій, совѣтъ не выѣзжаютъ изъ Индіи; они прикованы къ своему дѣлу. Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ они, за исключеніемъ случаевъ болѣзни, не получаютъ никакого отпуска отъ своего правительства. Они должны отдыхать, не прекращая своей работы. Очень многіе изъ нихъ въ самой ихъ провинціи или близости отъ нея находятъ на Гималаяхъ административный центръ, лѣтній городъ — Симлу, Дарджилингъ, Наини-Таль и др. Высота надъ уровнемъ моря, на которой находятся эти города, даетъ возможность бороться съ лѣтнимъ зноемъ, днемъ работать, ночью спать спокойнымъ сномъ, не нарушаемымъ москитами; только обреченныя мукамъ палящаго лѣта равнины могутъ оцѣнить всю неизъяснимую прелесть ночной прохлады и безмятежнаго сна.

Въ состояніи ли кто-нибудь воспроизвести неисчислимое разнообразіе быстро смѣняющихся картинъ природы на Гималаяхъ? Эти горныя склоны, сосѣдніе съ Симлой,

покрытые гигантскими рододендронами, соперничающими по своему обхвату со столбѣтными дубами! Эти красные цвѣты, яркими пятнами выступающіе на фонѣ темно-зеленой листвы-деодоровъ, и находящійся всего на разстояніи одного льѣ отъ нихъ ледникъ, сверкающій волшебными огнями подъ лучами солнца! А эти величественные пики въ окрестностяхъ Дарджилинга съ ихъ сказочною красотою—съ густыми облаками, громоздящимися по ихъ уступамъ, розовою мглою, окаймляющею при восходѣ солнца ихъ очертанія, въ то время какъ въ глубинѣ долинъ все спитъ еще подъ покровомъ молочнаго тумана! А гордая красота озера Наини-Толь съ его берегами, то веселыми и нарядными, то трагическими и угрюмыми! Тысячи чудесъ! Увидѣть ихъ всѣ и, быть-можетъ, никогда уже не увидѣть ихъ снова!

Рядомъ съ Гималаями другія горы кажутся обыкновенными холмами. И, однако, треугольникъ, образуемый полуостровомъ и омываемый Индійскимъ океаномъ, заключаетъ въ себѣ цѣлую горную систему, оказывающую рѣшительное вліяніе, и физическое и экономическое, на область съ поверхностью не менѣе 700.000 кв. миль (1.750.000 кв. км.) и съ населеніемъ въ 120.000.000 душъ. Нельзя сказать, чтобы этотъ треугольникъ представлялъ собою плато; пространства съ ровною поверхностью попадаются въ немъ рѣдко; поверхность его скорѣе представляетъ чередующуюся смѣну возвышенностей и котловинъ, съ попадающимися тамъ и сямъ крупными выступами, вышиною въ 500—1000 метровъ. Два горныхъ массива выдѣляются на этомъ треугольникѣ. Одинъ, идущій вдоль каждой изъ сторонъ его; это—Гаты (что означаетъ—ступени, лѣстницу), горныя цѣпи, протянувшіяся отъ сѣвера къ югу почти параллельно берегу Индійскаго океана: западныя Гаты—вышиною отъ 1200 до 2700 метровъ и восточныя, менѣе высокія. Другой массивъ, пересекающій треугольникъ съ востока на западъ, на подобіе коридора, представляютъ собою горы Виндія и Сатпура, вышиною отъ 1200 до 1400 метровъ. Изъ этого коридора берутъ начало двѣ рѣки, впадающія въ Аравійское море, Нербуда и Тапти. Въ западныхъ Гатахъ находятся истоки рѣкъ Годавери, Кришны и Кавери, впадающихъ въ Бенгальскій заливъ. Всѣ эти рѣки, хотя и не достаточны для орошенія столь обширной области, обладающей къ тому же крайне неровной поверхностью, тѣмъ не менѣе являются

крупнѣйшимъ факторомъ ея жизни, служа средствомъ перевозки и источникомъ для ирригаціи полей.

Уже одно то значеніе, которое Индіи справедливо приписываетъ водѣ, показываетъ, какъ здѣсь все отлично отъ Европы, особенно отъ центральной Европы. У насъ земледѣлю (за исключеніемъ огородной культуры, обыкновенно искусственной и пространственно ограниченной) рѣдко приходится страдать отъ засухи. Въ Индіи, наоборотъ, часто ощущается недостатокъ во влагѣ, а полное отсутствіе ея или недостатокъ равносильны недороду или даже полному голоду.

Вода доставляется людямъ водными потоками и дождями. Водные потоки Индіи считаются высочайшими на земномъ шарѣ горами, снѣга которыхъ обезпечиваютъ имъ почти неистощимый запасъ влаги. Области, орошаемыя ими, благодаря ирригаціоннымъ приспособленіямъ, достаточно прочно защищены отъ засухи. Но есть и такія области, гдѣ рѣки не обладаютъ столь обильнымъ запасомъ влаги, гдѣ онѣ менѣе надежны и гдѣ поэтому ирригація захватываетъ меньшее пространство. Существуютъ также мѣстности, орошаемыя незначительными рѣчками и возлагающія всѣ свои надежды на дождевые осадки. Въ этихъ именно мѣстностяхъ и земледѣлецъ и чиновникъ обращаютъ свой тревожно-вопросительный взоръ на небо, молятъ тучи о дождѣ и проклинаютъ ихъ, когда онѣ пробѣгаютъ надъ жаждущими влаги полями. Офіціальныя газеты періодически посвящаютъ дождямъ специальный обзоръ. Gazette de l'Inde даетъ особое приложеніе, сообщающее о количествѣ выпадающихъ осадковъ въ каждой области, въ каждой провинціи, въ каждомъ округѣ. Всѣ безъ исключенія мѣстныя газеты имѣютъ рубрику: „Состояніе погоды“, въ которой дается сводъ метеорологическихъ данныхъ и сообщается о видахъ на урожай. Особенно увеличивается число статей по этому отдѣлу, когда приближаются или начинаютъ дуть муссоны. Въ это время газеты пестрятъ заголовками въ родѣ слѣдующихъ: „Предвидится дождь“; „Начался дождь тогда-то“; „Въ такомъ-то мѣстѣ дождь продолжается“; „Обильное выпаденіе дождя“; „Хорошій дождь“ (fair amount); „Перспадаютъ дожди“; „Небольшой дождь“ и т. д. Это критическое время года; и каждый годъ цѣлый народъ волнуется одидами и тѣми же тревогами. Въ Индіи, гдѣ maximum осадковъ не спускается ниже 25 дюймовъ (1 дюймъ = 2 1/2 сантиметрамъ), густота

населенія, за нѣкоторыми исключеніями, опредѣляется исключительно температурой и дождями и измѣняется въ зависимости отъ нихъ ¹⁾).

Чтобы быть полезнымъ земледѣльцу, дождь долженъ удовлетворять двумъ условіямъ—обилію и своевременности. Напр., центральныя провинціи, по преимуществу земледѣльческія, обыкновенно получаютъ 60 дюймовъ выпадающихъ осадковъ въ теченіе года; этого количества было бы совершенно достаточно. Но у двухъ главныхъ земледѣльческихъ культуръ—у культуры риса и культуры хлопка потребности во влагѣ различны и даже прямо противоположны. Такимъ образомъ, и выпадающій дождь не для всѣхъ является благодѣяніемъ. Распредѣленіе дождевыхъ осадковъ находится въ самой тѣсной зависимости отъ направленія муссоновъ, отъ формы и высоты горъ. По общему мнѣнію, существуетъ два теченія муссоновъ: юго-западный муссонъ, который дуетъ съ іюня до сентября, и муссонъ, вообще называемый сѣверо-восточнымъ, но въ сущности являющийся теченіемъ того же юго-западнаго муссона на его обратномъ пути и дующій съ октября до декабря.

Юго-западный муссонъ приходитъ и проникаетъ съ двухъ сторонъ: со стороны Бенгальскаго залива и со стороны Аравійскаго моря. Дожди, приносимыя муссономъ съ Аравійскаго моря, орошаютъ, главнымъ образомъ, пространство между моремъ и юго-западными Гатами и округа, расположенные непосредственно за ними; но эти дожди распространяются также и на центральную Индію и на Раджпутану. Дожди, приносимые муссономъ со стороны Бенгальскаго залива орошаютъ Бирму, Ассамъ, Бенгалію и долину Ганга. Затѣмъ оба теченія муссоновъ соединяются, чтобы оросить Пенджабъ и округа восточныхъ Гималаевъ. Области, которыя юго-западными муссонами захватываются цѣликомъ, насыщены влагою; нѣкоторыя части западныхъ Гатовъ и Ассама получаютъ отъ 300 до 500 дюймовъ (отъ 7,50 метр. до 12,50 м.) ежегодныхъ дождевыхъ осадковъ. Въ Парижѣ среднее годовое количество дождевыхъ осадковъ составляетъ 0,60 м. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Индіи въ теченіе только 24-хъ часовъ выпадаетъ большее количество осадковъ.

¹⁾ Впрочемъ, тутъ имѣютъ значеніе и другіе привходящіе факторы: плодородіе почвы, близость рынка, удобство сообщеній, обезпеченіе личной и имущественной безопасности.

Сѣверо-восточный муссонъ орошаетъ своими дождями берегъ Карнатики (Мадрасъ) и распространяется внутрь на плато Майсуръ и вплоть до западныхъ Гатовъ.

На иныя области, а именно на нѣкоторыя части Декана и Карнатики, простирается дѣйствіе обонхъ муссоновъ. Но зато есть и такія области, которымъ отъ муссоновъ ничего не перепадаетъ, т.-е. онѣ лишены правильныхъ періодическихъ дождей; необходимую для нихъ влагу они получаютъ отъ другихъ дождей, подобныхъ нашимъ неправильнымъ европейскимъ дождямъ и имѣющихъ для нихъ поэтому капитальную важность.

Распредѣленіе дождевыхъ осадковъ по всей Индіи чрезвычайно неравномѣрно. Я только-что приводилъ цифры для западныхъ Гатовъ и Ассама. Синдъ ¹⁾, мѣстность безводная, сравниваемая съ нѣкоторыми частями Египта, получаетъ въ годъ 0,08 м. дождевыхъ осадковъ; Белуджистанъ—0,087 м.; восточная Раджпутана ²⁾—0,114 м. Въ одной и той же области эти цифры различаются самымъ изумительнымъ образомъ.

Какъ и распредѣленіе дождей, неодинаково и состояніе температуры въ Индіи. Это объясняется чрезмѣрной обширностью страны: всѣ климаты встрѣчаются въ ней. Въ одно и то же время наблюдаются температуры столь же различныя, какъ температуры Ниццы и С.-Петербурга въ зимній сезонъ. Тѣмъ не менѣе, можно сказать, что въ Индіи существуютъ двѣ термическія области: одна, гдѣ температура почти въ теченіе всего года остается на высокомъ уровнѣ, не показывая замѣтнаго и продолжительнаго пониженія зимою; это—область центральной и южной Индіи; и другая, гдѣ зима и лѣто отличаются громадною разницею температуръ: зима—суровымъ холодомъ, лѣто—чрезвычайнымъ зноемъ; это—область Пенджаба, Синда, сѣверная и сѣверо-западная.

Это несходство двухъ областей объясняется довольно просто. Сѣверная область по мѣрѣ удаленія ея отъ экватора, не знаетъ уже того равенства дней и ночей, которое круглый годъ обуславливаетъ равновѣсіе температуры. Время, въ теченіе котораго солнце въ продолженіе сутокъ находится надъ горизонтомъ, мѣняется соотвѣтственно временамъ года и посылаетъ на землю большее или

¹⁾ См. прим. А., стр. 10.

²⁾ См. прим. В., стр. 11.

меньшее количество тепла. Индійскій континентъ въ направленіи отъ юга къ сѣверу расширяется и становится менѣ доступнымъ вліянію моря, которое способствуетъ уравниванію температуры. Наконецъ, измѣнчивое состояніе атмосферы усиливаетъ или ослабляетъ лучеиспускаемость, посредствомъ которой земля возвращаетъ въ пространство полученную ею теплоту.

Въ провинціяхъ, которымъ знакомы два времени года, самымъ страшнымъ для европейца является лѣто, для туземца—зима. Съ наступленіемъ холодовъ туземецъ дрожитъ подъ своими бумажными лохмотьями. Съ наступленіемъ лѣтняго зноя европеецъ бѣжитъ, если можетъ, изъ равнины; но это лишь удѣлъ *harry few* (немногихъ счастливицевъ). Киплингъ описалъ мучительную жизнь тѣхъ, кого должностныя обязанности удерживаютъ вдали отъ горъ, отъ ихъ прохлады и развлеченій.

Въ общемъ, за нѣсколькими исключеніями, климатъ Индіи жестокъ и мучителенъ. Солнце и влага, комбинируя свои вліянія, развиваютъ сырость и духоту, одинаково обезсиливающія и расслабляющія. И не одинъ только европеецъ страдаетъ отъ нихъ. На обширныхъ пространствахъ, въ центрѣ страны, лихорадка беспощадно коситъ туземцевъ и нельзя исключительно приписывать это бѣдствіе ни болотамъ, порождающимъ лихорадку, ни комарамъ, разносящимъ ее. Въ 1902 г. средняя смертность Британской Индіи ¹⁾ дошла до 31,67 на тысячу жителей, при чемъ 19,17 смертныхъ случаевъ приходились на долю лихорадки. Въ Бирмѣ третья экспедиція, занявшая Верхнюю Бирму потеряла (въ теченіе одного года отъ 17 ноября 1885 по 31 октября 1886 г.) 22 офицеровъ (11 убитыхъ и 11 раненыхъ) на поляхъ сраженій и 76 офицеровъ отъ болѣзни; та же пропорція наблюдалась и относительно солдатъ: 80 убитыхъ, 919 раненыхъ, 1956 больныхъ. Въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи, особенно въ самомъ сердцѣ полуострова, встрѣчается безчисленное количество насѣкомыхъ, летающихъ, лазающихъ, свѣтящихся, благовонныхъ, зловонныхъ; они наполняютъ собою воздушное пространство, надобѣдаютъ по вечерамъ, мучаютъ по ночамъ.

Таковы условія, оказывающія безспорное вліяніе на нѣкоторыя стороны политики и администраціи въ Индіи. Англичане сдѣлали и должны были сдѣлать мѣстныя

¹⁾ Ср. для всей Индіи, Демографія, стр. 27—30.

гигіеническія условія и все относящееся до нихъ предметомъ самаго внимательнаго и подробнаго изученія.

Колонизація въ собственномъ смыслѣ, т.-е. поселеніе многочисленныхъ европейцевъ, привязанныхъ къ мѣсту жительства постоянными интересами, считалась англичанами невозможной, и по этой причинѣ (а также и по другимъ весьма любопытнымъ причинамъ экономического и политическаго порядка, о которыхъ мы еще будемъ говорить) долгое время считали своею обязанностью удерживать отъ нея.

Теперь мы можемъ понять, почему администрація усвоила черты и характеръ бродячей администраціи. Въ теченіи всей зимы, чиновники, согласно инструкціи, находятся въ безпрерывномъ движеніи, что приноситъ значительныя выгоды съ точки зрѣнія профессиональной и физической; а съ наступленіемъ лѣта цѣлая группа администраторовъ, которая, по мнѣнію лицъ, не поступающихъ въ ея составъ, никогда не бываетъ достаточно многочисленна, переселяется изъ пустыющихъ равнинъ каждой провинціи въ прохладу горныхъ высотъ, одинаково благотворную и для духа и для тѣла. Это выгодно во всѣхъ отношеніяхъ—и въ отношеніи здоровья и въ отношеніи продуктивности работы; берегаются и люди и время.

Примѣчанія.

Прим. А. (къ стр. 8): *Лѣтній зной въ сѣверо-западной Индіи.*

Въ Сиддѣ, Пенджабѣ, Раджпутанѣ почва преимущественно песчаная. Песокъ накапливаетъ и сохраняетъ солнечный жаръ. Въ верхнемъ Сиддѣ, отдаленномъ отъ моря, ртуть въ термометрѣ поднимается страшно высоко и не спускается. Всѣ жилы помѣщенія, всѣ привычки явно свидѣтельствуютъ о постоянной заботѣ избавиться отъ невыносимаго зноя. Отъ 6 ч. утра до 8 ч. вѣч. все живое плотно закупоривается въ помѣщеніяхъ съ земляными стѣнами, толщина которыхъ отъ 5—6 футовъ напоминаетъ древнія постройки. Только при такихъ условіяхъ можно выдержать температуру, колеблющуюся между 100 и 105° Фаренгейта (37,7° и 40,3° Цельсія); безъ этого жилищнаго приспособленія температура поднялась бы до 115—120° (46—49° Цельсія). Повсюду качаются рапкахъ—широко распространенная форма вѣера, приводимаго въ движеніе руками посредствомъ веревокъ, переброшенныхъ черезъ балки; рапкахъ во время обѣда на открытомъ воздухѣ; рапкахъ для охлажденія игроковъ въ теннисъ; рапкахъ во время письменныхъ занятій; рапкахъ во время ночного сна на террасѣ съ навѣсомъ, выдвинутымъ впередъ для уловленія малѣйшаго дуновенія воздуха и для обезпеченія себѣ хотя бы мгновенной случайной прохлады. Не можетъ быть и рѣчи о защитѣ противъ страшнаго лѣтнаго бича,

москитовъ, какой-нибудь вуалю; эта вуаль дѣйствовала бы, какъ раскаленная печь. Невольно приходится покориться этому бичу, прикрывая ступени и голени ногъ обувью и чулками, оставляя открытымъ торсъ, смазанный керосиномъ, запахъ котораго отгоняетъ москитовъ. Ночью окружаютъ себя кувшинами изъ пористой глинны, которые воу (слуга) часто поливаетъ водой и размахиваетъ ими въ воздухъ, чтобы вызвать освѣжающее испареніе. И это происходитъ въ той самой странѣ, гдѣ зимою, подъ страхомъ замерзанія, необходимо одѣваться въ суконную одежду, иногда даже двойной толщины.

Прим. В. (къ стр. 9): *Раджпутана*.

Раджпутана мѣстность во всей Индіи, наиболѣе достойная изученія.

По физическому строенію равнины и холмы состоятъ изъ тонкаго и нѣжнаго песка, глубина котораго мѣстами столь велика, что по изслѣдованіи слоя въ 150 футовъ толщины, не достигаешь скалистаго грунта. Сэръ Сунтонъ Джекобъ, уже 30 лѣтъ состоящій директоромъ общественныхъ работъ въ Джейпурѣ, столицѣ одного изъ государствъ въ Раджпутанѣ, полагаетъ, что Синдъ, часть Пенджаба, и Раджпутана составляютъ дно древняго моря, простиравшагося отъ Персидскаго залива до подножья Гималаевъ.

Съ точки зрѣнія этнической и исторической, раджпуты имѣютъ прошлое столь же интересное, сколько и славное. Сэръ Альфредъ Лайэль, въ своихъ замѣчательныхъ *Asiatic Studies*, посвятилъ имъ прочувствованный и сильный этюдъ, который раскрываетъ лицамъ, интересующимся этимъ вопросомъ, не мало тайнъ изъ исторіи Индіи, даже современной.

2) Кое-что о чудесахъ Индіи.

Многимъ изъ насъ, прикованнымъ къ своей родной почвѣ, тяжелымъ на подъемъ, но въ то же время охваченнымъ жаждой любознательности, Индія кажется страной чудесъ и сказочной красоты. Съ помощью книгъ и собственнаго воображенія мы составили о ней представленіе, какъ о странѣ, въ которой природа, искусство и исторія соединились въ изумительномъ сочетаніи, способномъ возбудить и удовлетворить интересы путешественника, диллетанта и ученаго. Однако, дѣйствительность не соотвѣтствуетъ этому представленію.

Въ теченіе большей части дня ослѣпительный свѣтъ и солнечный зной удерживаютъ европейца равнинъ въ полномъ бездѣйствіи запертымъ въ его жилищѣ, откуда онъ выходитъ только вечеромъ. Вслѣдъ за наступленіемъ вечера все сейчасъ же погружается въ тьму. Здѣсь нѣтъ сумерекъ; нѣтъ тѣхъ неувидимыхъ и очаровательныхъ переходныхъ моментовъ отъ часовъ тяжелой, утомительной

работы къ часамъ пріятно расслабляющей нѣги вечерняго отдыха. Прелесть сумеречнаго угасанія здѣсь неизвѣстна. Это одна изъ грустныхъ сторонъ жизни въ Индіи. Невольно вспоминается Европа съ ея величественными солнечными закатами, когда съ послѣдними лучами уходящаго ездѣтила повѣтъ освѣжающей прохладой вечернихъ сумерекъ. Здѣсь же все внезапно покрывается пеленою ночного мрака. Вдали слышится жалобный вой шакала, а надъ самымъ ухомъ вьются съ назойливымъ жужжаніемъ москиты; въ жуткой тишинѣ ночи рождаются призраки—деревья съ кривыми вѣтвями, грозные силуэты скаль; слышатся звуки—таинственный говоръ листвы, сердитый шумъ водопадовъ, которымъ неоиндуизмъ прежде всего обязанъ своими пестрыми языческими вѣрованіями, гдѣ всѣ силы природы, всѣ ужасы людскіе воплощены въ божественные образы, имѣющіе свои особыя религіозныя культы и своихъ поклонниковъ.

Деревня (за исключеніемъ сельской обстановки на Гималаяхъ) также совершенно не оправдываетъ возлагаемыхъ на нее ожиданій. Прежде всего тамъ разсчитываютъ найти роскошную экзотическую растительность. Но тропическая область — это только незначительная частица Индіи: пальмы, стрѣлой подымающіяся изъ земли и на высотѣ 20 метровъ вздымающія свои зеленѣющіе султаны; ліаны, стелющіяся по землѣ и цѣпляющіяся за стволы, ползущія по нимъ вверхъ до самой вершины и снова падающія внизъ, спутывающія листву и весь лѣсъ, точно проволокой; источники и ручьи, пробѣгающіе въ глубинѣ долинъ и скрытые подъ такимъ густымъ зеленымъ покровомъ, что только по звону струй, доходящему до слуха, догадываешься объ ихъ присутствіи; гигантскія живыя изгороди изъ геліотроповъ и фуксій, цвѣточныя метелки бамбука, могучіе древовидные папоротники, бѣлыя чашечки аронника и дурмана—все это встрѣчается далеко подъ тропиками на полпути отъ экватора, отъ Калькутты до Пондичери, или въ сырыхъ дельтахъ. Въ другихъ мѣстахъ индійскій пейзажъ почти тождественъ съ пейзажемъ европейскимъ: широко разстилающіяся и слегка волнообразныя равнины; высокія горы, заслоняющія горизонтъ; туманы, то стелющіеся легкой и прозрачной дымкой, то скопляющіеся густой молочнаго цвѣта массой въ котловинахъ долинъ; а на горныхъ склонахъ лѣплятся деревья знакомыхъ намъ породъ, периоди-

чески смѣняющіеся листья которыхъ создаютъ пріятный контрастъ съ вѣчнозеленѣющей листвою.

Дальше деревья, хотя тутъ и есть для нихъ подходящая почва—свидѣтельница столькихъ изумительныхъ образчиковъ древесныхъ породъ,—становятся все рѣже и рѣже. Въ собственно Индіи первобытный лѣсъ почти исчезъ. За исключеніемъ немногихъ областей, какъ, напр., центральная провинція, гдѣ въ давнія историческія времена онъ служилъ убѣжищемъ для побѣжденныхъ, а нынѣ остается еще непобѣдимымъ очагомъ лихорадки, лѣсъ теперь встрѣчается только въ видѣ высокоствольныхъ — иногда заполово, насаженныхъ — роскошныхъ лѣсовъ, служащихъ источникомъ наслажденія художника, и еще болѣе блюстителя государственнаго достоянія, и являющихся предметомъ особыхъ заботъ со стороны администраціи ¹⁾. Распахиваніе земли, служащее прогрессу и оздоровленію страны, но порою насаждающее въ ней варварство и безобразіе, подвергло все общей нивелировкѣ. Земля изображаетъ собою голую равнину. Мѣстами въ древней долинѣ Ганга, даже при самомъ остромъ зрѣніи, не видишь горизонта. На безконечномъ пространствѣ раскинулись обработанныя поля; здѣсь обширныя посѣвы хлѣбныхъ злаковъ самыхъ разнообразныхъ видовъ, тамъ рисъ, хлопокъ, индиго, конопля и проч. Ни лѣсовъ, ни даже рощъ; развѣ только встрѣтятся изрѣдка *jungle* ²⁾ (кустарникъ), отдѣльныя деревья. Получается такое впечатлѣніе, что туземецъ—врагъ лѣсовъ. Онъ все оголилъ—и холмы, и равнины. Онъ истребляетъ ихъ иногда ради одного удовольствія. Вслѣдствіе этого источники изсыкаютъ, а топливо становится столь рѣдкимъ, что почти каждый индеецъ варитъ свою пищу на навозѣ, который сушится у стѣнъ его жилища. Англичане стараются вновь насадить лѣсъ; они устраиваютъ питомники, обсаживаютъ дороги акаціями или *pit* (родъ ясеня). Но все это требуетъ терпѣливаго труда и бдительности; и если надзоръ ослабнетъ хотя бы

¹⁾ Управление лѣсами въ Индіи, слѣдовавшее нашимъ (французскимъ) приемамъ, въ настоящее время могло бы само служить урокомъ для нашихъ колоній.

²⁾ Слово *jungle* употребляется въ Индіи въ двухъ смыслахъ. Оно можетъ означать названіе дикой мѣстности, покрытой лѣсами, и специально плодоносный лѣсъ, южную тропическую растительность или просто всякую невоздѣланную землю, покрывающуюся жалкими деревьями и корявымъ кустарникомъ. Въ этомъ послѣднемъ смыслѣ оно употребляется и въ текстѣ.

на одинъ день, топоръ крестьянина и зубы козь быстро уничтожатъ древесныя насажденія.

Животныя не меньше челоѣка способствуютъ этому истребленію лѣсовъ. Хотя по всей Индіи имѣются общественныя пастбища и пастухи, но рѣшительно всюду падаются блуждающіе на свободѣ безъ всякаго присмотра быки, буйволы, зебу, бараны и козы. Иногда всадникъ или желѣзнодорожный поѣздъ настигаютъ ихъ въ пути и, замедляя ходъ, гонятъ ихъ нѣкоторое время предъ собою. Поворотъ дороги, брешь въ изгороди даетъ имъ возможность ускользнуть въ сторону; они пробираются на поля или въ лѣсъ, нѣкъмъ не охраняемый, и сразу уничтожаютъ плоды долговременнаго труда.

Странная вещь—все животныя въ этой странѣ кажутся нѣмыми; отъ времени до времени можно услышать ревъ осла; но собаки, напр., почти совсѣмъ не лаютъ, даже на прохожихъ; быкъ молча щиплетъ траву, а баранъ никогда не заблеетъ. Виргилій съ его прекрасными стихами о мычащихъ быкахъ и вся школа буколическихъ поэтовъ рискуютъ здѣсь быть непонятными. Прибавьте къ этому, что коровы, желтыя или сѣрыя, пасутся на высохшихъ или пожелтѣвшихъ лугахъ, такъ что цвѣтъ ихъ шерсти сливается съ цвѣтомъ ихъ пастбищъ.

Объ этихъ безцвѣтныхъ и безжизненныхъ пейзажахъ, объ этомъ медленномъ разрушеніи всего того, что составляетъ прелесть и красоту здѣшнихъ мѣстъ, одинъ англійскій юмористъ далъ мнѣ слѣдующее объясненіе. Быкъ молчитъ потому, что хищникъ, его врагъ, бродитъ въ окрестностяхъ. Вы сожалѣете о лѣсахъ, пожираемыхъ козами и истребляемыхъ дровосѣками; но воздайте хвалу торжествующей цивилизаціи: на мѣстѣ логовища тигра зазеленѣютъ нивы.

Къ тигру—имя символическое—прибавьте пантеру, леопарда, гіену, волка, змѣю, даже слона и вы получите понятіе о громадной арміи, которая угрожаетъ челоѣку и съ которой онъ ведетъ войну,—безъ особеннаго, впрочемъ, успѣха; жизненная производительность дѣйствуетъ быстрѣе истребительной дѣятельности челоѣка 1).

1) Статистика за 1905 г. приводитъ слѣдующія данныя о числѣ убитыхъ звѣрей: 64.117 змѣй, 16.915 хищниковъ, среди которыхъ 1355 тигровъ, 4811 леопардовъ, 2236 медвѣдей, 2016 волковъ, 544 гіены и проч.; правительство уплатило за нихъ въ видѣ преміи 127.665 рупій за хищниковъ и 2676 рупій—за змѣй.

тингентъ звѣриной арміи, повидимому, не уменьшается. Статистическія данныя за 1905 г. показываютъ 23.854 смертныхъ случаевъ отъ этихъ страшныхъ враговъ, а именно: 21.797 отъ змѣй и 2054 отъ хищныхъ звѣрей, 48 случаевъ смерти отъ слоновъ, 401—отъ леопардовъ (изъ нихъ 126 въ однихъ только центральныхъ провинціяхъ), 786—отъ тигровъ (число этихъ смертныхъ случаевъ въ 1901 г. доходило даже до 1170), 153—отъ волковъ (въ 1901 г. этихъ случаевъ было 403, изъ которыхъ 166 въ одномъ только Рокхилькандѣ) и т. д. Цифры довольно почтенныя. Вредъ, причиняемый тиграми и змѣями (укажемъ еще на истребленіе 92.277 головъ скота хищниками и 8039—змѣями), вполнѣ оправдываетъ поощрительныя награды, выдаваемые правительствомъ за уничтоженіе ихъ. Преміи, которыя оно ежегодно уплачиваетъ (иногда не особенно охотно, говорятъ охотники) по этой статьѣ, составляютъ слишкомъ 100.000 рупій (96.952—въ 1901 г., 104.545—въ 1902 г.) Туземные князья слѣдуютъ въ этомъ отношеніи примѣру британскаго правительства.

Я заканчиваю эти суммарныя отдѣльныя замѣчанія, прибавивъ,—и въ этомъ заключается вторая характерная особенность, отмѣченная мною выше, что Индія—страна безконечнаго разнообразія. Тотъ, кто изслѣдовалъ лишь одну изъ ея областей, эту одну только и можетъ знать и не въ правѣ говорить о другихъ. И наблюдаемая здѣсь различія, даже наиболѣе рѣзкія, это не тѣ различія, которыя обособляютъ во Франціи одну провинцію отъ другой. Нѣтъ, здѣсь разница одной мѣстности отъ другой безконечна; стоитъ пройти какихъ-нибудь двадцать льѣ,—и все мѣняется—природа, языкъ, цивилизація, народъ. И, однако, на всемъ пространствѣ Индіи, отъ одного конца ея до другого подъ этимъ внѣшнимъ разнообразіемъ можно уловить объединяющее ее родственное сходство. Даже поверхностный наблюдатель по тысячѣ признаковъ сумѣетъ понять, что здѣсь міръ иной, отличный отъ Европы; за исключеніемъ немногихъ ограниченныхъ мѣстностей, гдѣ прочно осѣлъ европеецъ, чувствуешь, что здѣсь Азія, что все говорить здѣсь о ней.

Уже двадцать четыре года тому назадъ Жакмонъ заявлялъ, „что Индія очень бѣдна красотами природы“. Несомнѣнно, Гималаи служатъ яркимъ опроверженіемъ этого утвержденія, какъ и сотня другихъ мѣстъ. Однако,

въ немъ есть извѣстная доля правды. Гдѣ искать живописныхъ картинъ въ области дельтъ и монотонныхъ равнинъ? Можно ли рассчитывать найти искусство у народовъ бѣдныхъ или оскудѣвшихъ, съ ограниченными потребностями, съ примитивными вкусами? Чего ожидать отъ страны, о которой можно говорить, какъ о странѣ низвергнутыхъ династій и разрушенныхъ цивилизацій.

Сколько величественныхъ древнихъ сооруженийъ лежитъ теперь въ развалинахъ! Семь городовъ—старый Дели, Фатипуръ-Сикри, нынѣ реставрированный, Амберъ, Голконда, Ава, Амарapura, резиденціи монарховъ, покинутыя послѣдующими монархами изъ-за одной прихоти, изъ-за желанія самимъ построить себѣ жилище, еще до сихъ поръ сохраняютъ, недалеко отъ нынѣшнихъ столицъ, свои башни, минареты, ограды, нагроможденные кучи камня, свидѣтельствующія о гордыхъ и нерѣдко счастливыхъ усиліяхъ исчезнувшихъ поколѣній. И—замѣчательная подробность—почти всѣ сохраняютъ отпечатокъ современности; инныя изъ нихъ являются обломками сооруженийъ, построенныхъ одновременно съ памятниками архитектуры, сохранившимися до настоящей поры. Таджъ-Магалъ, служачій и гробницей и мечетью, блистающій при лунномъ освѣщеніи той сказочной красотой, которую придаютъ бѣлому мрамору ясныя ночи. Таджъ XVI вѣка, какимъ незначительнымъ промежуткомъ времени отдѣленъ онъ отъ Котуба стараго Дели! Почти во всемъ—и въ томъ, что еще уцѣлѣло, и въ томъ, что лежитъ въ развалинахъ,—видна рука араба и даже европейца. А эти развалины, нагроможденные передъ нами—сколько пластовъ еще болѣе древнихъ руинъ скрываютъ онѣ подъ собою? Какихъ чудесъ лишились мы изъ-за цѣлаго ряда актовъ вандализма, обрушивавшагося на эту страну? Объ этомъ расскажутъ намъ когда-нибудь недавно реорганизованныя кропотливыя и изобрѣтательныя археологическія изслѣдованія. Но и теперь мы уже можемъ объяснить и понять, почему Индія, за исключеніемъ немногихъ привилегированныхъ областей, ограбленная и опустошенная, менѣе, чѣмъ другія страны, способна возбуждать любопытство и вызывать энтузіазмъ. Она юдоль печали.

Для объясненія тѣхъ разочарованій, которыя постигаютъ путешественника по Индіи, сдѣлаемъ еще одно замѣчаніе, по моему, весьма важное. Мы всѣ, или почти всѣ, посѣщающіе Индію,—ученики Греціи и Рима.

Откуда бы мы ни являлись—изъ Оксфорда, Парижа или Берлина, мы уже приходимъ съ готовымъ міровоззрѣніемъ, привитымъ намъ въ атмосферѣ греческой и римской цивилизацій. Онѣ оставили въ насъ неизгладимые слѣды. Стоитъ намъ только посѣтить Пергамъ или Аены, вступить на ихъ священную почву, приблизиться къ этимъ глубоко чтимымъ реликвіямъ, какъ въ насъ пробуждается цѣлый рой воспоминаній, рядъ глубокихъ душевныхъ эмоцій. Передъ нами проходятъ минувшіе вѣка столь хорошо изученной нами исторіи, развертывается великая легенда. Мы заранѣе принимаемъ самыя невѣроятныя сказанія античной миеологіи. Гомеръ и его герои съ ихъ высокими подвигами и борьбой; красота Акрополя и Парѳенона и слава ихъ недосягаемыхъ художниковъ,—все это уже заложено въ глубинѣ нашей души, ярко оживаетъ въ опредѣленномъ мѣстѣ, властно овладѣваетъ нашимъ воображеніемъ и удесятерляетъ красоту созерцаемой обстановки и очарованіе паломничества къ мѣстамъ, гдѣ жили Пріамъ, Аполлонъ или Перикль.

Индійская миеологія, наоборотъ, намъ чужда и отличается слишкомъ большою пестротой и разнообразіемъ. Исторія страны намъ мало знакома; ея религія (не современный грубый анимизмъ, но древнія и достойныя уваженія системы буддизма и браманизма) нѣкоторыми сторонами своими сближается съ нашими и тѣмъ самымъ шокируетъ вѣрующихъ; наконецъ, Вишну и Сива, тысяча второстепенныхъ божествъ и великіе герои любимыхъ индусскихъ эпопей, Рама и Кришна, не столь близки намъ, какъ Ахиллесъ и Одиссей, Юпитеръ и Минерва. Все это—и наше незнакомство съ мѣстными легендами и вѣрованіями, и слишкомъ рѣзкое противорѣчіе ихъ нашему духовному міру—сковываетъ живую работу воображенія, связываетъ его крылья, на которыхъ мы уносимся въ даль минувшихъ вѣковъ и сближаемъ прошлое съ настоящимъ, невидимое съ видимымъ; все это устраняетъ субъективный факторъ, необходимый для гармоническаго воспріятія созерцаемой картины—подсознательное сотрудничество самого созерцателя.

Несмотря на всѣ эти оговорки, Индія все же настолько обширна и разнообразна, что въ ней еще въ богатомъ изобиліи найдутся и картины природы, и города, и храмы, способные производить яркое впечатлѣніе и вызывать на размышленіе.

Можно съ достаточнымъ основаніемъ говорить о двухъ Индіяхъ: объ Индіи современной, которая живетъ въ настоящемъ и проходитъ черезъ рядъ преобразованій соответственно условіямъ времени, и объ Индіи прошлаго, оставшейся вѣрной своимъ традиціямъ и застывшей въ своей неподвижности.

Индія современная—это Бомбей, полуевропейскій, полуазиатскій городъ, съ его космополитическимъ населеніемъ, съ его 800.000 жителей, съ его гаванью, куда подвозятъ зерновой хлѣбъ и хлопокъ изъ Гуджерата, Декана, Центральной Индіи; его зданія въ современномъ готическомъ стилѣ поражаютъ неожиданностью своего появленія подъ этими широтами; по его величественной морской набережной, въ исходѣ дня, тянутся цѣлыми вереницами кареты съ дамами, обмѣнивающимися взаимными привѣтствіями и въ то же время жадными отъ любопытства взорами подглядывающими другъ за другомъ; эти дамы—изъ самыхъ разнообразныхъ слоевъ общества. Здѣсь вы увидите и индусокъ и мусульманокъ и особенно много парижанокъ и другихъ европеекъ; всѣ онѣ между собою такъ похожи и въ то же время такъ далеки другъ отъ друга.

Карачи—это столица, вырастающая на землѣ, отвоеванной у пустыни, портъ, недавно приспособленный для торговли; городъ расположенъ у входа въ долину Инда и стягиваетъ къ себѣ, хотя и не съ такой быстротой, на какую рассчитывали правительство и купечество, весь хлѣбъ, возвращаемый въ Синдъ и восточномъ Пенджабѣ, благодаря ирригаціоннымъ сооруженіямъ, на пескахъ, до того времени оставшихся безплодными.

Рангунъ—новѣйшее созданіе и новѣйшее чудо англійскаго генія; съ перваго же момента его возникновенія на болотахъ Дельты широкія улицы его, ведущія кругомъ сверкающихъ своей бѣлизною пагодъ, залестрѣли веселой живописной толпой непочтительныхъ къ святынямъ пришельцевъ; еще вчера только сооруженный портъ, соперничаетъ уже съ самыми крупными портами и ведетъ торговлю все болѣе расширяющуюся по мѣрѣ того, какъ Иравади перевозитъ по своему теченію, растянувшемуся на 1.200 миль, все большее количество богатствъ: рисъ изъ дельты, драгоценный лѣсъ изъ средней и верхней Бирмы, а въ ближайшемъ будущемъ—продукты изъ государства Шанъ и, можетъ быть, изъ восточнаго Юннана.

Калькутта—гордость Индіи, городъ съ обширными сво-

Содными пространствами, съ пастбищами, сохранившимися среди городскихъ поселеній,—городъ труда и удовольствій, центръ колоссальныхъ предпріятій, огромный торговый складъ и гигантская фабрика, съ своей рѣкой Хугли и ея густо населенными берегами, съ караванами индійской конопли, хлопка, индиго, съ многочисленными толпами также нетерпѣливо тѣснящимися, какъ у пристаней Темзы; столица, достойная имперіи, роскошная какъ юность и сама жизнь, медленно отвоевываемая у низкой и скудной равнины, невыносимая лѣтомъ и восхитительная зимою; ея боятся и почти презираютъ тѣ, кто не знаетъ ея, и она очаровываетъ тѣхъ, которые приходятъ туда и тамъ остаются.

Затѣмъ слѣдуетъ цѣлый рядъ горныхъ станцій, тѣхъ лѣтнихъ городовъ, куда скрываются отъ зноя, кромѣ представителей индійскаго и провинціальныхъ правительствъ, сопровождаемыхъ необходимымъ штатомъ сотрудниковъ и писцовъ, все, что есть празднаго и туземно-аристократическаго въ Сѣверной Индіи, снобы всевозможныхъ расъ, старающіеся подражать великимъ міра сего. Къ числу этихъ городовъ относятся Симла, лѣтняя столица правительства Индіи и правительства Пенджаба; Утакамундъ—столица мадрасскаго управленія; Махаблешваръ—столица бомбейскаго правительства; Наини-Таль—Соединенныхъ провинцій; Дарджилингъ—Бенгаліи; Мэй-Майо—Бирмы; Монтъ-Абу—Раджпутаны, и цѣлый рядъ другихъ: Мэррей, Мэсури, Далхузи, Лэнсдоунъ, Кэрзонъ, Лэнголи, Хандала, Куноръ и Кодайканалъ.

Эти лѣтніе города, санитаріи¹⁾, какъ ихъ долго называли, не есть продуктъ позднѣйшаго изобрѣтенія; первые изъ нихъ возникли лѣтъ 70—80 тому назадъ. Погово въ нихъ лишь то, что, къ великому стыду городовъ равнины²⁾,

¹⁾ Англичане совершенно основательно различаютъ *sanitaria*—мѣста для сохраненія здоровья, и *sanatoria*—мѣста для его возстановленія. Маколей въ своемъ письмѣ (отъ 1 іюля 1834 г.) пишетъ по поводу Утакамунда: «Это новое открытіе, мѣсто, куда европейцы удаляются для сохраненія здоровья, или, какъ его называютъ чиновники Компаніи—да благословить Богъ ихъ ученость—*sanatation*. Мѣсто находится на высотѣ 6.700 фут. надъ уровнемъ моря.

²⁾ Не проходитъ ни одного года, чтобы пресса не отмѣтила горячихъ протестовъ противъ этихъ переселеній администраціи. Но эти протесты остаются безъ всякихъ послѣдствій: они могутъ привести лишь къ увеличенію числа лицъ, допускаемыхъ въ ряды привилегированныхъ.

они стали для очень многихъ необходимою. Царицей этихъ лѣтнихъ столицъ является Симла, хотя она и не самая красивая среди нихъ. Утакамундъ, или ласкательно—Ути, превосходить ее разнообразіемъ пейзажа и широко открытыми пространствами; Паини-Таль—своей первобытной предестью; Мэй-Мафо, уголокъ Саррея,—своими очаровательными мирными холмами; Дарджилингъ—безподобной роскошью своихъ горъ. Но Симла является въ теченіе семи мѣсяцевъ резиденціей индійскаго правительства, и въ теченіе шести мѣсяцевъ—пенджабскаго правительства. Это единственный во всей имперіи городъ, гдѣ жизнь самыхъ кинучихъ удовольствій соединяется съ жизнью самаго интенсивнаго труда. Весь трудящійся и весь развлекающійся міръ съѣзжается въ Симлу, а остальные не перестаютъ мечтать о ней.

И городъ, дѣйствительно, стоитъ этого. Каждый пикъ, каждая горная вершина, на которой взгромоздилась Симла, открываетъ передъ взоромъ наблюдателя постепенно развертывающіяся восхитительныя живописныя картины: здѣсь, на разстояніи 25—30 миль, вырисовываются снѣжные пики, изъ которыхъ иные достигаютъ вышины въ 16.000 футовъ, тамъ темнѣютъ угрюмые лѣса сосенъ и деодоровъ; всѣ горные склоны, по которымъ проложены дороги, покрыты зеленью и цвѣтами. Посаженные нѣкогда вокругъ домовъ георгины затѣмъ размножились естественнымъ путемъ и продолжаютъ расти уже въ дикомъ состояніи; просовывая свои стройные стебли сквозь зелень кустарниковъ, онѣ окрашиваютъ ихъ яркою краскою своихъ цвѣтовъ. Но у травы, деревьевъ и цвѣтовъ есть враги: крестьянки, своими картофельными полями уже опустошившія лѣсъ; кули, для корма лошадей оголяющій горные склоны и равнины и каждое утро уносящій въ Симлу огромную вязанку травы, подъ которой онъ весь исчезаетъ; наконецъ, Бу (слуга), ради украшенія стола своего господина опустошающій цвѣтушіе горные массивы.

Но временнымъ посѣтителемъ Симлы, этой толпѣ прожигателей жизни, до этого мало дѣла. Что имъ природа съ ея красотою? Ихъ радости,—если только таковыя у нихъ, дѣйствительно, имѣются,—кроются въ нихъ самихъ, въ ихъ замкнутой средѣ. Выйдите на Риджъ; остановитесь передъ Делійскимъ банкомъ или магазиномъ Ранкена и присмотритесь къ дефилирующей мимо васъ

толпѣ. Это офицеры или чиновники, оставившіе свои канцеляріи; министры и секретари, вышедшіе изъ Совѣта; элегантныя дамы и хозяйки, рыскающія по лавкамъ; красивыя амазонки, гордыя своей посадкой и граціозной позой; жена блестящаго полковника и жена тонкаго дипломата, соперничающія между собою въ туалетахъ и флиртѣ; адъютантъ, безумно увлекающійся спортомъ, и атташе посольства, безумно увлекающійся литературой. У нихъ у всѣхъ слишкомъ достаточно заботъ и думъ о своихъ занятіяхъ и удовольствіяхъ: о сегодняшнемъ обѣдѣ; объ обязательной кадрили; о завтрашнемъ засѣданіи Совѣта и о предстоящемъ докладѣ вице-королю; о пикникѣ въ Машобрѣ; о пьесѣ, идущей въ l'Amateur Dramatic Society; о партии крикета между двумя соперничающими полками, о теннисѣ и о бѣгахъ въ Аннэндэлѣ; о той или иной фигурѣ, которая можетъ попасться на глаза при поворотѣ вправо или влѣво, о расчитанныхъ встрѣчахъ и т. д.

И такъ мѣсяцы и годы проходятъ дни за днями, слишкомъ быстролетными, чтобы кто-нибудь хотѣлъ надъ ними задуматься. Даже заходящее солнце и наступающій вечеръ не приносятъ съ собою успокоенія. Въ секретаріатахъ — непрерывная работа; она прекращается только для писцовъ. Кули, весь день проработавшія на risks-haw (на сѣнокосѣ), подлѣчиваютъ себѣ ступни и обвязываютъ икры ногъ, чтобы приготовиться къ вечернимъ бѣгамъ; отъ Пелити, послѣ мороженого и чая, медленно возвращаются парочки по извилистымъ тропинкамъ и крутымъ дорогамъ, усталыя отъ дневныхъ развлеченій и предвкушающія уже прелести вечернихъ удовольствій; дома снова наполняются своими обитателями; прежде чѣмъ переодѣться въ свои fulldress (парадные туалеты), женщины въ свободныхъ и тонкихъ камотахъ, мужчины въ легкихъ лѣтнихъ костюмахъ выходятъ на балконъ подышать свѣжимъ воздухомъ. Совсѣмъ близко передъ ними красуются цвѣты, розовыя гераніумы, плющъ; нѣсколько дальше — неподвижныя верхушки пихтъ; еще дальше — убѣгающіе и теряющіеся вдали склоны горъ, высохшее русло ручья, зеркальная поверхность прудка, въ которой отражается дискъ низко спустившагося солнца; въ самомъ концѣ застилающее горизонтъ сѣро-свинцовое небо, позлащенное ярко-желтыми полосками. Съ постепеннымъ угасаніемъ дня небо затягивается пеленой

блѣдно-зеленаго свѣта, на фонѣ которой еле выдѣляется пѣкный мѣдно-зеленый полумѣсяцъ. Еще нѣсколько минутъ—и оранжевые отсвѣты заката ступаютъ и смѣняются вечернимъ кроваво-краснымъ заревомъ. Ясно свѣтитъ луна; ярко выдѣляется на темно-голубой лазури Юпитерь. Хищная птица чертитъ въ воздухѣ свои послѣдніе круги передъ сномъ. Спокойная красота неба посылаетъ мѣръ землѣ. Но людямъ до всего этого мало дѣла; вихрь жизни подхватываетъ и увлекаетъ ихъ съ собою.

Индія прошлаго—это деревня, куда не заглядываетъ почти ни одинъ европеецъ и гдѣ сохраняются памятники и обычаи старины: скала-богъ, передъ которой человекъ склоняется въ страхѣ во время раскатовъ грома; дерево-фетишь, около котораго цѣлыми часами кружатся молодые супруги съ молитвами и мольбами о ниспосланіи чадородія. Это Гайдерабадъ, городъ Тысяча и одной ночи съ четырехсотъ-тысячнымъ населеніемъ, состоящимъ преимущественно изъ мусульманъ, слѣпыхъ фанатиковъ и еще болѣе скептиковъ, живущихъ жизнью, напоминающей времена Гарунъ-аль-Рашида. Скрытыя и таинственныя террасы; женщины въ покрывалахъ съ сверкающими сквозь нихъ глазами; автоматически и важно шествующій супругъ въ блестящемъ золотомъ нарядѣ; съ гикомъ скачущіе всадники; карета съ толпою важныхъ господъ; за нею другая карета, похожая на траурную колесницу, переполненная принцессами, прячущимися подъ своими покрывалами; торговцы, сидящіе у дверей своихъ лавокъ подъ колоннами, окаймляющими улицу, окруженные своими друзьями и родственниками; они ведутъ между собою оживленную бесѣду, и каждый непрощенно вмѣшивается въ торгъ лавочника съ покупателями; молодой человекъ, привлекающій ваше вниманіе какой-то безпокойной улыбкой; старуха, советъ невзрачная, обращающаяся къ вамъ съ приглашеніемъ; люди свирѣпаго вида, оказывающіеся лишь назойливыми пищими или дерзкими носильщиками; слоны, раскрашенные и парядные, движущіеся тяжелой и медленной поступью по дорогамъ; непонятные возгласы, невѣдомые запахи—все это уноситъ васъ въ даль тысячелѣтій. Вы находитесь въ двухъ часахъ разстоянія отъ развалинъ Голконды, своимъ именемъ прогремѣвшей на весь мѣръ, а черезъ двадцать минутъ ѣзды въ каретѣ вы снова очутитесь въ резиденціи

или въ мѣстѣ расположенія войскъ, въ атмосферѣ спорта и флирта, и снова окунетесь въ водоворотъ все обезличивающей современной цивилизаци.

Индія прошлаго—это также святины: храмъ Мадурѣ съ его мрачными извилистыми галлерейми, по которымъ проходятъ слоны, тяжело ступая среди простершихся лицъ вѣрующихъ; священный городъ Пури, съ культомъ бога Джаганатха,—дикий и страшный, когда осматриваешь его храмы, спокойный и мирный, когда прогуливаешься по вымощеннымъ просторнымъ улицамъ вдоль набережной моря, голубого, какъ Средиземное море и спокойнаго, какъ горное озеро.

Прошлое Инди — это Бенаресъ, городъ-храмъ, являющийся цѣлью стремлений многихъ тревожныхъ душъ, убѣжище метафизиковъ, послѣднихъ эпигоновъ древнихъ индусскихъ философовъ, и еще болѣе освященный памятью о Буддѣ, начавшаго вблизи этого города свою проповѣдь чистой морали, той разрушительной догмы, которая заглушила въ человѣкѣ дѣятельную энергію. Нынѣ Бенаресъ—Мекка и Иерусалимъ индусскихъ браманистовъ; Бенаресъ и родной священный Гангъ, и его храмы, и его паломники, проникнутые наивной вѣрой, и притупляющая эксплуатація религіознаго благочестія,—такова Индія прошлаго.

Вотъ кварталъ съ мѣдными вещами и тысячью предметовъ религіознаго культа: кувшины для зачерпыванія воды, чаши для поливанія, вазы и цвѣточные горшки; масса женщинъ и дѣтей, начищающихъ блескъ на вещи изъ желтой или красной мѣди, сверкающей подъ лучами солнца. Вотъ дворцы и храмы, кругами расположенные вдоль береговъ рѣки на пространствахъ въ полмили. Вотъ грандіозныя крутыя лѣстницы; тысячи вѣрующихъ, стекающихся со всѣхъ концовъ Инди, людей съ алчущими душами, съ размѣренными движеніями, прекрасныхъ и благородныхъ въ своихъ бѣлыхъ одеждахъ, спускаются къ рѣкѣ, чтобы принести въ даръ восходящему солнцу святую воду.

Безпрерывно смѣняя другъ друга, вѣрующіе, близкіе къ своему роковому концу и ожидающіе своего похороннаго костра, тысячами входятъ въ рѣку, омывающую тѣла и души; собираются и смѣшиваются въ огромную толпу, но и въ толпѣ остаются одинокими. Тутъ старцы, такіе дряхлые, что они уже не чаяли достигнуть цѣли

своего путешествія и ддящіе свое пребываніе здѣсь съ недѣли на недѣлю, съ года на годъ, въ ожиданіи смерти-избавительницы; молодые люди, явившіеся сюда только для того, чтобы очиститься для дальнѣйшаго продолженія жизненнаго пути; паломники, охваченные религіознымъ восторгомъ; здѣсь старикъ, медленно и благоговѣнно возносящій чашу съ святою водою, которая радужными брызгами разсыпается въ воздухъ и струится на его закрытые глаза; тамъ молодая женщина съ обнаженными плечами и грудью, точно бронзовая статуя богини, не думающая, среди своихъ молитвъ, ни о красотѣ своей, ни о наготѣ; дальше другая женщина съ ясно обрисовывающимся формами подъ намокшимъ покрываломъ; быстрымъ движеніемъ она сбрасываетъ его съ себя и прикрывается другимъ, скрадывающимъ ея формы своими складками.

Сколько красоты въ фигурахъ, въ движеніяхъ, въ застывшихъ позахъ неподвижнаго тѣла и сосредоточенной души, въ этомъ покорномъ самоотреченіи, въ этомъ экстазѣ, въ этихъ священныхъ жестахъ, въ этихъ граціозныхъ формахъ, прекрасныхъ, какъ изваянія, въ этихъ женщинахъ, наполняющихъ водою кувшины и изящнымъ и плавнымъ движеніемъ руки поднимающихъ ихъ на плечи и склоняющихся подъ ними. То тамъ, то сямъ какая-нибудь *puḡḍah-lady* соскальзываетъ съ своей лодки въ рѣку, скрытая отъ постороннихъ глазъ густыми складками облекающихъ ея станъ тканей; какой-нибудь фанатичный паломникъ, ненавистникъ иноземцевъ, окидываетъ васъ взглядомъ, пылающимъ злобою, готовый растерзать васъ въ клочки, если бы его не удерживала бдительность англійской стражи; священникъ читаетъ Вишну и среди женщинъ, внимательно слушающихъ его, при малѣйшемъ шумѣ нашихъ шаговъ, начинается сильная тревога и замѣшательство. Дальше опять священники, масса священниковъ (рядомъ съ ними ихъ корова, столь же чтимая, какъ они сами) истоиво молятся подъ своими огромными зонтиками, ворчатъ, попрошайничаютъ, спорятъ о подаваніи, профанируя религію и оскорбляя это трогательное зрѣлище наивной толпы, стремящей отрѣшиться отъ всего земного. Еще дальше—обычные спутники паломниковъ, одинаковые во всѣхъ странахъ—торговцы, харчевники, нищіе, прокаженные, слѣпцы, калѣки.

Солнце поднимается все выше и выше, Гангъ катитъ свои обильныя воды. Отъ Хэрдуара на многія мили выше Бенареса, гдѣ теченіе его становится священнымъ, онъ продолжаетъ нести свои воды черезъ рядъ другихъ святыхъ мѣстъ до самой Калькутты, гдѣ своими волнами, хотя здѣсь уже не столь священными, онъ все же очищаетъ, лѣчитъ, утѣшаетъ. Проходятъ вѣка; одни поколѣнія паломниковъ смѣняются другими; потомки сохраняютъ вѣру, унаслѣдованную отъ отцовъ вмѣстѣ съ чаяніями и надеждами, никогда не осуществляющимися, но и никогда не разрушающимися; и люди не устаютъ искать утѣшеній отъ разочарованій настоящаго и поддержки передъ неизвѣстнымъ будущимъ.

Уже изъ этихъ описаній читатель могъ убѣдиться, что существуетъ не одна Индія. Дельты Ганга и Иравати съ ихъ безконечными рисовыми полями; Деканъ съ его взъерошенной и изрытой поверхностью, съ каменистой почвой, лишенной рѣкъ и растительности, если не считать „лоханокъ“ и горныхъ склоновъ, когда они находятся въ мѣстности съ искусственнымъ орошеніемъ; Синдъ и восточный Пенджабъ, настоящія пустыни, которыя удалось оплодотворить съ помощью оросительныхъ сооружений и искуснаго распредѣленія рѣчныхъ водъ. Какая разница между этими провинціями и многими другими, которыя я охотно описалъ бы! Древняя и изумительная Раджпутана ¹⁾, южная часть полуострова, область Каликутъ съ ея пальмовыми рощами и разнообразныя сады Индіи—Аудъ, Бехаръ и Гуджератъ. Но приходится остановиться. Я кончаю тѣмъ, съ чего началъ: физически Индія представляетъ собою континентъ, столь же обширный, какъ Европа, и, конечно, столь же разнообразный.

Подобное разнообразіе уже само по себѣ должно было оказать рѣшительное вліяніе на правительство и администрацію страны. Но кромѣ этого, сюда присоединяется и разнообразіе другого рода, оказывающее не меньшее вліяніе — разнообразіе въ составѣ населенія.

1) См. прил. В, стр. 11.

ГЛАВА II.

Туземное общество.

1) Демографія.

Населеніе Индіи (по народной переписи 1901 г.) достигаетъ 294.361,056 душъ. Эта цифра, опредѣляющая число населенія съ точностью до одной единицы, свидѣтельствуеетъ о большой самонадѣянности. Въ Азійи не привыкли къ настоящимъ народнымъ переписямъ; тамъ довольствуются (напр., во французскомъ Индо-Китаѣ) исчисленіемъ, или вѣрѣе, учетомъ основаннымъ на отдѣльныхъ количественныхъ признакахъ (на числѣ домовъ или хижинъ, на числѣ лицъ, внесенныхъ въ списки и т. д.). Въ Индіи также начали съ такихъ исчисленій, но пользовались болѣе точными приемами. Въ 1901 г. это исчисленіе носило характеръ настоящей народной переписи, и такъ какъ руководители ее получили свое образованіе въ Германіи, то перепись была произведена по самымъ точнымъ нѣмецкимъ методамъ. Въ Индіи не было и рѣчи о томъ, чтобы населеніе самостоятельно давало и записывало отвѣты на предложенные вопросы. Это могло сдѣлать только правительство, что, конечно, сильно осложняло его обязанности и увеличивало затрудненія. Оно это вполне сознало, и трудно составить себѣ хоть приблизительное представленіе о тѣхъ предосторожностяхъ, которыя были приняты для обезпеченія удовлетворительныхъ результатовъ. Къ переписи было привлечено громадное число участниковъ: 9.872 главныхъ завѣдующихъ, 122.053 руководителя, 1.325.478 счетчиковъ, въ числѣ которыхъ были и состоящіе на государственной службѣ и другіе, вольнонаемные или сами добровольно и безвозмездно предложившіе свои услуги; планъ переписи былъ разработанъ въ центральномъ учрежденіи; распоряженія задолго были разосланы по всѣмъ различнымъ ступенямъ іерархіи; печатные бланки, распределенные между исполнителями, составлены были такимъ образомъ, что оставалось только заполнить

ихъ. По всей странѣ разсѣялись спеціальныя чиновники и вмѣстѣ съ назначенными агентами посѣщали города, деревни, поселки; вмѣстѣ съ ними же производили счетъ, отмѣчали дома каждой группы и вычисляли вѣроятныя цифры, подлежащія внесенію въ переписной листокъ, и т. д. и т. д. За нѣсколько дней до переписной операціи была произведена какъ бы репетиція по всей Индіи, и въ назначенный день установленная такимъ образомъ машина была пущена въ ходъ, а спустя короткое время правительство получило уже возможность обнародовать добытыя и, можетъ-быть, точныя цифры. Но цифры—еще не все. Перепись должна доставить и доставляетъ многочисленныя и цѣнныя данныя о демографіи страны и о явленіяхъ ея соціального уклада: о расахъ, религіяхъ, кастахъ, языкахъ; о явленіяхъ экономическихъ: о ея богатствахъ, о производствѣ и т. п. Всѣ эти данныя были собраны и въ каждой провинціи переданы чиновнику, назначенному изъ категоріи лицъ, работающихъ въ соотвѣтствующей области. Затѣмъ всѣ данныя собраны были по всей Индіи воедино и сосредоточены въ рукахъ главнаго завѣдующаго народною переписью.

Только этой сложной системѣ мѣръ и предосторожностей мы и обязаны такими изданіями, какъ «народная перепись 1901 г.», составляющая 15—20 томовъ: два тома для всей Индіи, заключающіе въ себѣ сводные результаты и общія положенія, и по одному, по два, по три тома для отдѣльныхъ провинцій. Каждый изъ нихъ содержитъ серьезный отчетъ, гдѣ къ обсужденію и добросовѣстному освѣщенію цифръ привлечены этнографія, статистика, политическая экономія, религія и философія. Это гигантскій трудъ, соперничающій со всѣмъ, что появляется въ этой области въ Европѣ и Америкѣ, и дѣлающій большую честь индійской администраціи.

Народная перепись 1901 г. даетъ слѣдующія цифры: 294 милліона жителей; изъ нихъ 232 мил. въ британскихъ провинціяхъ и 62 мил. въ туземныхъ государствахъ ¹⁾. По предыдущимъ переписямъ число жителей было—въ 1891 г.—287 мил., въ 1881 г.—254 мил., въ 1872 г.—206 мил. Но между этими цифрами нельзя установить точныхъ отношеній, такъ какъ въ разное время по раз-

¹⁾ Изъ 294 мил. 29 мил. жили въ 2148 городахъ съ числомъ жителей отъ 5000 и выше и 265 мил. въ 728.601 деревняхъ.

нымъ причинамъ въ переписную операцію включаемы были инныя территоріи. Поэтому на нихъ нельзя опираться при исчисленіи прироста населенія. Тѣмъ не менѣе съ увѣренностью можно сказать, что $\%$ этого прироста въ періоды 1891—1901 г. и 1881—1891 г. былъ неодинаковъ.

Можно считать въ общемъ вѣрнымъ только то, что население Индіи въ промежутокъ времени отъ одной переписи до другой увеличивается. Этому способствуютъ и число браковъ и плодовитость расы, и отсутствіе мальтузіанской практики; наконецъ, прогрессивное развитіе страны. Въ одномъ мѣстѣ (долина Ганга) этому же способствуютъ естественное плодородіе земли; въ другомъ (Соединенныя Провинціи, Пенджабъ)—искусственное орошеніе почвы; въ третьемъ—введеніе новыхъ культуръ (чая, хлопка, индійской конопли, опиума) или новыхъ отраслей промышленности (льно-прядильной, хлопчато-бумажной). Но есть и обстоятельства, дѣйствующія въ обратномъ направленіи. Это мѣстные нравы—извѣстныя, все болѣе и болѣе исчезающія формы дѣтоубійства, о чемъ будетъ сказано ниже, и причины естественнаго характера: лихорадка, чума, голодь. Съ 1891 по 1900 голодь свирѣпствовала на обширныхъ пространствахъ Индіи: въ Бомбейскомъ президентствѣ и въ Центральныхъ Провинціяхъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Соединенныхъ Провинцій и Пенджаба, и въ различныхъ туземныхъ государствахъ, входящихъ въ составъ этихъ областей—въ Бародъ, Гайдерабадъ и въ государствахъ Раджпутаны и Центральной Индіи. Впрочемъ, больше жертвъ голода насчитывалось въ государствахъ, управляемыхъ туземными князьями, чѣмъ въ провинціяхъ, управляемыхъ англичанами. Въ этихъ государствахъ количество населенія уменьшилось абсолютно. Увеличеніе населенія на 4,8 $\%$, констатированное переписью 1901 г., всецѣло относится къ британскимъ провинціямъ. Въ Индіи туземныхъ князей вмѣсто увеличенія оказалось уменьшеніе на 5,4 $\%$. Принявъ въ расчетъ соответствующіе итоги, къ которымъ относятся эти пропорціи, и произведя вычетъ одного изъ другого, мы получимъ въ результатъ лишь очень слабый приростъ населенія въ 2,4 $\%$. Безъ голода онъ составилъ бы 5—6 $\%$.

Индіецъ не доживаетъ до глубокой старости; онъ рано старится. Средняя продолжительность его жизни, если только въ данномъ случаѣ можно говорить о среднихъ

величинахъ въ странѣ съ такими разнообразными и мало-сходными элементами, составляетъ 24,9 лѣтъ. Житель сѣвера доживаетъ до болѣе глубокаго возраста, чѣмъ житель юга и запада. У арійцевъ болѣе высокая продолжительность жизни, чѣмъ у дравидовъ и монголовъ. Но все это слишкомъ общія положенія, часто ограничиваемыя мѣстными обстоятельствами. Въдъ Индія продолжаетъ еще страдать отъ бѣдствій, уже неизвѣстныхъ Европѣ, и особенно отъ голода, о которомъ никогда не слѣдуетъ забывать. Процентъ смертности (этотъ отдѣлъ статистики плохо разработанъ и сводится къ простой регистраціи) стоитъ (для всей Индіи) едва ли ниже 38,4%, а процентъ рождаемости—44,4 на 1000. Во время голода число рождений падаетъ, а число смертей поднимается. Слѣдовательно, области, опустошаемыя голодомъ, показываютъ меньшую среднюю величину продолжительности жизни сравнительно съ областями, не знающими этого бѣдствія (Бенгалія).

Процентъ рождаемости въ 44,4% очень высокъ сравнительно съ рождаемостью у европейскихъ націй: въ Германіи % рождаемости составляетъ 39%, въ Англіи—35,1%, въ Бельгій—31,5%, во Франціи—25,3%. Эта высокая рождаемость обусловлена цѣлымъ рядомъ причинъ, особенно же несоразмѣрно большимъ количествомъ браковъ. Къ этому вопросу мы еще вернемся. Здѣсь же мы приведемъ только пропорціональное число браковъ въ Индіи сравнительно съ тѣмъ же числомъ въ Англіи: на 100 женщинъ въ возрастѣ отъ 15 до 45 лѣтъ замужнихъ приходится: въ Индіи—78, въ Англіи—47. Отсюда огромная рождаемость и очень высокая смертность. Но если взять для сравненія данныя не рождаемости, а „плодовидости“, то получится перевѣсъ, хотя и незначительный, въ пользу Англіи—254 на 1000, противъ 247,5 для Индіи.

Съ другой стороны, средняя величина смертности гораздо выше въ Индіи, чѣмъ въ Европѣ. Отмѣтимъ подробность, которая никого не должна удивлять: 47% смертныхъ случаевъ падаетъ на дѣтей. Въ мѣстахъ скопленія для взрослыхъ людей смертность падаетъ значительно ниже средней цифры: 29 смертей на 1000 чел. въ тюрьмахъ; 11,7 на 1000 въ туземной арміи; 15,6 на 1000 въ англійской арміи.

Мы не можемъ останавливаться на всѣхъ интересныхъ статистическихъ данныхъ, приведенныхъ въ народной пере-

писи. Укажемъ лишь на данныя, ярко характеризующія экономическое и социальное состояніе страны.

294-хъ-милліонное населеніе Индіи распределено крайне неравномѣрно. Въ британскихъ провинціяхъ, занимающихъ пространство въ 1.087,204 кв. мили (1 м. = 2,6 кв. км.), числится 232 милліона; въ туземныхъ государствахъ, съ пространствомъ въ 679,393 кв. мили—62.500.000. Средняя густота населенія въ Индіи, вообще на 1 кв. милю составляетъ 187 чел.; для британской же Индіи въ частности она составляетъ—213 чел.; и для Индіи, управляемой туземными князьями,—92 чел. Но эти среднія цифры даютъ слишкомъ неопредѣленное представленіе о дѣйствительной неравномѣрности въ распределеніи населенія. Бенгалия на пространствѣ 190.000 кв. миль, въ 1901 г. ¹⁾ насчитывала на своей территоріи 78.500.000 жителей, что составляетъ 413 на 1 кв. милю; въ области ея, называемой Сѣв. Бехаръ, приходилось 636 на 1 кв. м., а въ округѣ Говра, близъ Калькутты, гдѣ имѣются джутовые фабрики, даже 1688. Бомбейское президентство съ поверхностью съ 189.000 кв. миль имѣетъ лишь 25.500.000 жителей, т.-е. 135 чел. на кв. милю; въ богатой же земледѣльческой области Гуджератъ соответствующая цифра поднимается до 267. Центральныя провинціи на пространствѣ въ 134.000 кв. миль имѣютъ лишь 14.500.000 жителей, или 109 чел. на кв. милю. Въ Бирмѣ, съ пространствомъ въ 236.738 кв. миль насчитывается только 10.500.000 жителей, т.-е. 44 чел. на кв. м.—Приведемъ еще нѣсколько цифръ: Мадрасъ на пространствѣ 151.000 кв. миль имѣетъ 42 милліона жителей, т.-е. 270 чел. на 1 кв. милю; эта цифра поднимается до 1920 въ одномъ talucas государства Кочинъ, у морского побережья; въ Пенджабѣ на пространствѣ 134.000 насчитывается 25.000.000 жителей, т.-е. 180 чел. на 1 кв. м., и 214 чел. въ недавно искусственно орошенной и колонизованной долинѣ Ченабы. Соединенныя провинціи на пространствѣ 102.000 миль насчитываютъ 48.500.500 жителей, т.-е. 482 чел. на 1 кв. м., а въ округѣ Балліа, центрѣ культуры опиума, даже 791 ²⁾).

¹⁾ Въ 1905 г. восточные округа Бенгаліи (50.000 кв. миль съ 25 милліонами жителей) были выдѣлены и соединены съ Ассамомъ для образованія новой провинціи: Восточная Бенгалія и Ассамъ.

²⁾ Приведенныя данныя о пространствѣ поверхности и населеніи въ различныхъ провинціяхъ включаютъ и мелкія государства, подчиненныя контролю каждаго изъ провинціальныхъ правительствъ.

Столь неравномѣрное распредѣленіе населенія въ странѣ можетъ имѣть однимъ изъ послѣдствій недостаточную эксплуатацію территоріи. Индія часто страдаетъ отъ голода. Но этого голода можно было бы и избѣжать, если бы вся свободная земля была обращена подъ земледѣльческую культуру. Масса земли остается необработанной за недостаткомъ рабочихъ рукъ. Казалось бы, что нѣтъ ничего проще, какъ произвести уравнильное распредѣленіе населенія, переселивъ чрезмѣрный излишекъ его изъ перенаселенныхъ областей въ области съ крайне рѣдкимъ населеніемъ. Подобный опытъ въ маломъ масштабѣ былъ произведенъ съ переселеніемъ изъ Пенджаба въ Синдъ, когда были открыты каналы Джамрао и Ченаба (я опишу эту операцію въ другомъ мѣстѣ, въ главѣ объ искусственномъ орошеніи). Населеніе очень сочувственно отнеслось къ этому опыту: новая земля съ искусственнымъ орошеніемъ привлекаетъ ихъ съ непобѣдимой силой. Но именно въ мало населенныхъ областяхъ незанятая земля въ то же время и наименѣе плодородная; она ничего привлекательнаго для переселенцевъ не имѣетъ. Поэтому всѣ попытки къ разрѣженію слишкомъ перенаселенныхъ округовъ почти никакого успѣха не имѣли. Человѣкъ привязанъ къ своей деревнѣ очень крѣпкими нитями—общиннымъ укладомъ и семьей, религіей и домашними богами. По переписи 1901 г., на 294 милліона жителей насчитывалось всего 8 милліоновъ человѣкъ, родившихся внѣ провинціи, въ которой ихъ застала переписная операція. Для поощренія переселенія прибѣгали даже къ такой мѣрѣ, какъ повышеніе въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ величины Land - Revenue (родъ поземельнаго налога), уплачиваемаго земледѣльцемъ; но эта мѣра встрѣтила среди туземцевъ страшный отпоръ.

Существуетъ еще мѣстное передвиженіе населенія между деревнями и сосѣдними округами, вызываемое недостаткомъ работы и хлѣба или обычаями экзогамныхъ кастъ, заставляющими индійца искать себѣ жену внѣ родного племени; но это передвиженіе не имѣетъ крупнаго экономическаго значенія и не приноситъ замѣтнаго облегченія бѣдствующей общинѣ. Но существуютъ и настоящія внутреннія переселенія. Таково переселеніе кули, отправляющихся на обработку кофейныхъ плантацій въ горахъ Нильгири и особенно на чайныя плантаціи Ассама; въ послѣднюю область идетъ непрерывный потокъ людей, за-

хватывающей 700—800 тысячъ рабочихъ— $\frac{1}{8}$ часть всего населенія—идущихъ съ плато Чота-Нагпуръ въ Бенгаліи, изъ центральныхъ провинцій Мадраса, Раджпутаны и низъ земель центральной Индіи, и порой принимающая характеръ настоящей колонизаціи. Слѣдуетъ упомянуть еще о джутовыхъ и хлопчато-бумажныхъ фабрикахъ, каменноугольныхъ копяхъ и, наконецъ, обширныхъ общественныхъ работахъ въ Бенгаліи, привлекающихъ около 500.000 рабочихъ изъ Соединенныхъ Провинцій; о чайныхъ плантаціяхъ на Цейлонѣ, куда изъ Мадраса притекаетъ 400.000 кули.

Самымъ любопытнымъ изъ этихъ внутреннихъ переселеній является переселеніе изъ Бенгаліи и Мадраса въ Бирму¹⁾. Земля тамъ настолько плодородна, что приноситъ огромные доходы. Житель Бирмы, любящій наслажденія жизни, чуждъ той общительной склонности, которая побуждаетъ другія расы жить въ тѣсномъ сосѣдствѣ. Земли рѣдко обманываетъ его надежды на урожай; удовлетворивъ своимъ потребностямъ и комфорту текущаго обихода, онъ не требуетъ большаго. Напрасно было бы предлагать ему работу, даже хорошо оплачиваемую: онъ презираетъ ее. Но то, отъ чего онъ отказывается, служить сильной приманкой для другихъ. Страна новая, на три четверти пустынная, сулитъ завидныя перспективы. Бѣдствующій и трудолюбивый индеецъ мало-по-малу наводняетъ Бирму, Нижнюю и Верхнюю. Сначала стали переселяться съ востока мусульмане. За ними послѣдовали уже индусы изъ Бенгаліи и Мадраса, несмотря на гибельное дѣйствіе на нихъ морского путешествія. По даннымъ переписи въ 1891 г. насчитывалось 264.580 жителей, а въ 1901 г.— 500.000 жителей, индусовъ и мусульманъ, переселившихся изъ собственно Индіи. Мусульмане пока еще въ преобладающемъ числѣ, но индусы уже начинаютъ нагонять ихъ своей численностью. На 10.000 жителей Бирмы, не менѣе 303 исповѣдуютъ индуизмъ. Индусовъ теперь можно вездѣ встрѣтить—въ Рангунѣ, въ Митчинѣ. Отъ вторженія пришлаго населенія ограждена пока только земледѣльческая Бирма. Торговля же, промышленность, общественныя ра-

¹⁾ Населеніе Бирмы, Верхней и Нижней, составляло въ 1901 г. 10.500.000 чел. или, за вычетомъ количества населенія государствъ Шанъ и Шинъ-Хилсъ,—9.225.000. Последняя цифра сравнительно съ соответствующей цифрой переписи 1891 г. даетъ увеличеніе на $19\frac{1}{2}$ %.

боты сосредоточены въ рукахъ индусовъ: крупныя города, пограничныя пункты, беѣга кишать „иностранцами“. И вотъ почему индоостанское нарѣчіе становится языкомъ, обязательнымъ для предпринимателей, торговцевъ, чиновниковъ и проч.

Хотя—и это фактъ, имѣющій крупныя соціальныя послѣдствія—пять шестыхъ этихъ иммигрантовъ составляютъ мужчины, но до сихъ поръ бирманецъ, повидимому, относится къ этому нашествію безъ досады и боязни. Но это только повидимому. Бирманецъ въ сущности глубокій націоналистъ¹⁾. Онъ подчиняется англичанину, но презираетъ индуса. Въ сотрудники себѣ онъ беретъ, если онъ это можетъ, только своихъ соплеменниковъ. Если онъ теперь и молчитъ, то это совсѣмъ не говоритъ ни о его индифферентизмѣ, ни о покорности примиренія; его спокойствіе это признакъ лѣни. Страна его богата; онъ получаетъ все, что необходимо для его потребностей; потребности же его ограничены, еще ограниченнѣе его прихоти. Но это постепенное вытѣсненіе его пришельцами виситъ надъ нимъ Дамокловымъ мечемъ.

Да кто, даже изъ равнодушныхъ людей, безъ сожалѣнія отнесся бы къ подчиненію красивой, граціозной, милой, жизнерадостной, способной, доступной культурѣ, живущей на открытомъ просторѣ и свободѣ бирманской расы вліянію мрачнаго, замкнутаго индуизма съ его кастами и монастырской обстановкой для женщинъ, еще немного времени—и исчезнуть эти пестрые красивые наряды съ яркими красками, это веселіе, наполняющее своимъ шумомъ города и деревни, эти непринужденныя и искреннія взаимныя отношенія, возбуждающія такое радостное изумленіе въ иностранцѣ.

Кромѣ этого внутренняго передвиженія населенія, существуютъ и переселенія внѣшнія, т.-е. иммиграція и эмиграція въ собственномъ смыслѣ. Въ Индіи живетъ болѣе 500.000 иностранцевъ²⁾, значительнѣйшая часть которыхъ, свыше 250.000 человекъ, выходцы изъ Цепала. На этой восточной границѣ происходитъ постоянный обмѣнъ населенія въ связи съ браками, покупкою земли и т. п. На первомъ планѣ среди нихъ стоятъ интересныя гуркасы (нѣкоторые изъ нихъ окончательно осѣли на

¹⁾ См. примѣчаніе о бирманцѣ, стр. 37.

²⁾ Въсѣтъ съ европейцами и другими не азіатскими народами эта цифра доходитъ до 642.000.

склонахъ Гималаевъ, на британской территоріи), высоко цѣнимые въ индійской арміи, насчитывающей ихъ въ числѣ 13.000 чел. и 6.000 на полицейской службѣ. Затѣмъ слѣдуютъ афганцы въ числѣ 116.000; одни изъ нихъ основались въ Пенджабѣ, другіе являются въ качествѣ странствующихъ торговцевъ, столь дѣятельныхъ и предприимчивыхъ, что зимою ихъ можно встрѣтить повсюду — въ сѣверной части и даже во всей Индіи и въ Австраліи, куда они приходятъ для покупки верблюдовъ; 47.000 китайцевъ, торговцевъ и ремесленниковъ, живущихъ, главнымъ образомъ, въ Рангунѣ и Калькуттѣ, и 33.000 арабовъ въ Бомбей или Гайдерабадѣ (княжество Низамъ).

Цифровыя данныя объ индійской эмиграціи за предѣлы Индіи менѣе достовѣрны. По переписи 1901 г. она исчисляется почти въ 800.000 чел. По даннымъ одного документа за 1904 г. она достигаетъ 1.370.000. Я уже упоминалъ о 436.000 кули, работающихъ на Цейлонѣ. Можно, пожалуй, насчитать 200.000 индійцевъ, мусульманъ или буддистовъ, въ Афганистанѣ, Бутанѣ, Тибетѣ, Неп. Вѣроятно, болѣе 600.000 въ Вестъ-Индіи и южной Африкѣ, гдѣ индійцы исполняютъ роль рабочей силы, посылаемой имъ французскими колоніями (которыя также могли бы имѣть ее въ изобиліи): 126.000 въ англійской Гвіанѣ, 85.000 на о-вѣ Тринидадѣ, 265.000 на о-вѣ Мориса, 66.000 въ Наталѣ, 15.000 на Ямайкѣ, 1200 на о-вѣ Св. Лючіи; прибавьте сюда еще 10.000 въ Занзибарѣ, 4000 на Мартиникѣ, 15.000 въ Гваделупѣ, 15.000 на о-вахъ Фиджи.

Одна изъ наиболѣе любопытныхъ цифръ переписи 1901 г.—это цифра, свидѣтельствующая о меньшемъ, сравнительно съ количествомъ мужчинъ, числѣ женщинъ. Индія насчитываетъ 144.468.000 женщинъ и 149.951.000 мужчинъ, что даетъ излишекъ послѣднихъ въ 5.500.000 чел. На 1.000 мужчинъ имѣется 963 женщины. Это явленіе особенно замѣтно въ провинціяхъ слѣдующихъ государствъ: Кургъ, Белуджистанъ, Пенджабъ, Кашмиръ; затѣмъ слѣдуютъ Барода, Соединенныя Провинціи, Бомбей, Центральная Индія, Ассамъ и проч. Это наблюдается и послѣ исправленія статистическихъ данныхъ, съ причисленіемъ эмигрантовъ къ населенію ихъ родныхъ провинцій. Зато женщинъ больше, чѣмъ мужчинъ въ Центральныхъ Провинціяхъ, въ Мадрасѣ, въ Бирмѣ и численно равны оба пола въ президентствѣ Бенгалія.

Трудно объяснить это явленіе. Гражданская регистра-

ція его государствомъ не производится; „житейскія“ же статистическія данныя очень недостаточны. Ранніе браки и преждевременное материнство должны были сократить и сокращаютъ число женщинъ. Въ Пенджабѣ на 20.000.000 жителей женщинъ меньше на 1.600.000. Въ туземныхъ государствахъ, зависимыхъ отъ Пенджаба, на 4.400.000 населенія имѣется на 400.000 меньше женщинъ; въ Соединенныхъ Провинціяхъ на населеніе болѣе 48.000.000 число женщинъ меньше на 1.550.000; въ Раджпутанѣ на 10.000.000 жителей женщинъ меньше на 500.000. Слѣдовательно, въ четырехъ приведенныхъ пограничныхъ областяхъ женское населеніе численно меньше мужского на 4.000.000 душъ слишкомъ. Въ этихъ именно провинціяхъ и государствахъ долгое время господствовалъ и теперь еще не прекратившійся обычай, противъ котораго усиленно боролись англичане—обычай умерщвленія части новорожденныхъ дѣвочекъ изъ боязни, что онѣ не найдутъ себѣ супруговъ, что было бы безчестіемъ для ихъ отца. Нельзя ли допустить, что продолжительная практика этого обычая оказала свое вліяніе на составъ населенія, и что, хотя нынѣ она и прекратилась, послѣдствія ея, однако, до сихъ поръ еще даютъ себя знать.

Въ этой странѣ все происходитъ не такъ, какъ въ Европѣ. Новое доказательство этому мы находимъ въ статистикѣ браковъ. Въ Англій, гдѣ число браковъ довольно значительно, едва только третья часть населенія живетъ въ брачномъ состояніи. Въ Индіи болѣе половины мужчинъ и почти двѣ трети женщинъ состоятъ или состояли въ бракѣ. Среди холостыхъ три четверти лицъ мужского пола ниже 15-ти лѣтъ и женщинъ ниже 10-ти лѣтъ. Въ числѣ мужчинъ отъ 30 до 40 лѣтъ приходится одинъ холостой на 12 человекъ; отъ 40 до 60 лѣтъ—1 на 20. Въ числѣ женщинъ выше 15 лѣтъ незамужнихъ менѣе одной на 12, и почти всѣ незамужнія женщины либо больныя, либо проститутки, либо наложницы.

Статистика 1901 г. даетъ слѣдующую любопытную таблицу:

Для всѣхъ возрастовъ:	холостыхъ . . .	49,2	мужч.	34,4	женщ.
	женатыхъ . . .	45,4	»	47,6	»
	вдовствующ. . .	5,4	»	17,9	»
Въ возрастѣ отъ 15 до 20 л.:	холостыхъ . . .	51,8	»	11,3	»
	женатыхъ . . .	45,8	»	82,8	»
	вдовствующ. . .	2,4	»	5,9	»

Въ возрастѣ отъ 26 до 40 л.:	холостыхъ . . .	12,5 мужч.	2,5 женщ
	женатыхъ . . .	81,7 »	80,1 »
	вдовствующ.	5,8 »	17,4 »

Бракъ считается, можно сказать, общимъ правиломъ, одинаково уважаемымъ какъ и индусами, такъ и мусульманами. Но у послѣднихъ брачный возрастъ нѣсколько выше, чѣмъ у индусовъ, а у буддистовъ еще выше.

То обстоятельство, что у индусовъ практикуются ранніе браки между дѣтьми, объясняется нѣсколькими причинами; причины эти кроются не столько въ особенностяхъ климата и въ преждевременной физической зрѣлости, сколько въ общественно-религіозныхъ воззрѣніяхъ массъ. Индусъ старается раньше женить своего сына, чтобы увѣковѣчить свою семью и имѣть своихъ наслѣдниковъ для обезпеченія культа предковъ и домашнихъ боговъ; а дочь стремится раньше выйти замужъ, такъ какъ присутствіе незамужней дѣвушки въ семьѣ бросаетъ тѣнь позора на послѣднюю. Мать же, будущая свекровь, прельщаемая перспективой этого положенія, самаго счастливаго, какого можетъ себѣ только пожелать индусская женщина, спѣшитъ женить своего сына какъ можно раньше, чтобы пораньше принять въ свои руки свою невестку и лучше подготовить ее къ долгу повиновенія и къ домашнимъ обязанностямъ ея.

Вотъ почему статистика приводитъ поразительныя данныя. Въ Индіи есть супруги моложе пяти лѣтъ—121.500 мужей и 243.503 жены; отъ 5 до 10 лѣтъ—760.000 мужей и 2.030.009 женъ; отъ 10 до 15 лѣтъ—2.540.000 мужей и 6.585.000 женъ. Мало этого, та же статистика свидѣтельствуетъ, что въ Индіи имѣется 1.277.000 вдовствующихъ въ возрастѣ ниже 20 лѣтъ; изъ нихъ 914.000 женщинъ. Замѣтимъ, что встрѣчаются вдовы и гораздо моложе. Вдовцовъ моложе пяти лѣтъ насчитывается 6.000, а вдовъ — 19.500; отъ 5 до 10 лѣтъ 37.000 вдовцовъ и 96.000 вдовъ; отъ 10 до 15 лѣтъ — 113.000 вдовцовъ и 276.000 вдовъ и т. д. Чѣмъ объясняется эта чудовищная ненормальность? Ранними браками (фактическіе ли они или нѣтъ) и пользующимся всеобщимъ признаніемъ въ высшихъ кастахъ запрещеніемъ вторичнаго замужества для овдовѣвшихъ женщинъ. Какая-нибудь дѣвочка, выданная замужъ или, вѣрнѣе, помолвленная въ возрастѣ 4—5 лѣтъ, къ 6 годамъ можетъ стать уже вдовой и должна послѣ этого остаться вдовой на всю жизнь.

Почти о всей Индіи можно сказать, что общимъ правиломъ является для нея моногамія. По закону допускается и полигамія; но въ дѣйствительности она встрѣчается рѣдко. При жизни первой жены, мужчина не беретъ другой. Общая статистика отмѣчаетъ, что на 1.000 мужей приходится только 1.011 женъ. Отношеніе это нѣсколько повышается у анимистовъ, гдѣ на 1.000 приходится 1.031 жена и у мусульманъ—на 1.000 мужей—1.021 жена. Нельзя, повидимому, утверждать, что такое слабое количественное превышеніе женъ надъ мужьями является результатомъ оппозиціи со стороны первыхъ. Подобная оппозиція въ Азіи не имѣла бы никакого успѣха. Это скорѣе результатъ эволюціи, пережитой страной. Полигамія, объясняемая извѣстнымъ экономическимъ укладомъ, исчезаетъ, когда этотъ укладъ измѣняется.

Полигамія—явленіе рѣдкое. Еще рѣже встрѣчается полиандрія. Она проявляется въ двухъ формахъ. Въ кастахъ на Малабарскомъ берегу одна женщина выходитъ или выходила (ибо обычай этотъ вымираетъ) за одного или нѣсколькихъ мужчинъ, чуждыхъ другъ другу; это то, что называютъ матриархатомъ. Права наслѣдованія, какъ это видно на примѣрѣ Траванкора, устанавливаются по женской линіи: наслѣдникомъ мужа является старшій сынъ его сестры. Въ Гималаяхъ, въ Тибетѣ, въ Кашмирѣ, въ Ассамѣ и у тодовъ въ Нилгири извѣстна другая форма полиандріи: женщина выходитъ замужъ за нѣсколькихъ братьевъ. Это полиандрія въ собственномъ смыслѣ. Въ этомъ случаѣ дѣти наслѣдуютъ своему отцу

Примѣчанія.

Прим. къ стр. 33: *Бирманецъ*. Бирманецъ представляетъ собою типъ наиболѣе любопытныхъ и вмѣстѣ съ тѣмъ наиболѣе общительныхъ и симпатичныхъ обитателей Индіи.

Онъ въ высокой степени обладаетъ духомъ независимости. Все способствуетъ развитію въ немъ этого чувства. Въ Бирмѣ, странѣ китайской цивилизаціи, были короли, но не было дворянства. Этотъ феодалный слой населенія, знакомый всей Европѣ, въ Бирмѣ замѣнили чиновники, возвысившіеся своими заслугами и безслѣдно исчезающіе послѣ смерти, чтобы уступить мѣсто другимъ столь же безслѣдно исчезающимъ.

Рѣшительно никакой іерархіи ни на землѣ, ни между небомъ и землей не существуетъ. Въ буддійской религіи, собственно говоря, нѣтъ ни Бога, ни священника. Сущестуютъ лишь люди, трудящіеся собственными руками для счастія своего же блага. Они зна-

ють, что существовалъ Будда, принесшій откровеніе, и стараются ему подражать.

Самый видный изъ монаховъ, напр., одинъ изъ Sada ws (высшій сановникъ), не освобожденъ по своему рангу отъ обѣта нищенства. Сана своего онъ достигаетъ лишь возрастомъ. Но въ то же время этотъ Sada w, нищій и дряхлый, личность уважаемая, окруженъ почитаніемъ и возбуждаетъ къ себѣ зависть только потому, что онъ ближе къ pe h a n (ширванъ).

Наконецъ, у бирманцевъ нѣтъ кастъ. Они не знаютъ превосходства одного человѣка надъ другимъ. Каждый человѣкъ цѣненъ самъ по себѣ, своими дѣлами.

Само собой разумѣется, что подобныя понятія должны различать въ бирманцѣ духъ независимости. Онъ не только независимъ, онъ подозрителенъ, не легко поддается вліянію. Кто желаетъ поддерживать съ нимъ сношенія и утилизировать его, долженъ дѣйствовать съ большой осторожностью. Съ нимъ нужно обращаться мягко, иначе онъ уйдетъ—безъ шума, безъ спора. Не говорите ему, что сдѣланное имъ можно было бы сдѣлать лучше. Не говорите ему, что такой-то приемъ проще, такое-то орудіе удобнѣе. Онъ предпочитаетъ свои традиціонныя приемы, свои старинныя орудія. Когда ему хотять навязать благодѣяніе противъ его воли, онъ всячески старается уклониться отъ него—онъ уходитъ подъ предлогомъ болѣзни или смерти матери.

Поэтому англичане вступаютъ съ бирманцемъ въ сношенія и пользуются его услугами съ большою неохотою. Они уже знаютъ тѣ сюрпризы, которыхъ можно отъ него ожидать: прослуживъ у васъ въ теченіе 10 лѣтъ, бирманецъ въ одно прекрасное утро можетъ покинуть вашъ домъ безъ всякой причины или подъ какимъ-нибудь самымъ пустяжнымъ предлогомъ. Англичане бирманцамъ предпочитаютъ индусовъ, хотя и менѣе изысканныхъ, и менѣе смысленныхъ, но зато болѣе аккуратныхъ и надежныхъ. Бирманецъ, говорятъ они, слишкомъ не надеженъ. Такими же неожиданными поражаетъ и его мышленіе. Логика его далека отъ тѣхъ построений, гдѣ основныя мысли соединены послѣдовательною связью, ведущей отъ посылокъ къ неизбежно вытекающимъ изъ нихъ заключеніямъ. Возьмемъ невозможный примѣръ. Положимъ, что бирманецъ, сопоставивъ свою космогонію съ нашей, придетъ къ убѣжденію въ ложности первой. Отсюда еще не слѣдуетъ, что, признавъ правильность доводовъ европейской науки, онъ сочтетъ себя обязаннымъ отнестись отрицательно къ буддійскому міросозерцанію. Для него непримиримаго конфликта между двумя истинами не существуетъ. Онъ вполне искренно въ одно и то же время будетъ оставаться и буддистомъ и христіаниномъ.

Поэтому, хотя англичане и не разъ побивали бирманцевъ (въ 1826, 1856, 1885 г.г.), но это нисколько не уронило его въ его собственныхъ глазахъ. Подобно китайцу, онъ игнорируетъ и подвиги иностранцевъ, и свои собственные недостатки. Если, думаетъ онъ, англичане и пришли въ Бирму, то, конечно, съ согласія королей. Онъ никого не считаетъ стоящимъ выше—ни китайца, ни европейца, ни индуса. Китаецъ называетъ насъ варварами. Бирманецъ за нашей спиной бросаетъ намъ презрительную кличку K a l a (черный). Этотъ презрительный терминъ сначала, повидимому, примѣнялся къ смуглымъ индусамъ Мадраса, а отъ него перешелъ уже и къ намъ, бѣлымъ.

Не считая себя ниже другихъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ не считаетъ себя и связаннымъ какой бы то ни было благодарностью къ кому бы то ни было. Къ кому онъ можетъ чувствовать благодарность? Къ своему благодѣтелю? Но для него благодѣтеля въ нашемъ смыслѣ слова не существуетъ. Существуетъ человѣкъ, дѣлающій добро другимъ; за это онъ удостаивается отличій и приближается къ пехану. Съ какой же стати еще благодарить его за пріобрѣтеніе имъ выгодной для него же привилегіи?

Таковъ бирманецъ; и его любятъ такимъ, каковъ онъ есть. Каждый, пользующійся его услугами, цѣнить его, какъ услужливаго и веселаго товарища, остроумнаго, заражающаго своимъ смѣхомъ, смышленаго, мастера на всѣ руки. Что бы тамъ ни говорили, но съ нимъ легко имѣть дѣло; его дисциплинированность признана и подтверждается чиновниками, завѣдующими переправой на Андаманскіе острова. Онъ ловкій, а при случаѣ, и неустрашимый охотникъ, и если его не принимаютъ въ армию, то отнюдь не по недостатку храбрости. Отъ него отпугиваетъ его чувство независимости, измѣнчивость его настроенія. Но бирманецъ честенъ и, въ общемъ, способенъ на измѣну.

2) Языки и расы.

Индія, какъ я уже говорилъ и еще неоднократно буду повторять, это—цѣлый міръ. Безконечно разнообразны элементы, ее составляющіе. Выше я показалъ это относительно самой страны; теперь я покажу это относительно ея населенія. Единство населенія узнается по единству расы, религіи, языка. Индія въ этомъ отношеніи не только раздѣлена, но раздроблена.

Народы Индіи говорятъ на 147 различныхъ языкахъ ¹⁾. Нѣкоторые изъ нихъ сходны между собою какъ по происхожденію, такъ и по формѣ; другіе представляютъ собою мѣстныя нарѣчія; но очень многіе языки рѣзко различаются и по строенію, и по развитію. Есть языки, поражающіе богатствомъ и совершенствомъ формъ, прославленные замѣчательными литературными произведеніями; другіе, наоборотъ, жалки своимъ убожествомъ и грубостью. Не считая себя компетентными въ этой спеціальной области, мы не собираемся заниматься здѣсь учеными лингвистическими изслѣдованіями; мы хотимъ только мимоходомъ отмѣтить, въ числѣ многихъ другихъ, и эту причину пестраго разнообразія Индіи. Приведемъ, однако,

¹⁾ Европейцу въ высшей степени странно слышать, какъ на одной и той же желѣзнодорожной станціи торговцы предлагаютъ туземнымъ покупателямъ книжечки на языкахъ англійскомъ, гинди, яелегу, марати и урду.

замѣчаніе д-ра Грирсона, которому во время народной переписи 1901 г. было поручено составить докладъ по этому вопросу. „Нигдѣ,—говорить онъ,—кромѣ Индіи, нельзя найти болѣе сильныхъ предостереженій противъ всякой попытки обосновывать этнологическія теоріи на лингвистическихъ фактахъ“. Единственный случай, допускающій подобныя теоретическія построенія, тотъ, когда мы видимъ, что маленькое племя отчаянно цѣпляется за языкъ, со всѣхъ сторонъ осаждаемый другимъ языкомъ, который, вытѣснивъ всѣ остальные, становится отнынѣ языкомъ господствующимъ. Въ этомъ случаѣ допустимо предположеніе, что языкъ, находящійся на пути къ исчезновенію, былъ природнымъ языкомъ племени. Таковъ языкъ мальто, на которомъ говорятъ горцы Раджмагала.

Слѣдуетъ ли буквально понимать д-ра Грирсона и настаивать на дѣйствительно самостоятельномъ характерѣ всѣхъ этихъ языковъ? Въ этомъ позволительно усомниться. Сэръ Джонъ Страчей насчитываетъ только около пятидесяти языковъ; другіе, придерживаясь основныхъ лингвистическихъ типовъ, насчитываютъ только двѣнадцать языковъ. Если принять за критерій указанное народной переписью 1901 г. число лицъ, говорящихъ на каждомъ изъ нихъ, и если отбросить языки, употребляемые группами менѣе чѣмъ въ 1 миллионъ человѣкъ, то мы найдемъ въ Индіи слѣдующіе основные языки:

Языки индо-арійскіе: Западный гиндъ; на немъ говорятъ главнымъ образомъ въ провинціи Агра и въ части, смежной съ Пенджабомъ, около 41 миллионъ лицъ. Его основной діалектъ—индустанскій; на немъ говорятъ въ области, окружающей Дели, а отсюда онъ распространяется черезъ всю Индію, гдѣ онъ сталъ въ нѣкоторомъ родѣ *lingua franca*, завоевателями-мусульманами; послѣдніе внесли въ него значительное число персидскихъ и арабскихъ словъ; на этой стадіи своего развитія этотъ языкъ получилъ названіе урду. Восточный гиндъ (языкъ особенно употребляемый въ провинціи Удъ); на немъ говорятъ до 22 миллионъ лицъ; на бенгальскомъ нарѣчій говорятъ 44.500.000 лицъ; на бехарскомъ—34.500.000; на маратскомъ—18.000.000; на пенджабскомъ—17.000.000; на раджастанскомъ—11.000.000 (на пеля говорятъ въ Раджпутанѣ и Гуджератѣ); на уріа (языкъ Ориссы)—9.500.000; на ланда (языкъ восточнаго Пенджаба) и синди—болѣе 3.000.000; на ассамскомъ—1.300.000 и кашмирскомъ—

около 1.000.000. На языкахъ пахари, употребляемыхъ у подножія Гималайской цѣпи, въ общемъ говорятъ 3.000.000.

Дравиды составляли массу населенія Индіи въ тѣсномъ смыслѣ до вторженія арійцевъ. Главные языки дравидской семьи, сохранившіеся до сихъ поръ, составляютъ телегу, на которомъ говорятъ около 20.500.000 на сѣверѣ Мадраесскаго президентства и въ нѣкоторыхъ частяхъ Гайдерабадъ и Центральныхъ Провинцій; тамилійскій—языкъ южной части Мадраса, на которомъ говорятъ 16.500.000; малайаламъ, на берегу западной части Мадраса—6.000.000 лицъ; канарскій языкъ (Майсоръ и сосѣднія территоріи)—10.500.000; хондъ (Центральная Индія)—болѣе 1.000.000. На языкахъ мунда, иногда неправильно называемыхъ коларіанскими и отличающихся отъ дравидскихъ языковъ говорятъ около 3.000.000 лицъ въ Чота-Нагпуръ и въ сосѣднихъ территоріяхъ.

Образчикомъ тибетско-бирманскихъ языковъ служитъ бирманскій языкъ, на которомъ говорятъ около 7.500.000 жителей. Встрѣчаются и другіе языки той же семьи вдоль границъ Непала и Тибета.

На сѣверо-западной границѣ Индіи, главнымъ образомъ, въ пограничной провинціи, употребляется индоиранскій языкъ пасту, на которомъ говорятъ болѣе 1.000.000 лицъ.

Я не назвалъ другихъ языковъ, важныхъ съ точки зрѣнія лингвистики и литературы, но мало распространенныхъ: персидскій—20.000 чел.; китайскій—50.000, арабскій и проч. Въ настоящее время роль ихъ, какъ языковъ народныхъ, въ Индіи незначительна; но раньше она была огромна. Напр., персидскій языкъ, языкъ княжескихъ дворовъ, на которомъ обыкновенно говорили чиновники, живущіе въ нѣкоторыхъ государствахъ, еще 60—70 лѣтъ тому назадъ, былъ, если можно такъ выразиться, международнымъ языкомъ—языкомъ, которому обучали дѣтей въ школахъ послѣ родного языка, какъ теперь ихъ обучаютъ англійскому.

Замѣтимъ, что всюду, гдѣ арійскіе языки встрѣчаются и вступаютъ въ борьбу съ первобытными языками аборигеновъ, они всегда легко одерживаютъ побѣду. Туземцы, изъ собственного интереса или изъ подражанія, даже не будучи арійцами по происхожденію, стараются говорить и говорятъ на языкахъ арійской семьи.

Языки арійскаго происхожденія суть производныя

пракритскихъ языковъ, т.-е. языковъ первыхъ завоевателей, или арійскихъ иммигрантовъ. Отъ одного изъ этихъ языковъ, употребляемаго въ Серединной Земль (Madhya Desa или страна около Джумны и Ганга) произошелъ позднѣе санскритъ, ставшій его литературной формой.

Это разнообразіе языковъ, исключавшее въ прошломъ всякую мысль о единствѣ, даже всякую идею о націи, находитъ свое объясненіе въ исторіи—въ переселеніяхъ, въ нашествіяхъ, въ раздѣлахъ, въ слияніяхъ, въ брачныхъ союзахъ, въ религиозныхъ теченіяхъ и проч. Первобытнымъ населеніемъ Индіи были, какъ мы уже сказали, главнымъ образомъ, дравиды со смуглой, если не вполне черной кожей. Бѣлокожіе аріицы пришли изъ центральной Азіи, этого неистощимаго человѣческаго резервуара. Переселенія ихъ, вѣроятно, совершались постепенно; но д-ръ Грирсонъ и Гэриле различаютъ два главныхъ потока, изъ которыхъ одинъ, позднѣйшій, спустился въ Madhya Desa, врѣзался клиномъ въ массу первыхъ арійскихъ иммигрантовъ и разбѣжалъ ихъ вокругъ ихъ центра, Пенджаба и Раджпутаны, въ Гуджератъ и Бехаръ. Лишь впоследствии они проникли дальше на востокъ и югъ.

Своей цивилизаціей первые аріицы походили на современныхъ имъ грековъ и римлянъ. Общественную ячейку составляла семья; глава семьи былъ въ одно и то же время и земледѣльцемъ, и воинемъ, и жрецомъ. Новѣйшая форма цивилизаціи создала среди нихъ спеціализацію занятій, отсюда—происхожденіе кастъ, описываемыхъ въ законахъ Ману. Существуютъ три высшія касты: жрецовъ или браминовъ, воиновъ, раджпутовъ или кшатріевъ, земледѣльцевъ или вайтіевъ; эти касты образовались изъ представителей аріицевъ-завоевателей или переселенцевъ; къ этимъ тремъ кастамъ присоединялась четвертая—судра, низшая каста, образовавшаяся, безъ сомнѣнія, изъ представителей первобытныхъ расъ.

Ниже я подробнѣе буду говорить о кастахъ. Здѣсь же ограничусь указаніемъ на то, что, хотя кастовыя дѣленія, несомнѣнно, и опираются на различія профессиональной дѣятельности, но въ основѣ ихъ лежитъ прежде всего происхожденіе, забота о чистотѣ крови. Браминою рождаются, но не дѣлаются. Однако, на югѣ Индіи встрѣчаются чернокожіе брамины, безъ сомнѣнія, дравидскаго происхожденія. Этотъ фактъ объясняется слѣдующимъ образомъ: когда аріицы осѣли на сѣверѣ Индіи, они образо-

вали цѣлыя племена съ организованными семейными ячейками изъ мужей, женъ и дѣтей. Но когда позднѣе они спустились къ отдаленному югу, то, вѣроятно, они шли туда изолированными единицами и безъ женщинъ. Поселившись среди дравидовъ, они вступали въ бракъ съ ихъ дочерьми. Родившіяся отъ этихъ смѣшанныхъ браковъ дѣти титуловались, подобно ихъ отцамъ, браминами; но по крови они были полудравидами, говорили на мѣстномъ языкѣ, пользуясь санскритомъ или его производными лишь для научныхъ или религіозныхъ цѣлей. Позднѣе, съ упадкомъ буддизма, браминизмъ принялъ наступательное положеніе ¹⁾, отвлекая отъ него мѣстами всѣхъ, мѣстами часть послѣдователей его. Затѣмъ брамины пришли съ сѣвера въ еще большемъ числѣ и установили преобладаніе бѣлой расы, но не отвергли чернокожихъ браминовъ.

Арійцы и дравиды ничего общаго между собою не имѣютъ, кромѣ того, что и тѣ и другіе люди. У арійцевъ тонкій носъ, у дравидовъ широкій; станъ, ростъ, цвѣтъ кожи дѣлаютъ ихъ совершенно различными и даже прямо противоположными расами. То, что мы наблюдаемъ еще въ настоящее время, несомнѣнно, рѣзко бросалось въ глаза и 2.000 лѣтъ тому назадъ. Стоитъ лишь обратиться къ изученію памятниковъ и обратить вниманіе на то, что показываютъ установившіеся типы скульптуры.

Тѣмъ не менѣе арійцы и дравиды имѣли то общее между собою, что и тѣ и другіе съ первыхъ вѣковъ образовали ядро индусскаго населенія. Слово индусъ употребляется въ двухъ смыслахъ—этническомъ и религіозномъ. Здѣсь я беру его въ первомъ смыслѣ. Къ этимъ индусамъ (арійцамъ и дравидамъ) вполнѣдствіи постепенно примѣщивались элементы, родственные монголамъ, начиная съ сѣверо-востока и далѣе вплоть до Бенгалии: скифы, осѣвшіе въ Пенджабъ (сики), вторгавшіеся въ страну различные мусульманскіе народы—арабы, потаны, турки, персы и, наконецъ, полчища моголовъ. Первые мусульмане явились въ Индію безъ завоевательныхъ цѣлей

¹⁾ Эта борьба религій объясняетъ намъ, между прочимъ, фактъ, который иначе невозможно было бы понять. Въ Бехарѣ, колыбели Будды, встрѣчаются народы, физически ничѣмъ между собою не отличающіеся, и, однако, говорящіе на разныхъ языкахъ. Безъ сомнѣнія, причиною этого явленія служитъ борьба враждующихъ религій.

и безъ намѣренія пріобрѣсти въ ней осядлость. Вначалѣ они приходили для *raids*, для хищническихъ набѣговъ. Впослѣдствіи эти набѣги смѣнились уже болѣе серьезными планами—продолжительной оккупаціей страны, завоеваніемъ почти всей Индіи и основаніемъ династіи Моголовъ.

Могольское завоеваніе принесло свою пользу. Моголь, чтобы о немъ ни говорили, въ исторіи Индіи играетъ роль цивилизатора; но онъ не могъ взрастить тотъ цвѣтокъ цивилизаціи, который называется націей. Въ извѣстный моментъ онъ сумѣлъ пробудить солидарность среди побѣжденныхъ, но національнаго единства онъ не могъ создать. Сики, мораты, раджпуты (особенно мусульмане, предводимые намѣстниками, провозгласившими себя независимыми) встаютъ противъ него то разрозненными, то соединенными силами. Но никто изъ нихъ не поднимаетъ голоса во имя того, что въ настоящее время называется независимостью или патріотизмомъ. Ни одно изъ этихъ племенъ не составляетъ національности. Даже наиболѣе приближающіеся къ тому, что мы называемъ націей, мораты ¹⁾, были слишкомъ разрознены, слишкомъ проникнуты хищническими инстинктами, чтобы подняться до этой идеи. Такимъ образомъ, въ Индіи никогда не было единой націи; не было даже ни одной изъ тѣхъ династій, вокругъ которыхъ, какъ это не разъ случалось въ Европѣ, тѣсно спланивались разрозненные элементы, чтобы затѣмъ образовать единый и духовно солидарный народъ. И страна, и раса, и языкъ, и исторія могли создавать только пестрое разнообразіе. И если когда-нибудь изъ этой пестрой смѣси выдѣлится Индія съ единымъ народомъ, языкомъ, патріотизмомъ, то этимъ она обязана будетъ Европѣ—не голландцамъ, не португальцамъ, не французамъ, которые могли только поколебать господство моголовъ, а англичанамъ. Какъ только англичане избавились отъ своихъ европейскихъ соперниковъ, они, такъ или иначе, завоевали всю Индію; владѣютъ они ею теперь цѣликомъ, отъ юга

¹⁾ Если въ Индіи и существовали когда-нибудь элементы, напоминающіе націю, то это были мораты; къ тому же и господство ихъ, простиравшееся отъ Пуны до Гваліора, было очень обширно. Что касается сиковъ, то они представляли собою лишь полчище завоевателей, хозяйничающихъ въ странѣ. Да, собственно говоря, ч. стыхъ сиковъ и не существуютъ. Зачинается ребенокъ отъ сика, а родитъ его индуска.

до сѣвера, поставивъ ее частью подъ непосредственное свое управленіе, частью подъ свой протекторатъ; своими законами, судами, администраціей, образованіемъ они стремятся видоизмѣнить ея характеръ, сгладить ея оригинальныя черты и, такимъ образомъ, постепенно могутъ выработать цѣльный типъ, создать индійца и индійскую націю.

3) Религія.

Надо ли мнѣ говорить, что въ трудѣ, подобномъ настоящему, религія не можетъ быть разсматриваема съ философской точки зрѣнія. Лица, интересующіяся собственно исторіей религіи, развитіемъ ея догматовъ и послѣдовательною смѣною системъ, или воззрѣніями индійцевъ на происхожденіе міра и судьбы человѣка, не найдутъ здѣсь удовлетворенія своей любознательности. Индійскія религіи разсматриваются нами со стороны того вліянія, какое онѣ могутъ оказывать на политику и управленіе ¹⁾).

Приведемъ сначала нѣсколько статистическихъ данныхъ, касающихся религіозныхъ системъ. Въ настоящее время существуютъ двѣ великія религіи и около полдюжины малыхъ. Велики онѣ или малы—по числу ихъ послѣдователей. Индусская религія, частичная и не всегда вѣрная наслѣдница браминской и ведической религіи, насчитываетъ 207 милліоновъ послѣдователей, изъ которыхъ 48.500.000 живутъ въ туземныхъ государствахъ; исламъ насчитываетъ 62.500.000; изъ нихъ въ туземныхъ государствахъ 8.600.000; буддизмъ—9.500.000; анимизмъ—8.500.000, изъ которыхъ въ туземныхъ государствахъ — 2.300.000; джайнизмъ—1.300.000; парсовъ насчитывается 94.000; евреевъ — 18.000. Другія различныя религіи насчитываютъ въ общемъ 130.000 послѣдователей.

Индусовъ числится 46.700.000 въ Бенгаліи; 40.700.000 въ Соединенныхъ Провинціяхъ; 34.000.000 въ Мадрасской провинціи; 14.000.000 въ Бомбей. Въ туземныхъ государствахъ они распредѣляются такимъ образомъ: 9.800.000

¹⁾ Мы потому не будемъ упоминать о мертвыхъ религіяхъ—о религіи ведъ, браминской и т. д.; но поэтому же мы коснемся и тѣхъ религіи, значеніе которыхъ опредѣляется не историческимъ происхожденіемъ ихъ, но степенью важности ихъ современной роли.

въ Гайдерабадѣ (считающемся мусульманскимъ государствомъ); 8.000.000 въ Раджпутанѣ; 6.900.000 въ государствахъ Центральной Индіи; 5.100.000 въ Майсорѣ; 5.700.000 въ государствахъ Бомбейскаго президентства.

Число мусульманъ въ британской Индіи: 25.000.000 въ Бенгаліи; 10.800.000 въ Пенджабѣ; а вмѣстѣ съ Пограничной Провинціей, входившей въ составъ Пенджаба до 1906 г., 14.000.000; 4.500.000 въ Бомбей; 7.000.000 въ Соединенныхъ Провинціяхъ; 1.775.000 въ Ассамѣ; 2.775.000 въ Мадрасѣ. Туземныхъ мусульманъ насчитывается—2 съ лишнимъ милліона въ Кашмирѣ; 1.300.000 въ государствахъ, зависимыхъ отъ Пенджаба; 1.100.000 въ Гайдерабадѣ, во главѣ правленія которымъ стоитъ мусульманинъ; около 1 милліона въ Раджпутанѣ.

Буддисты состоятъ въ подавляющемъ большинствѣ; изъ бирмановъ—9.200.000 изъ 9.500.000.

Христиане встрѣчаются, главнымъ образомъ, въ Мадрасской провинціи; ихъ насчитывается 1 милліонъ въ президентствѣ, состоящемъ въ британскомъ управленіи, и около 1 милліона въ зависимыхъ отъ него туземныхъ государствахъ.

Сики всѣ живутъ въ Пенджабѣ; парсы—почти всѣ въ Бомбей.

Всѣ эти цифры почти точны; однако, во время переписи 1901 г. въ исчисленіи могли быть допущены ошибки, избѣжать которыхъ счетчики не всегда имѣли возможность или желаніе. Прежде всего индуизмъ это всеобщая религія, обнаруживающая тенденцію къ поглощенію религій, мало отъ нея отличающихся, какъ, напр., анимизма; и, дѣйствительно, онъ мало-по-малу перетягиваетъ къ себѣ ихъ послѣдователей, такъ что счетчикъ могъ, смотря по своимъ личнымъ симпатіямъ, преувеличивать количественный составъ той или другой изъ нихъ. Затѣмъ по причинамъ спеціального характера, которыя будутъ объяснены мною ниже, послѣдователи нѣкоторыхъ религій, рѣзко различающихся между собою, какъ, напр., буддисты (въ Индіи, но не въ Бирмѣ) и джайнисты, предпочитаютъ иногда выдавать себя за индусовъ.

Индусовъ ¹⁾ теперь меньше, чѣмъ въ 1891 г. Но индуизмъ не принадлежитъ къ числу вымирающихъ религій.

¹⁾ Напоминаю, что слово индусъ обозначаетъ не жителя Индіи индїица, а челоѣка индуской расы и индуской религіи.

Голодь 1896—1901 г. вырвалъ изъ среди индусскаго населенія огромное число жертвъ. Къ этому надо прибавить, что, благодаря нѣкоторымъ изъ своихъ обычаевъ (слишкомъ раннiе браки, нерѣдко ведущiе къ бесплодiю женщинъ, и запрещенiе вдовамъ вторичнаго замужества), индуизмъ самъ препятствуетъ быстрому размноженiю своихъ послѣдователей. Но это не мѣшаетъ его господствующему преобладанiю въ Индiи, гдѣ на 10 жителей ея приходится 7 индусовъ. Въ Ориссѣ, Майсурѣ, Мадрасѣ они составляютъ $\frac{9}{10}$ населенiя и $\frac{8}{9}$ въ Бомбей (за исключенiемъ Синда), въ Центральныхъ Провинцiяхъ, въ Раджпутанѣ, въ государствахъ Центральной Индiи и въ Бенхарѣ (Бенгалия). Единственные пункты, гдѣ они оказываются въ меньшинствѣ — это сѣверъ и востокъ Индiи. Здѣсь послѣдователи индуизма встрѣчаютъ соперниковъ въ лицѣ послѣдователей ислама, нѣкоторыхъ первобытныхъ религiй и, наконецъ, буддизма. Но даже и здѣсь (я не говорю о сѣверѣ) не далеко часть его побѣды.

Индуизмъ находится въ процессѣ безпрерывнаго распространенiя. Захватывая въ сферу своего влiянiя все болѣе и болѣе широкую область, эта религiя, обладающая изумительной эластичностью, хотя и дѣлится на разные могущественныя секты, тѣмъ не менѣе сохраняетъ полное единство. Мало того, искажая догмы другихъ религiй, она затѣмъ сама усваиваетъ ихъ. Развѣ во время конгресса восточныхъ религiй въ Токио мы не видѣли попытки доказать, что, напр., индуизмъ и буддизмъ вполне тождественны, и что дуализмъ ихъ есть лишь результатъ иноземныхъ влiанiй? Индуизмъ лишенъ всякой оригинальности. Представляя собою одну изъ разновидностей необраманизма, онъ состоитъ изъ измѣнчивой совокупности вѣрованiй, мнѣнiй, обычаевъ, обрядовъ, религiозныхъ и социальныхъ идей, не имѣющихъ точно обозначеннаго исходнаго пункта, не отдѣленныхъ никакой разграничительной чертой отъ прошлаго. Вульгарно говоря, можно сказать, что индуизмъ лишь повторяетъ чужое. Онъ проповѣдуетъ старыя истины, ставшия извѣстными уже за тридцать вѣковъ до него; въ свое время онѣ были забыты, потомъ воскресли вновь, чтобы позднѣе уступить мѣсто другимъ, а затѣмъ снова появиться. Онъ не обладаетъ тѣмъ яснымъ *credo*, которое создаетъ непроходимый барьеръ между соперничающими религiями. Его догматы, если у него таковыя существуютъ, это — обожествленiе

Кришны, признаніе Багавадь-Гита 1) священною книгою, святость коровы и уваженіе къ животной жизни. Исполненіе религиозныхъ обязанностей сводится къ культу предковъ и къ паломничествамъ 2); его внутренняя организація основана на кастахъ, изъ которыхъ главная — каста браминовъ. Ни одна изъ этихъ особенностей никого не можетъ отпугнуть отъ индуизма. Браминъ обыкновенно легко идетъ на сдѣлки и компромиссы; уваженіе къ жизни животныхъ — обычай, господствующій въ большей части Азии; организація кастъ можетъ способствовать общественному прогрессу индивидуума; наконецъ, культъ предковъ — институтъ, общій многимъ религіямъ 3).

Культъ предковъ, какъ институтъ, легче усваиваемый, принимается огромнымъ большинствомъ людей, называющихъ себя индусами. Онъ оказываетъ на нихъ чрезвычайно сильное вліяніе. Индуизмъ, какъ это обнаруживается на каждомъ шагу, есть религія по преимуществу общественная. Культъ предковъ составляетъ ея богослужебную часть, священную и наиболѣе строго исполняемую; покаяніемъ можно искупить вину въ нарушеніи общественныхъ требованій индуизма; но нельзя имъ искупить нарушеніе культа предковъ. Предокъ, столь строго чтимый, это, — обыкновенно наиболѣе близкій, позднѣе другихъ скончавшійся, — отецъ; къ нему присоединяютъ еще дѣда и всѣхъ тѣхъ предковъ, которыхъ наслѣдникъ знаетъ при жизни. И именно, какъ на наслѣдникѣ, лежитъ на немъ обязанность почитанія своихъ предковъ. Этотъ культъ служитъ вмѣстѣ съ тѣмъ и фундаментомъ наслѣдственного преемства. Умиравшій не можетъ закончить свое земное существованіе иначе, какъ оставивъ послѣ себя потомка мужского пола, который будетъ чтить его память. Если у него нѣтъ кровнаго потомка, онъ пріобрѣтаетъ его путемъ усыновленія. Онъ оставляетъ ему свое имущество,

1) См. прим. А, стр. 86.

2) См. прим. В, стр. 84.

3) Этотъ институтъ весьма древняго происхожденія. Метафизическая часть религіи, покоящаяся на идѣ бессмертія души, прошла, по мнѣнію Сомнера Мэна, черезъ три стадіи развитія. Первая стадія — культъ предковъ; предки остаются среди сомы, ихъ духъ возвращается, чтобы жить среди своего племени. Вторая — существованіе ряда послѣдовательныхъ чистилищъ, черезъ которыя души предковъ должны пройти для искупленія своихъ земныхъ грѣховъ. Третья — тоже въ видѣ искупленія, переселенія душъ въ опредѣленные тѣла животныхъ.

по подъ условіемъ почитанія его памяти. Между умирающимъ и его потомкомъ заключается какъ бы договоръ. Нарушеніе послѣдняго навлекаетъ на виновнаго проклятіе не только со стороны покойника, но и живыхъ людей и подлежить даже судебному преслѣдованію ¹⁾. Раздѣлъ наслѣдства между наслѣдниками поровну не признается ни законнымъ, ни справедливымъ, если наслѣдники не чтятъ одинаково память умершаго. Культъ предковъ сопряженъ съ громадными расходами. Въ Китаѣ, гдѣ онъ также процвѣтаетъ, на празднества, устраиваемыя въ честь мертвыхъ трижды въ годъ, во всей странѣ расходуютъ въ общемъ до 150 милліоновъ долларовъ. Культъ предковъ въ Индіи — институтъ всеобщій и для всѣхъ обязательный; онъ служитъ однимъ изъ основныхъ устоевъ индуизма.

Другимъ устоемъ можно было бы признать вѣру въ святость коровы; эта вѣра есть лишь крайне преувеличенное выраженіе общаго чувства уваженія къ животнымъ. Такое отношеніе къ животнымъ также является общераспространеннымъ въ извѣстной части Азіи. Оно признано и обязательно въ буддизмѣ, какъ и въ индуизмѣ. Источникъ его, вѣроятно, кроется въ вѣрованіи въ переселеніе душъ, а также въ томъ, что нѣкоторые изъ чтимыхъ боговъ — Гапуманъ, богъ-обезьяна, Ганешъ, богъ-слонъ и проч. — воплощены въ животныхъ образахъ. Оно — и это важно замѣтить — не предполагаетъ уваженія къ человѣческой жизни, ни обязанности гуманнаго обращенія съ животными. Оно воспрещаетъ только умерщвленіе ихъ. Поскольку оно примѣняется къ коровѣ, оно влечетъ за собою крупныя политическія и соціальныя послѣдствія. Я не говорю о знаменитомъ возстаніи 1857 г., гдѣ культъ коровы былъ лишь простымъ предлогомъ, за которымъ скрывались давнишнія многочисленныя и основательныя жалобы. Едва ли правы тѣ, которые полагаютъ, что англичане на тысячелѣтіе укрѣпили бы свое господство, если бы въ 1850-хъ г. вѣшали за убійство коровы. Нельзя, однако, отрицать, что и теперь убій скота и питаніе мясомъ его англійской арміи вызываетъ среди индусовъ негодованіе, — безразлично, откуда бы ни привозился скотъ и гдѣ бы ни происходилъ его убій. Недавно солдаты транспортной службы, по дорогѣ изъ Симлы, устроили нѣчто въ родѣ бунта,

¹⁾ Ср. въ римскомъ правѣ — *actio familiae erciscundae*.

когда ихъ заставили перевозить мясные консервы, прибывшіе изъ Австраліи. Въ княжествѣ Гондаль, въ 1872 г. и затѣмъ въ 1903 г., индусы хотѣли воспретить своимъ мусульманскимъ соотечественникамъ потребление мяса, которое тѣ безпрепятственно употребляли въ пищу болѣе ста лѣтъ. На сѣверѣ Индіи, недалеко отъ Машобры, рая племени Кота, продавая землю одному очень извѣстному англичанину, сэру Эд. Баку, поставилъ ему условіемъ не устраивать на ней скотобойни. Въ Сямлѣ, при поселеніи въ ней англичанъ, нельзя было убить ни быка, ни коровы; только въ 1840 г. дано было разрѣшеніе на убой скота, но и то подл условіемъ, не производить убоя днемъ. Нѣсколько времени тому назадъ, лагерскій ветеринарный колледжъ разрѣшилъ и даже предписывалъ для успѣшности занятій производить анатомическія изслѣдованія надъ трупами животныхъ—коровъ, свиней. Эти практическія занятія по анатоміи вызвали бурю негодованія въ индусской прессѣ Бенгаліи.

Какъ я уже сказалъ, съ коровы это чувство уваженія переносится на весь животный міръ; рядъ примѣровъ этому даетъ жизнь Будды. Въ Бирмѣ мать, снимающая съ своего ребенка скорпіона, грозившаго ему смертью, сбрасываетъ его только на землю, но не убиваетъ. Когда рѣчки выступаютъ изъ береговъ и затѣмъ снова входятъ въ свои русла, то рыба, оставшаяся на сушѣ, собирается въ кувшины и выбрасывается обратно въ воду. Лѣтъ 16 тому назадъ (въ 1896 г.), во время чумы, свирѣпствовавшей по всей Индіи и распространявшейся, какъ утверждали, крысами, муниципальный комитетъ Амритсара, въ заботѣ о сохраненіи жизни крысъ, предлагалъ вознагражденіе (0,0125 фр.) за каждую доставленную живую крысу; этихъ крысъ предполагали помѣстить въ загороженное мѣсто и затѣмъ, послѣ прекращенія чумы, выпустить на волю. Индія кишитъ всевозможными птицами; и, хотя онѣ причиняютъ страшныя опустошенія на поляхъ, никто ихъ не убиваетъ, кромѣ бродягъ и европейцевъ; мѣстные же жители позволяютъ себѣ только прогонять ихъ крикомъ. Вороны дѣлаютъ жизнь въ городахъ совершенно невыносимой. Одинъ виноторговецъ, котораго онѣ обокрали начисто, поймалъ ворону въ западно и цѣлый день держалъ ее въ плѣну; но наступилъ вечеръ, и онъ отпустилъ ее на свободу. Бомбейское общество выразило протестъ губернатору по поводу украшенія перьями дамскихъ

шлягъ. Въ Бирмѣ собаки, которыхъ буддизмъ защищаетъ съ момента ихъ рожденія, въ какомъ бы количествѣ онѣ ни появились на свѣтъ Божій, бродятъ по всей странѣ огромными стаями безъ присмотра, безъ убѣжища. Это—*ragiah dogs* (собаки-парии), которыхъ *phonguees* (монахи) кормятъ собираемымъ ими подаяніемъ. Поэтому и животныя относятся къ людямъ съ трогательнымъ довѣріемъ. Бѣлкѣ, шерстью которой можно было бы воспользоваться для мѣховой одежды, нечего бояться, и она дѣйствительно ничего не боится. Собака, лежащая на дорогѣ и грѣющаяся на солнцѣ, почти отказывается подниматься, чтобы пропустить карету. Ястребъ въ Бомбей, павлинъ въ Соединенныхъ Провинціяхъ, обезьяна вездѣ и особенно въ Хердуарѣ подпускаютъ къ себѣ людей на разстояніе выстрѣла. Ружьемъ туземецъ совсѣмъ не пользуется. Охота плохо мирится съ религіей. Будда сказалъ: мы должны имѣть состраданіе прежде всего къ животнымъ, а потомъ къ рыбакамъ и охотникамъ. И еще сказалъ онъ: каждый можетъ отнять жизнь, но одинъ только можетъ ее дать.

Послѣ этихъ двухъ главныхъ членовъ вѣры—культъ предковъ и уваженія къ жизни животныхъ, слѣдующимъ, самымъ важнымъ въ жизни индуса, является почитаніе священника, признанное превосходство брамина. Индуизмъ является какъ бы священствомъ. Его можно называть также браманизмомъ. Въ каждой индусской семьѣ священникъ, браминъ, руководитъ всѣми актами въ жизни ея членовъ, всею жизнью каждаго изъ нихъ отъ рожденія его до смерти: бракъ, постройка дома, путешествіе, болѣзнь, жатва, накопецъ, трапеза, для которой должна быть обезпечена чистота блюдъ и напитковъ—все это является поводомъ для вмѣшательства брамина. Замѣтимъ, однако, что вмѣшательство его въ этихъ случаяхъ не носитъ религіознаго характера. Браминъ чуждъ претензіи христіанскаго священника на роль посредника между человѣкомъ и богомъ. Онъ не беретъ на себя и роли воспитателя. Онъ просто знающій человѣкъ. Онъ знаетъ языкъ ведъ, неизвѣстный простонародью. Онъ знакомъ со священными текстами и понимаетъ ихъ смыслъ (это напоминаетъ о значеніи закопа въ древнемъ Римѣ). Обладая знаніемъ, онъ предлагаетъ его къ услугамъ другихъ (за плату деньгами или натурой). Важнѣйшая функція брамина состоитъ въ засвидѣтельствованіи чистоты пищи. Онъ бдительно наблюдаетъ за этимъ; онъ оберегаетъ васъ отъ оскверне-

нiя; оберегая васъ отъ этого, онъ тѣмъ самымъ оберегаетъ васъ и отъ потери вашего общественнаго положенiя. При кастовой системѣ это имѣетъ столь огромную важность, что все признаютъ для себя обязательнымъ почтительное отношенiе къ брамину и считаютъ необходимымъ вознаграждать его деньгами, призывать его во всехъ важнѣйшихъ случаяхъ жизни и этимъ путемъ гарантировать себя отъ оскверненiя нечистымъ. Поступать такимъ образомъ значитъ—быть настоящимъ индусомъ.

Индуизмъ—идеаль религiи, представляющей собой сплошную цѣпь обрядовъ. Это культъ и церемонiаль. Обрядность сама по себѣ составляетъ силу, и цѣнно уже одно точное выполненiе обрядовъ. Душевное настроенiе вѣрующаго не важно. Нѣтъ надобности, чтобы онъ дѣйствительно вѣрилъ въ боговъ и въ догмы. Достаточно, чтобы онъ вышнимъ образомъ велъ себя, какъ вѣрующiй. Безъ этого онъ рискуетъ быть извергнутымъ изъ своей касты ¹⁾. Это—санкцiя не религiознаго, но общественнаго порядка.

Индуизмъ, какъ социальная система, имѣетъ огромное влiянiе. Иное населенiе, буддiйское по религiи (напримѣръ, племя Лахули на сѣверѣ)—по вышней обрядности приналежитъ индуизму. То же самое наблюдается на югѣ Индiи, гдѣ живетъ христіанское племя Веллала, придерживающееся, однако, кастовой системы.

Отсюда понятно, почему мы выше назвали индуизмъ религiей, обнаруживающей тенденцiю къ поглощенiю другихъ религiи. Мало-по-малу онъ наводняетъ и завоевываетъ почти всю не-арiйскую Индiю. Завоевываетъ не только сознательнымъ обращенiемъ народовъ въ индусскую религiю, но и благодаря ихъ честолюбивому стремленiю достигнуть высшихъ ступеней общественной iерархiи, путемъ исполненiя общественныхъ предписанiй индуизма. На это могутъ возразить, что индусомъ не дѣлаются, а рождаются. Это, разумѣется, вѣрно. Въ Европѣ также дворяниномъ рождаются, а не дѣлаются, но (опуская случаи возведенiя въ дворянское достоинство властью монарха) дворяниномъ можно и сдѣлаться съ помощью ловкой узурпацiи. Индiецъ, отъ рожденiя чуждый индуизму, можетъ стать индусомъ. Объ этомъ подробно мы будемъ говорить, когда поведемъ рѣчь о кастахъ.

¹⁾ Бываетъ, однако, и такъ, что человекъ сохраняетъ за собою свое мѣсто въ кастѣ, отвергая ея религiозныя предписанiя: въ Кьянарѣ на югѣ существуютъ брамины-христіане.

Индусскій пантеонъ принимаетъ къ себѣ боговъ обращенныхъ, и потому онъ населенъ чрезвычайно густо. Кромѣ того, индуизмъ понимается двояко. Для немногихъ избранныхъ онъ представляется системой пантеизма. „Для толпы онъ представляетъ странную и пеструю смѣсь суевѣрій, боговъ, демоновъ, призраковъ, сомнительныхъ святыхъ, полубоговъ, домашнихъ боговъ, племенныхъ боговъ, мѣстныхъ боговъ, всемірныхъ боговъ, нелѣпыхъ, свирѣпыхъ, фантастическихъ, забавныхъ, прекрасныхъ, гуманныхъ, кроткихъ, жестокихъ, содрогающихся при зрѣлищѣ смерти насѣкомаго и прославляемыхъ животными и человѣческими жертвоприношеніями“ 1). Замѣчательная религія, поражающая и разнообразіемъ своего содержанія, заимствуемаго изъ самыхъ разнородныхъ источниковъ, и способностью къ непрерывному пополненію своего запаса догмъ, вѣрованій, обрядовъ, почерпаемыхъ изъ самыхъ глубокихъ безднъ и съ самыхъ высокихъ вершинъ.

Самое созданіе боговъ не есть дѣло историческаго прошлаго; это постоянный и длящийся процессъ. Святые, творцы чудесъ, возбуждавшіе при жизни своей недовѣріе и даже насмѣшки, послѣ смерти возводятся въ рангъ боговъ. Люди, которыхъ многіе знали при жизни и были очевидцами ихъ земной жизни, нынѣ почитаются въ качествѣ боговъ въ цѣломъ рядѣ мѣстностей Индіи.

Относительно способовъ, съ помощью которыхъ нѣкогда творили боговъ, существуютъ двѣ теоріи. Древніе арійцы одаряли силы или явленія природы способностью къ дѣйствию и именемъ. Свѣтъ, напимѣръ, борется съ тьмой; свѣтъ будетъ одно божество, тьма—другое. Точно такъ же относятся и къ другимъ силамъ или явленіямъ природы—къ вѣтру, молніи и т. д. Изъ нихъ дѣлали боговъ. Затѣмъ этихъ боговъ воплощали въ образы людей, которыхъ заставляли жить на землѣ, въ извѣстныхъ и опредѣленныхъ мѣстахъ, описывали ихъ жизнь и проч.; а когда они умирали, то ихъ возводили въ боговъ. Другая теорія творенія боговъ, называемая эвемеризмомъ, представляетъ дѣло въ слѣдующемъ видѣ: какой-нибудь извѣстный человѣкъ, жившій въ извѣстномъ мѣстѣ, прославился высокими подвигами; изъ устъ въ уста идетъ о нихъ молва въ народѣ; они становятся предметомъ легенды, преувеличиваются, приукрашиваются до такой степени, что ста-

1) Сэръ Альфредъ Лайаль, *Asiatic Studies*.

новятся не по силамъ обыкновенному смертному. Тогда ихъ приписываютъ богу, и этому богу даютъ имя одной изъ силъ природы.

Самые крупныя боги, боги національныя, въ глазахъ народа не самыя вліятельныя. Национальный индуизмъ извлекъ своихъ боговъ изъ санскритской литературы; герои своихъ эпопей онъ превратилъ въ боговъ, изъ которыхъ нынѣ почитаются во всей Индіи; таковы: Вишну, Сива, Кришна, Рама и др. Нѣтъ крестьянина, который не зналъ бы ихъ именъ. Но въ моменты бѣдствій или благочестиваго настроенія не ихъ призываетъ онъ; не къ нимъ онъ обращается со своими ежедневными заботами. Онъ идетъ къ богамъ, болѣе близкимъ къ нему, къ мѣстному фетишу, живущему на сосѣднемъ холмѣ, въ сосѣдней деревнѣ, въ рощѣ. Нельзя себѣ и представить, какую огромную роль въ его жизни играютъ эти мѣстные боги. Онъ питаетъ къ нимъ страхъ и старается ихъ умилостивить. Онъ приноситъ имъ жертвы, а если они того потребуютъ, то и человѣческія жертвы. И чѣмъ слабѣе чувствуютъ себя племя или раса, тѣмъ болѣе боятся они своихъ боговъ, тѣмъ болѣе кровожадными представляются они имъ. Вся надежда ихъ въ томъ, что эти боги, будучи людьми, сами подвержены страстямъ и слабостямъ человѣческимъ. Можно надѣяться обойти ихъ то лестью, то обманомъ.

Къ несчастью, не одни только боги внушаютъ страхъ. Этотъ страхъ поддерживается въ человѣкѣ безчисленной массой предразсудковъ. Страшны и животныя и даже предметы неодушевленные: боги-змѣи, черныя, зеленныя, сѣрыя всюду бродятъ, грозятъ, тревожатъ; тысячи неодушевленныхъ предметовъ обладаютъ дурнымъ глазомъ; есть дни счастливыя и особенно несчастныя; на примѣръ, суббота и воскресенье. И этотъ страхъ, питаемый людьми къ живымъ существамъ и бездушнымъ предметамъ, даетъ начало новой религіи—анимизму. Анимизмъ, повидимому, имѣетъ двѣ формы: одна изъ нихъ—это вѣра въ духовъ, населяющихъ воздушное пространство и землю; ихъ можно вызывать и они появляются или добровольно или вынужденныя къ тому обращеннымъ къ нимъ призывомъ; это—спиритизмъ. Другая форма—это вѣра въ духовъ, временно или постоянно живущихъ внутри тѣлъ одушевленныхъ или неодушевленныхъ; это—фетишизмъ.

На ряду съ этой двойкой формой анимизма среди простонародья распространена еще третья форма, кото-

рую также именуютъ анимизмомъ, но которую слѣдовало бы назвать динамизмомъ—вѣрой въ простыя силы, внушающія то страхъ, то любовь. Въ общемъ, эти формы анимизма, по словамъ одного официального документа, сводятся къ вѣрѣ въ существованіе мало извѣстной толпы дѣятельныхъ духовъ, окружающихъ человѣка; одни изъ нихъ живутъ въ скалахъ, въ водныхъ потокахъ, въ огнѣ, въ деревьяхъ, въ дикихъ животныхъ; другіе—неизвѣстно гдѣ, вездѣ и нигдѣ; эти послѣдніе признаются по преимуществу силами зла. Ихъ необходимо умиловать дарами и выполненіемъ разныхъ обрядовъ, въ которыхъ магія играетъ важную роль. Число анимистовъ опредѣляется въ 8.500.000. Цифра слишкомъ незначительная. Съ тѣхъ поръ, какъ ортодоксальный индуизмъ призналъ анимизмъ; съ тѣхъ поръ, какъ браминъ принялъ на себя роль его истолкователя и согласовываетъ его со своими догмами, анимизмъ привлекаетъ къ себѣ много новыхъ послѣдователей, то явныхъ, то тайныхъ, и этихъ новыхъ прозелитовъ приходится насчитывать не милліонами, а десятками милліоновъ. Но народная перепись не произвела этого учета. Одна изъ причинъ этого пробѣла состоитъ въ томъ, что анимистъ стыдливо скрываетъ свои вѣрованія, а въ обществѣ открыто афишируетъ свою принадлежность къ чистому индуизму.

И въ то же время анимизмъ встрѣчается не только среди индусовъ. Онъ также сильно распространенъ среди буддистовъ. Буддизмъ—доктрина слишкомъ возвышенная, слишкомъ чистая и въ то же время слишкомъ мало приспособленная къ дѣйствительнымъ требованіямъ жизни съ ея непрерывной борьбой. Велѣдствіе этого бирманецъ принимаетъ обѣ религіи—одну для внѣшняго декорума, другую для повседневнаго практическаго употребленія, т.-е. и буддизмъ и анимизмъ.

Но какъ бы тамъ ни было, по официальной статистикѣ, анимистовъ насчитывается 8.500.000. Цитадель анимизма находится въ Ассамѣ, гдѣ онъ имѣетъ 1 милліонъ послѣдователей, шестую часть населенія. Но по количеству послѣдователей анимизма впереди Ассамы стоитъ Бенгалія съ 3.000.000 анимистовъ, затѣмъ идутъ Центральныя Провинціи съ 1.800.000; затѣмъ уже идетъ Ассамъ; далѣе слѣдуютъ государства центральной Индіи съ 900.000 и, наконецъ, Мадрасъ съ 650.000 анимистовъ.

Духи и культъ духовъ (*nats* и *nats worship*)

ложатся тяжелымъ бременемъ на жизнь и на бюджетъ индійскаго населенія. Анимизмъ породилъ толпу эксплуататоровъ, играющихъ на чувствѣ страха его послѣдователей; это—астрологи. Собирается ли индеецъ пахать, купить домашнее животное, угадать день, счастливый для его начинанія,—во всѣхъ этихъ случаяхъ онъ обращается къ астрологу, который дастъ ему совѣтъ и взимаетъ за это мзду. Пройдитесь по горамъ Кашмира, напр., и справьтесь у хорошо освѣдомленныхъ людей, во что обходится крестьянину его вѣра въ духовъ, и вы услышите, что на худой конецъ она стоитъ ему нѣсколько рупій. Не будемъ слишкомъ смѣяться надъ ихъ легковѣріемъ. Всѣ религіи знаютъ духовъ, завѣщанныхъ временами, когда люди еще не имѣли представленія о единомъ Богѣ. Всѣ религіи начинались съ обоготворенія силъ природы. Индусъ, поклоняющійся Магадео подъ видомъ фаллическихъ символовъ Лингама и Иони, сильно походить на Давида, танцующаго передъ кивотомъ завѣта. Затѣмъ наступаетъ эпоха критики и разума. Догма очищается и поднимается въ одномъ мѣстѣ до буддизма, до той возвышенной и чистой морали, которая такъ невыгодна для ея адептовъ въ суетлокѣ жизненной борьбы; въ другомъ мѣстѣ она приводитъ къ пантеизму или поглощенію чловѣка и природы Богомъ.

Если бы въ настоящее время можно было проникнуть въ среду наиболѣе культурныхъ индійцевъ (численно еще слишкомъ незначительныхъ), то мы убѣдились бы, что въ ней господствуетъ глубокой скептицизмъ, напоминающій собою вольтеріанство. Современный индусъ—студентъ, только-что покинувшій университетскую скамью, мало вѣритъ въ Бога и въ актъ творенія и совсѣмъ не вѣритъ ни въ воплощеніе, ни въ откровеніе. Онъ питаетъ отвращеніе къ священнику; онъ ненавидитъ священническую религію, въ которую превратился индуизмъ. Въ сущности говоря, у него нѣтъ религіозныхъ потребностей; для него религія есть дѣло патріотизма, а не вѣры. И дѣйствительно, существуетъ партія націоналистовъ, для которой все, что напоминаетъ старую Индію, священно. Индуизмъ со своими различными воплощеніями Вишну восходитъ къ отдаленной древности; поэтому онъ и есть та религія, въ которую слѣдуетъ вѣрить или которой, по крайней мѣрѣ, слѣдуетъ держаться.

Этотъ новый подъемъ религіознаго чувства совпаль-

съ возрожденіемъ изученія санскритской литературы; оно вызвало широкое увлеченіе древними литературными памятниками, экзальтированное преклоненіе передъ ведами, преклоненіе передъ величіемъ арійцевъ и древней Индіи; преклоненіе передъ Максомъ Мюллеромъ, знаменитымъ scholar (ученымъ), которому міръ обязанъ многими блестящими открытіями. Но въ то же время эти изслѣдованія санскрита, именно благодаря своей глубинѣ, сдѣлали неприемлемымъ для наиболѣе просвѣщенныхъ обыденный индуизмъ съ его мѣстными идолопоклонническими обычаями.

Но одного отрицанія недостаточно. Индуизмъ въ просвѣщенныхъ кругахъ утрачиваетъ свой кредитъ, но чѣмъ замѣнить его? Христіанствомъ? Мысль объ этомъ возникала; иные прямо подсказывали ее: „Библію и мораль Иисуса—вотъ, что слѣдовало бы сдѣлать предметомъ изученія. Кого можно было бы сравнить съ Иисусомъ? Среди индусовъ только одного—нашего Раму, Райю Раму Чундру, если бы его исторія заключала въ себѣ что-либо вѣроятное. Лучше было бы остановиться на Библии“. Этимъ совѣтамъ не послѣдовали; да имъ и не могли слѣдовать. Новая Индія могла принять лишь національную религію. Ее стали искать въ родной обстановкѣ. Эти исканія вызвали цѣлый рядъ религіозныхъ движеній, въ высокой степени интересныхъ, но до сихъ поръ не оказавшихъ никакого вліянія на массу.

Все это привело прежде всего къ основанію различныхъ индусскихъ обществъ. Таковы—Брамо-Самай и Арія-Самай, преслѣдующія скорѣе моральныя, нежели религіозныя цѣли; о нихъ я буду говорить въ связи съ вопросомъ о социальной реформѣ. Эти общества являются какъ бы попыткой къ установленію морали безъ точно опредѣленнаго Бога; они представляютъ собой какъ бы промежуточный этапъ на пути отъ индуизма къ христіанству, исповѣданіе, объединившее и Иисуса, и Магомета, и разныхъ индусскихъ пророковъ. Въ общемъ съ религіозной точки зрѣнія—это ничто; это признакъ полной безрелигіозности переживаемаго времени.

Позднѣйшее движеніе шло подъ знаменемъ теософіи съ Анни Безантъ во главѣ. Это—доктрина, какъ бы специально созданная для привлеченія симпатіи индусовъ, такъ какъ она покоится на безграничномъ преклоненіи передъ древними священными книгами и старается оправ-

дать даже все смѣшное, измененное, непристойное. Пѣ-которые нелѣпные обряды она снисходительно истолковываетъ, какъ символы, подъ которыми скрываются неопѣ-нимыя сокровища истины. Подобная доктрина льститъ тщеславію индуизма, гордаго своею сѣдою древностью. Но какъ социальная реформа, теософія обращается къ образованнымъ кругамъ и не затрагиваетъ массы. Послѣдняя, подъ какою бы внѣшностью она ни выступала, не имѣетъ религіи. Индуизмъ, какими бы именами его ни называли, для массы лишь грубое язычество; онъ неспособенъ облагородить ее, служить ей путевожнымъ маякомъ. Избранное меньшинство, численно очень ничтожное, замкнулось въ метафизическихъ доктринахъ, о которыхъ мы можемъ составить себѣ представленіе изъ анализа Багавадъ-Гита ¹⁾; онъ приводятъ къ пантеизму.

Но индійскій пантеизмъ ничего общаго не имѣетъ съ пантеизмомъ, какъ философскимъ теченіемъ, распространившимся въ извѣстной части философствующей Европы въ теченіе XIX вѣка. Онъ опирается на ученіе Багавадъ-Гита. Человѣкъ долженъ освободиться отъ самого себя, чтобы подняться до первичной субстанціи, до міровой души, до первичнаго *Атманъ*. Что такое *Атманъ*? Это основное начало жизни, заложенное въ человѣкѣ. *Атманъ* это начало, оживотворяющее природу. Въ человѣкѣ онъ представляетъ собою дыханіе (*рѣгапа*); въ природѣ—воздухъ, эфиръ. По другой теоріи, *Атманъ* это—гомукулъ, который, страствуя по артеріямъ, останавливается въ зрачкѣ глаза. *Атманъ* природы это—солнце. Наконецъ, это — мы сами. Когда человѣкъ освободился отъ суетности, тщеславія, честолюбія, желанія, тогда въ немъ остается *Атманъ*. При такомъ пониманіи, *Атманъ* есть Богъ, стоящій на границѣ внѣшняго міра и внутренней человѣческой совѣсти. И этотъ Богъ — мы сами, вся вселенная; въ немъ уничтожаясь, закончимъ мы свое существованіе, когда, пройдя черезъ тысячи существованій, мы, наконецъ, завоемъ себѣ право на небытіе. Это—*Нирвана*, *Небанъ* бирманца. Таковъ индусскій пантеизмъ.

Теперь мы видимъ, въ чемъ его отличіе отъ пантеизма европейскаго. Послѣдній творитъ своего Бога. Человѣкъ есть исходное самодовлѣющее начало; онъ самъ раздви-

¹⁾ См. прим. А, стр. 86.

гасть границы своихъ желаній и своего сознанія; онъ одушевляетъ вселенную и въ извѣстный моментъ соединяетъ міръ и самого себя въ постигаемомъ имъ Богѣ. Это—пантеизмъ дѣйственный. Пантеизмъ индусскій возвращается въ Бога. Человѣкъ рождается изъ сновидѣнія, грезы, мечты; онъ соглашается жить; переходить черезъ тысячи существованій; заслуживаетъ награды, поднимаясь все выше по іерархической лѣстницѣ заслуженныхъ. Онъ послѣдовательно проходитъ свой путь, задерживаясь и отдыхая на райскихъ этапахъ, и послѣ борьбы, наконецъ, навсегда возвращается въ первичную субстанцію, въ небытіе, приходитъ къ предѣлу своихъ испытаній, къ высшей наградѣ. Онъ растворяется во вселенной, въ Богѣ. Это—пантеизмъ усталости, жажды вѣчнаго покоя.

Таково ученіе индуизма: суевѣріе въ умахъ массы, метафизическая философія въ умахъ избранныхъ. Принимаемое слѣпо, безъ всякой провѣрки, это ученіе способно было бы только воспитать массу въ духѣ безпредѣльной покорности власти, а избранное меньшинство лишить всякой дѣйственной энергіи. Но если философы создаютъ системы, то отъ народовъ зависитъ признать или отвергнуть ихъ. Не разъ народы отворачивались отъ ученій, которыя хотѣли навязать имъ; и успѣхи ихъ, по крайней мѣрѣ въ Азіи, измѣряются той энергіей, съ которой они стремились освободить себя отъ ученій, парализующихъ дѣйствіе и борьбу.

Но какъ бы то ни было, индуизмъ господствуетъ надъ душами 207 милліоновъ обитателей Индіи. Поэтому можно себѣ представить, какое могучее вліяніе оказываетъ онъ на мысль и дѣйствіе, на политику и методы управленія англійскихъ завоевателей.

Исламъ,—я, конечно, не думаю здѣсь излагать сущность религіи, столь хорошо извѣстной внѣ Индіи,—исламъ насчитываетъ 62 милліона послѣдователей. Число ихъ въ промежутокъ времени отъ 1891 до 1901 г. возрасло на 9⁰/. Причины этого возрастанія въ такой именно періодъ времени, когда наблюдалось уменьшеніе числа послѣдователей индуизма, хорошо извѣстны. Области господства ислама избѣгли опустошительнаго дѣйствія голода. Мусульмане выдаютъ замужъ своихъ дочерей позднѣе, разрѣшаютъ вдовамъ новое вступленіе въ бракъ, имѣютъ болѣе здоровое питаніе, такъ какъ у нихъ не воспре-

щается потребление мяса. Все эти обстоятельства обуславливают большую рождаемость среди мусульманъ, чѣмъ среди индусовъ. Наконецъ, въ то время какъ индуизмъ теряетъ своихъ послѣдователей подъ вліяніемъ проповѣди христіанскихъ миссіонеровъ, исламъ не терпитъ никакого ущерба отъ христіанской пропаганды и обращеній въ христіанство; даже, наоборотъ, онъ самъ привлекаетъ къ себѣ новыхъ прозелитовъ.

Эти 62 милліона мусульманъ встрѣчаются повсюду на сѣверѣ и востокѣ: 25.255.000 въ старой провинціи Бенгаліи (32°/о всего населенія), особенно въ восточныхъ округахъ; 12 милліоновъ въ Пенджабѣ (53°/о); 2.500.000 въ сѣверо-западной пограничной провинціи (индусовъ здѣсь всего только 134.000); 2.150.000 въ Кашмирѣ (70°/о); 1.580.000 въ Ассамѣ (26°/о); 3.760.000 въ Бомбей (18°/о), гдѣ они почти цѣлкомъ сосредоточены въ Синдѣ; 6.730.000 въ Соединенныхъ Провинціяхъ (14°/о). Въ южную и юго-западную Индію мусульманское завоеваніе не проникло особенно глубоко—2.775.000 въ Мадрасѣ и нѣсколько болѣе 1 милліона въ Гайдерабадѣ. Наибольшее численное преобладаніе мусульманскаго населенія наблюдается въ Синдѣ, Пенджабѣ, Пограничной Провинціи—на большихъ путяхъ могольскихъ и афганскихъ нашествій и въ восточной части Бенгаліи, гдѣ имъ удавалось легко и въ большомъ числѣ обращать въ исламъ различныхъ народности, которыя въ моментъ мусульманскаго завоеванія еще не подпали подъ вліяніе индуизма 1).

Такимъ образомъ, значительная часть современныхъ мусульманъ—по происхожденію туземцы; предки ихъ были скорѣе отторгнуты отъ своихъ первоначальныхъ вѣрованій силою или требованіями практическаго интереса, чѣмъ сами отказывались отъ нихъ по одному только свободному убѣжденію. Поэтому ихъ религіозная вѣра лишена воодушевленія 2). Мусульмане по имени, они во многихъ отно-

1) Сборникъ *Oupanisads*, поученій, содержитъ въ себѣ одно подъ названіемъ *Allah Oupanisad*, предназначенное къ облегченію задачи, поставленной себѣ великимъ Акбаромъ,—основанія всемірной религіи и, какъ перваго шага къ этому, обращенія индусовъ*).

2) См., однако, дальше, гдѣ говорится объ ихъ фанатизмѣ и неуклонной преданности религіи.

*) Объ исламѣ въ Индіи и замыслѣ великаго Акбаръ см.: I. Гольдцигеръ, «Исламъ».

шеніяхъ остаются индусами. Единственная часть Индіи, гдѣ мусульманская религія сохраняетъ внутреннюю жизнеспособность и чистоту, это—сѣверная: при большой густотѣ и скученности, особенно въ городахъ, мусульмане сѣвера крѣпко держатся своей религіи. Они обнаруживаютъ большое воодушевленіе и большую строгость въ соблюденіи ея предписаній. Точное исполненіе религіозныхъ требованій служитъ для нихъ средствомъ успѣха въ жизни и орудіемъ для пріобрѣтенія вліятельнаго положенія въ обществѣ. Богачъ, желающій добиться виднаго общественнаго положенія, начинаетъ съ афишированія своего религіознаго благочестія, съ удвоенной энергіей предается выполненію всѣхъ обрядовъ и требованій суроваго аскетизма, совершаетъ паломничество, стремится къ святости и проч. Въ остальной Индіи, разсѣянные на громадномъ пространствѣ, подпадая вліянію сосѣднихъ индусовъ, искушаемые воспоминаніями прошлаго и господствомъ индусской обрядности, мусульмане въ своихъ вѣрованіяхъ объединили обѣ религіи. Они относятся къ муллѣ такъ же, какъ ихъ предки относились къ брамину. Иногда у нихъ и храмы общіе съ индусами. На Индѣ, близъ Саккара, находится святилище, привлекающее огромное число паломниковъ, съ двумя входами—съ однимъ для мусульманъ, съ другимъ для индусовъ. Нѣкоторыя изъ ихъ общественныхъ учреждений носятъ на себя до сихъ поръ слѣды взаимныхъ вліяній. *Z e n a n a* индусовъ, повидимому, внушенъ мусульманскимъ гаремомъ.

Существуетъ довольно распространенное мнѣніе, что эти обращенія въ исламъ, къ которымъ силою вынуждена была нѣкогда пятая часть индусскаго населенія, служили и нынѣ служатъ причиною крупныхъ затрудненій. У каждой изъ двухъ религій теперь большое число послѣдователей. Поэтому въ настоящее время трудно что-либо предпринять въ области социальныхъ реформъ безъ предварительнаго соглашенія съ требованіями каждой изъ религій въ отдѣльности. Это ведетъ къ потерѣ времени и силъ.

Съ другой стороны, индусы скорбятъ о вмѣшательствѣ англичанъ въ началѣ XVIII вѣка, въ тотъ моментъ какъ разъ, когда моголы начали терять почву подъ ногами. Сики, мараты, гуркы могли бы докончить пораженіе и изгнаніе мусульманъ. Ихъ оставалось не болѣе нѣсколькихъ милліоновъ. А такъ какъ Центральная Азія, служившая для

мусульманъ резервуаромъ, тогда была опустошена, то незначительная группа ихъ, изолированная и стѣсненная со всѣхъ сторонъ, скоро растворилась бы въ индусской массѣ. Такимъ образомъ, обстоятельства скоро такъ сложились бы, что пришлось бы имѣть дѣло только съ одной религіей. Такова мысль, высказываемая индусами. Англичане, которые видятъ очень удобную гарантію для своего господства въ раздѣленіи интересовъ своихъ подданныхъ, разумѣется, держатся иного взгляда.

Какъ и всѣ другія религіи, индуизмъ и исламъ имѣютъ свои секты, свой ритуаль, свое духовенство. Помимо своихъ официальныхъ представителей, у нихъ есть и другіе, едва ли не болѣе интересные и причиняющіе порою не мало хлопотъ администраціи: фокусники, астрологи, аскеты, факіры и саду, пиры и газн. Всѣхъ или почти всѣхъ ихъ можно было бы обозначить общимъ именемъ фанатиковъ, а въ значительной долѣ—и эксплуататоровъ.

Фокусники, подобно нашимъ средневѣковымъ героямъ на „второй роли“ („utilités“), мастера на всѣ руки: лѣкари, шарлатаны, сводники. Астрологи живутъ на счетъ набожности и легковѣрія своей кліенты. Послѣдняя рекрутируется во всѣхъ слояхъ общества—какъ въ низахъ, такъ и на верхахъ его. Астрологъ является властителемъ душъ и учителемъ жизни. Въ одномъ изъ наиболѣе прославленныхъ мѣстъ паломничества живетъ, говорятъ, ибкій могущественный властелинъ, который не предпринимаетъ ни одного путешествія, не посовѣтовавшись со своимъ астрологомъ.

Аскетовъ, или саду, насчитываютъ цѣлый легионъ. Вліяніе ихъ на общественное мнѣніе безгранично. Ни одного героя, ни одного воина-побѣдителя, ни одного могущественнаго царя индіецъ не чтить такъ высоко, какъ аскета. Этимъ высокимъ престижемъ аскетъ пользуется съ давнихъ временъ.

Уже Александръ Македонскій во время своего похода въ Индію, за четыре вѣка до Р. Хр., былъ свидѣтелемъ этого явленія. Но еще и до Александра Македонскаго въ санскритской литературѣ встрѣчается масса свѣдѣній объ аскетахъ и ихъ могуществѣ. Современные аскеты пользуются тѣми же привилегіями, которыми они были окружены въ золотой вѣкъ санскритской литературы ¹⁾. Аскеты

¹⁾ Махабгарата рассказываетъ исторію двухъ братьевъ,

дѣлятся на различныя категоріи. Одни изъ нихъ — люди изумительно набожны, искренніе въ своемъ религіозномъ изступленіи, не переходящемъ границы пристойности, и напоминающіе св. Терезу, св. Филиппа Нерійскаго. Другіе — настоящіе шарлатаны. Съ пенломъ на лбу и волосахъ, съ оголеннымъ или прикрытымъ пестрыми лохмотьями туловищемъ, съ четками или ошейникомъ изъ самоцвѣтныхъ камней или позолоченныхъ мушекъ на шеѣ, съ браслетами на рукахъ, съ бѣлой раковинной, они разыскиваютъ предпочтительно живописныя мѣста, которыя потомъ превратятъ въ мѣста для паломничества; иногда же держатся вблизи знаменитыхъ храмовъ. Они устраиваются тамъ безъ всякаго разрѣшенія, но и безъ шума, скромно, не заботясь о правахъ собственника, а когда въ одинъ прекрасный день ихъ пожелаютъ выселить, они ссылаются на давность. Сгибаясь подъ бременемъ тяжелыхъ цѣпей или растянувшись на ложѣ, усаженномъ шпильками съ притупленными концами, они ждуть или вызываютъ къ вѣрнымъ о подавнн. Въ случаѣ надобности, они принимаютъ на себя личину ревностнаго націоналиста. При появленіи европейца они поднимаются съ своего ложа, становятся въ напряженную позу, устанавливаются на вась наглымъ взглядомъ, изображая собою живую картину оскорбленнаго патріотизма ¹⁾.

которыя, желая годичнить себѣ «три міра» — землю, небо и адъ, одѣлись въ власяницы, распустили свои волосы, вымазались грязью съ головы до ногъ и скрылись въ уединеніи горныхъ ущелій, подвергая себя тмъ мукамъ голода и жажды. Въ теченіе цѣлаго ряда лѣтъ они стояли, вытянувшись на носкахъ, поднявъ руки къ небу, съ широкъ раскрытыми глазами, и вырывали кусками мяса изъ своего тѣла, кидали его въ огонь. Напрасно боги уговаривали ихъ отказаться отъ подвижничества; въ концѣ концовъ они должны были имъ уступить свою власть и прерогативы. Послѣ этого оба аскета вернулись въ свое отечество и жизнь ихъ стала тамъ праздникомъ. По словамъ легенды, они обладали столь великой властью надъ природой, что заставляли луну каждую ночь свѣтить надъ ихъ роднымъ городомъ.

¹⁾ Иные изъ нихъ имѣютъ цѣлую исторію. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Бенаресѣ встрѣчали стараго, корректнаго, виднаго, ученаго джонтльмена по имени Сауми Баскарандъ Сарасвати. Его такъ чтили за святость, что еще при жизни въ честь его сооружались храмы. — Знаменитъ былъ также саду Шарль де Руссетъ, по происхожд. енію французъ. Одѣвался онъ зимой и лѣтомъ въ шкуру леопарда и жилъ близъ Сиклы. — Въ 1899 г. явился въ Индію въ качествѣ саду одинъ американецъ, обратившійся въ индуизмъ во время конгресса религій въ Чикаго.

Эти саду рекрутируются среди экзальтированных субъектов, а также среди неудачниковъ и обойденныхъ жизнью людей; бѣдствія или тщеславіе, а не склонность къ нищенскому существованію гонять ихъ изъ общества. Известно, что въ минувшіе вѣка многіе изъ нихъ дѣлались разносчиками и торговцами между Гангомъ и Пеналомъ или Декапомъ. Ихъ благочестіе служило имъ хорошимъ паспортомъ и приносило великолѣпные доходы. Въ настоящее время—и это самая интересная для насъ подробность,—если народная перепись 1901 г. не ошибается, въ Индіи насчитываютъ 5.200.000 саду или вообще субъектовъ этой категоріи, живущихъ, главнымъ образомъ, нищенствомъ. Исчисляя по самому минимальному расчету ежемесячную сумму, необходимую на ихъ содержаніе въ три рупіи на человѣка (рупія = приблизительно 1,65 фр.), мы получимъ капиталъ въ 300.000.000 франковъ, затрачиваемый въ годъ людьми трудящимися въ пользу людей праздныхъ.

Какъ индусы имѣютъ своихъ саду, такъ мусульмане имѣютъ своихъ пировъ. Подобно индусскимъ храмамъ, мусульманскія мечети и гробницы святыхъ привлекаютъ цѣлыя тучи нищихъ. У гробницы святого подаваніе, хотя бы самое незначительное, является долгомъ каждого право-вѣрнаго. Женщины иногда подаютъ 10 или 20 каури (самая мелкая доля сантима). Но на ряду съ каури встрѣчаются подаванія и болѣе крупными монетными единицами, даже рупіями. Такимъ образомъ, гробница святого въ какой-нибудь деревнѣ служитъ крупнымъ источникомъ дохода. Въ Афганистанѣ,—разсказываетъ сэръ Альфредъ Лайэль,—крестьяне одной деревни задушили жившаго среди нихъ святого, чтобы похоронить его на своей землѣ.

У мусульманъ есть еще особая разновидность святыхъ; это—гази. Слово гази вышло уже изъ употребленія. Тѣхъ, которыхъ раньше называли этимъ именемъ, теперь называютъ фанатиками. Порою ихъ стараются выдавать за сумасшедшихъ или патріотовъ. Но они ни то, ни другое. Это, обыкновенно,—*outlaws*, люди, утратившіе вслѣдствіе какого-нибудь преступленія право гражданства. Изгнанные изъ семьи и изъ племени, преслѣдуемые полиціей, скитаясь безъ крова, доведенные до безнадежнаго отчаянія, они надѣются искупить свои прегрѣшенія, убивъ какого-нибудь *gouti*, и, совершивъ этотъ подвигъ, устремляются навстрѣчу смерти.

Саду или пирры, муллы или брамины,—всѣ, каждый по своему, являются агентами, которые въ индійской массѣ, самой по себѣ мирной и инертной, будятъ и поддерживаютъ религіозную вѣру, сообщая ей большую живость, а часто и большую воинственность. И такъ какъ въ извѣстныхъ мѣстностяхъ индусы и мусульмане живутъ бокъ-о-бокъ и даже входятъ въ соприкосновеніе, то, подъ вліяніемъ этихъ агитаторовъ, религіозное рвеніе вырождается въ простое соперничество, въ стычки и столкновения, разрастающіяся порою въ настоящіе возстанія. Главная причина недовольства индусовъ противъ мусульманъ состоитъ въ томъ, что они убиваютъ коровъ и употребляютъ въ пищу ихъ мясо. Взрывчатый матеріалъ накапливается постепенно; довольно одной искры, чтобы произошелъ взрывъ. Для этого достаточно всякаго случайнаго повода: какой-нибудь бичъ, постигающій страну и волнующій умы; пожаръ, изъ-за котораго обвиняютъ другъ друга; эпидеміи; мертвецы, посылающіе духовъ, раздраженныхъ присутствіемъ невѣрныхъ; празднество, устраиваемое послѣдователями одной религіи, въ такое время, когда послѣдователи другой предаются посту и трауру. Такъ бываетъ, напримѣръ, если во время мохаррума (великій постъ, называющійся у французскихъ мусульманъ Р а м а д а н ъ) празднуется индусская свадьба. Каждая свадьба сопровождается неизбѣжной процессіей отъ дома жениха до дома невѣсты, въ видѣ цѣлаго кортежа съ музыкантами и слонами. Напрасно предусмотрительныя власти намѣчаютъ маршрутъ или отмѣняютъ музыку. Враждебно настроенные и воинственные мусульмане уже подстерегаютъ участниковъ процессіи. Они поднимаютъ крикъ, загораживаютъ путь, вооружаются. Пускаются въ ходъ лати (бамбуковыя палки съ желѣзными наконечниками). Въ дѣло вмѣшивается полиція, атакуетъ толпу; въ результатѣ—убитые, раненые, арестованные, осужденные къ 2—3-мъ годамъ тюремнаго заключенія. Страна на десятокъ лѣтъ оказывается послѣ этого отравленной ядомъ своего рода гражданской войны.

Съ фактами подобнаго рода уже не считаются. Полагаютъ, что въ настоящее время они случаются все рѣже и рѣже, и вмѣсто того, чтобы ослаблять себя взаимными раздорами обѣ религіи обнаруживаютъ тенденцію къ объединенію во имя общихъ для нихъ политическихъ задачъ. Индусы и мусульмане (послѣдніе, впрочемъ, въ незначительномъ числѣ) совмѣстно участвуютъ въ Національ-

номъ конгрессѣ; индусы и мусульмане сотрудничаютъ въ однѣхъ и тѣхъ же газетахъ ¹⁾, или основываютъ журналы, одушевленные тѣми же стремленіями, и вообще раточають другъ передъ другомъ взаимныя похвалы. Это сближеніе, этотъ союзъ пробудилъ серьезныя надежды. И въ этомъ слѣдуетъ видѣть первый признакъ назрѣвающей въ Индіи идеи націи. Мы находимся наканунѣ великаго событія.

Несомнѣнно, что избранные представители обѣихъ религій понимаютъ полезность и даже необходимость взаимнаго соглашенія и обнаруживаютъ готовность работать въ его пользу. Но до 1870 г. по обѣимъ сторонамъ Рейна также были избранные люди, одушевленные стремленіями къ братскому союзу. Таковы у насъ, французовъ, Мишле и Ренанъ. То же самое и въ Индіи; между мусульманами и индусами стоитъ длинное прошлое. Ихъ все раздѣляетъ: и вѣрованія, и склонности, и вкусы. Мусульманинъ по природѣ своей—воинъ; онъ полагается на силу и уважаетъ авторитетъ установленныхъ властей. Индусъ—натура мягкая; его влечетъ къ мирнымъ торговымъ занятіямъ, къ наукѣ, къ почету и популярности. Долго идти вмѣстѣ по одному пути они не могутъ. Уже съ дѣтства, даже въ мѣстахъ, гдѣ для нихъ существуютъ смѣшанныя школы, хотя они и сидятъ въ одной классной комнатѣ, но на разныхъ партахъ и ѣдятъ съ разнаго стола. Но окажется ли общее индусамъ и мусульманамъ недоверіе къ европейцамъ стимуломъ настолько могучимъ, чтобы онъ заставилъ ихъ позабыть о многочисленныхъ контрастахъ, столь рѣзко ихъ раздѣляющихъ?

Англичане отказываются вѣрить въ возможность тѣснаго союза между существами, такъ сильно отличающимися другъ отъ друга. Не берусь судить, насколько они правы. Однако, наблюдаемое нынѣ взаимное тяготѣніе между индусами и мусульманами въ восточной Бенгаліи имѣетъ свое значеніе. Очень многіе изъ тѣхъ, кого миѣ приходилось разспрашивать, высказывались о мусульманахъ съ

¹⁾ См. индусскія газеты *Naba Baharat* и *Baharatoc*, восхваляющія мусульманъ. Съ своей стороны, мусульмане издають газету на языкѣ бенгали, *Naba Noog*, т.-е. *Новый Свѣтъ*, одно названіе которой, составленное изъ санскритскаго и персидскаго словъ, даетъ дѣлю программу: *Naba* (по-санскритски) *новый*, *Noog* (по-персидски) *свѣтъ*,—ставить своей задачей объединеніе индусовъ и магометанъ дружественными узами.

большой симпатіей и уваженіемъ. Они сознаютъ свою близость съ ними. Англичанину, человѣку спорта, нравится въ мусульманинѣ его воинственность. Онъ, конечно, не забываетъ, что въ нѣкоторыхъ областяхъ этотъ воинственный человѣкъ очень охотно пристрѣлитъ его. Но онъ полагаетъ, что въ такихъ случаяхъ въ мусульманинѣ говоритъ лишь фанатическая страсть; фанатики же составляютъ исключеніе. Вагобитъ въ Бенгаліи питаетъ чувства, враждебныя владычеству англичанъ. Племена на афганской границѣ на вѣсъ золота покупаютъ ружья, пули которыхъ предназначаются не для афганцевъ, и еще недавно были употреблены совѣмъ противъ другихъ. Но по понятнымъ психологическимъ причинамъ англичане тѣшатъ себя надеждой, что эти племена, прямодушныя, отважныя, воинственныя, въ то же время вполне лойяльны. Отъ времени до времени съ большой радостью отмѣчаются факты, свидѣтельствующіе о лойяльности и вѣрности мусульманъ ¹⁾.

Не иностранцу рѣшать столь серьезный вопросъ. Сомнѣваюсь, чтобы и англо-индійцы могли это сдѣлать болѣе или менѣе удовлетворительно. Если бы только заранее можно было рѣшить, подъ какое знамя станутъ 300.000 ружей, выставленныхъ на границѣ, то съ ихъ помощью можно

¹⁾ Такъ, въ печати былъ обнародованъ адресъ, поднесенный мусульманской политической ассоціаціей, которая была основана въ Соединенныхъ Провинціяхъ и которую газеты называли Ассоціаціей Мусульманскаго Конгресса. По этому поводу одинъ мусульманинъ помѣстилъ въ газетѣ письмо съ протестомъ: «Слово «Конгрессъ», писалъ онъ, употреблено въ данномъ случаѣ совершенно неумѣстно. Этимъ хотятъ намекнуть на Національный Конгрессъ и, повидимому, отождествить съ нимъ нашу Ассоціацію. Но это двѣ различныя организаціи,—различныя и по задачѣ и по методу. Національный конгрессъ есть проявленіе общественной агитаціи и недоувѣрія къ правительству; наша же ассоціація знаменуетъ собою боязнь общественной агитаціи и довѣріе къ правительству, искреннее и полное. Мы исходили изъ того, что наша національная будущность всецѣло связана съ существованіемъ и непоколебимостью британскаго господства въ Индіи и что въ лицѣ современнаго правительства мы имѣемъ самыхъ надежныхъ и лучшихъ друзей. Мы думаемъ только, что, сближаясь съ этимъ правительствомъ, можемъ въ одно и то же время и освѣдомлять его о нашихъ нуждахъ и помогать ему въ осуществленіи его задачъ. Изъ этого вы видите, какъ далеки мы отъ Національнаго Конгресса. Послѣдній желаетъ представительнаго образа правленія и доступа, путемъ конкурса, къ государственнымъ должностямъ. Это двѣ вещи, которыя мы считаемъ вредными». Очевидно, это весьма лойяльный и утѣшительный документъ.

было бы перевернуть вверх дномъ всю индустранную политику Индіи ¹⁾).

Однако, укажу на обстоятельство, которому нельзя отказать въ серьезномъ значеніи, если только оно имѣетъ подъ собою извѣстное основаніе. Существуютъ двоякаго рода мусульмане: мусульмане внутреннихъ областей (напр., Соединенныхъ Провинцій), нѣсколько уже тронутые западной цивилизаціей, болѣе образованные, болѣе привычные къ дѣламъ управленія и администраціи, болѣе разбирающіеся въ экономическихъ и политическихъ вопросахъ, способные къ болѣе или менѣе отвлеченному мышленію ²⁾,—и мусульмане пограничные,—грубые, безпкойные хищники, живущіе со дня на день, нафанатизированные своими священниками и сосѣдними мусульманскими правителями. Если подходить къ этимъ двумъ категоріямъ мусульманскаго населенія съ одной и тою же мѣркою, то рискуешь создать самую опасную путаницу.

И слѣдуетъ тутъ замѣтить, что къ мусульманамъ не питаютъ довѣрія тѣ англичане, которые именно и живутъ на границѣ по сосѣдству съ безчисленными горными племенами и менѣе крупными этнографическими группами, преслѣдуемыми, съ одной стороны, афганскимъ эмиромъ, а съ другой—британскимъ раджей. Отсюда понятна разногласица англичанъ относительно степени довѣрія, какого заслуживаютъ послѣдователи ислама ³⁾).

¹⁾ Въ серединѣ 1906 г. лагорская Civil and Military Gazette опубликовала письмо за подписью «индусъ»; я приведу изъ него слѣдующую цитату: «11 прошлаго іюня,—сказано въ этомъ письмѣ,—Фазаль Гуссейнъ, адвокатъ въ Лагорѣ, писалъ въ Paise Akhbar, что въ случаѣ войны между Англійей и Турціей 95% индійскихъ послѣдователей Пророка не остались бы вѣрными своей вѣроподданнической присягѣ британской коронѣ. И противъ этого заявленія никто не протестовалъ—ни издатель газеты ни какой-либо другой мусульманскій писатель или журналистъ».

²⁾ Но и тѣ сохранили горячую преданность религіи. Приведу доказательство этому. Колледжъ въ Алигорѣ (Соединенныя Провинціи), знаменитый, какъ образовательный центръ для мусульманъ, возбуждаетъ противъ себя недовольство въ извѣстной части мусульманскаго общественнаго мнѣнія тѣмъ, что въ программѣ его занятій не удѣлено достаточно большаго мѣста Богу. Даже такой могущественный монархъ, какъ Низамъ, хотя онъ и мусульманинъ, находится, однако, въ подозрѣніи у своихъ единовѣрцевъ, считающихъ его недостаточно религіознымъ.

³⁾ Привожу таблицу, составленную по моей просьбѣ. Авторъ, проживающій въ этой области, даетъ сравнительныя данныя, характеризующія лояльность индусовъ и мусульманъ. Онъ говоритъ, что

Что бы, однако, ни говорили, я склоненъ думать, что англичанамъ выгоднѣе было бы опираться на мусульманскій элементъ и отдавать ему преимущество передъ элементомъ индусскимъ. Индусъ, терпѣливый и настойчивый, способенъ къ культурному развитію и—я не дѣлаю изъ этого никакихъ выводовъ относительно его будущей роли въ управленіи страной—воспріимчивъ къ западнымъ идеямъ и методамъ дѣйствія. Въ силу этого онъ становится, онъ можетъ стать, дѣйствуя вполне законными способами, соперникомъ англичанъ. Мусульманинъ, напротивъ, до сихъ поръ рѣшительно противится всякому сближенію съ Западомъ и далеко отъ всякихъ попытокъ проникнуть въ сферу управленія. Онъ страшится успѣховъ индуса по пути прогресса; онъ окажетъ содѣйствіе и помощь всякой политикѣ, которая задержитъ или помѣшаетъ этимъ успѣхамъ. Онъ не забываетъ неожиданной помощи, оказанной ему прежнимъ вмѣшательствомъ англичанъ. Онъ человѣкъ неподвижной традиціи и считаетъ своимъ долгомъ поддерживать существующее правительство.

Повторяю, англичане хорошо дѣлаютъ, опираясь исключительно на мусульманъ. Не заботясь объ обеспеченіи равновѣсія между неравносильными элементами, они стараются извлечь свою выгоду изъ ихъ взаимнаго соперничества. Въ рядахъ англійской арміи находятся мусульмане, но также и сики и гуркасы. Англичане старались познать всѣхъ, использовать всѣхъ, защитить всѣхъ и въ одно и то же время примирить требованія справедливости съ требованіями своихъ реальныхъ интересовъ, не пренебрегая ни одной изъ религій, ни одной изъ расъ, между которыми дѣлится Индія.

Буддизмъ, официально насчитывающій въ Азіи до 500 милліоновъ послѣдователей, имѣетъ ихъ въ Индіи только 9.500.000. Почти всѣ они сосредоточены въ Бирмѣ. Въ

среди индусовъ

1 изъ 10 активно лояльны
8 изъ 10 пассивно лояльны
1 изъ 10 активно не лояльны

среди мусульманъ

1 изъ 10 пассивно лояльны
8 изъ 10 пассивно не лояльны
1 изъ 10 активно не лояльны.

Нѣтъ нужды объяснять значеніе терминовъ «активно» и «пассивно». Затѣмъ онъ прибавляетъ: «Четыре пятыхъ мусульманъ это—обращенные индусы. Они соединяютъ въ себѣ недостатки обѣихъ расъ. Всѣ они—фанатики и ненавидятъ новѣрныхъ. Почти всѣмъ имъ чуждо чувство благодарности»

1830 г. Жакмонъ писалъ: „За Сэтледжемъ Будда конкурируетъ еще съ Брамой исключительно на индійскомъ склонѣ Гималаевъ“. Съ тѣхъ поръ положеніе мало измѣнилось или совсѣмъ даже не измѣнилось; во всякомъ случаѣ, если и произошла перемѣна, то скорѣе въ ущербъ Буддѣ. Индійскіе буддисты встрѣчаются въ областяхъ, сосѣднихъ съ Непаломъ, и часто являются выходцами отсюда, поселившимися на индійской территоріи. Буддизмъ почти безслѣдно исчезъ въ областяхъ, въ которыхъ его основатель, недалеко отъ Бенареса, въ VI в. до Р. Хр., началъ свою проповѣдь.

Ученіе Будды быстро завоевало территорію, занимаемую нынѣ Непаломъ, Соединенными Провинціями и, частью, Бенгаліей; оно, вѣроятно, получило далекое распространеніе, такъ какъ при раскопкахъ находили утварь буддійскаго происхожденія даже въ Бомбейскомъ президентствѣ. Оно процвѣтало еще въ V в. послѣ Р. Хр. Въ полный упадокъ пришло оно въ VII в. Въ это именно время буддійское ученіе, уже выродившееся, перешло въ Тибетъ. Быть-можетъ, въ нѣкоторыхъ частяхъ Индіи оно продолжало вести жалкое прозябаніе до XII в. Уступчивый и склонный къ компромиссамъ, буддизмъ готовъ былъ воспринять всѣ существовавшія на ряду съ нимъ религіи, не уничтожая ихъ, однако. Такъ, въ Бирмѣ онъ явился напластованіемъ на народныхъ религіозныхъ вѣрованіяхъ, существовавшихъ до него, представлявшихъ, вѣроятно, то, что нынѣ мы видимъ въ вѣрованіяхъ чиновъ, качиновъ и др. Сравнивая буддизмъ, если не со стороны пріемовъ, то со стороны результатовъ, съ индуизмомъ, его слѣдуетъ признать мертвой религіей; и причина этого не въ преслѣдованіяхъ, какъ говорили, ибо его презирали, но щадили, а во внутреннемъ истощеніи его; въ томъ, что онъ не могъ устоять на ряду съ религіями болѣе жизненными—съ индуизмомъ и его разновидностями; эти религіи имѣли двойное преимущество: съ своими личными богами, со скрытымъ политеизмомъ и наружнымъ монотеизмомъ онѣ лучше отвѣчали запросамъ народа, живущаго чувствомъ и воображеніемъ; въ области же мірскихъ интересовъ, вмѣсто того чтобы оставить свободу вліянію и господству разума, онѣ допускали постоянное вмѣшательство священника.

Буддизмъ есть прежде всего система морали. Прочтите жизнеописаніе Готамы. Это пространная рѣчь въ защиту добра и добродѣтели. Беру на выборъ первое попавшееся

изъ него мѣсто: „Четыре дѣянiя вредны живымъ существамъ—убiйство, воровство, обманъ, прелюбодѣянiе. Четыре грѣха совершаютъ судьи,—когда они отправляютъ правосудiе подъ дѣйствiемъ ненависти, невѣжества, страха и подкупа. Есть шесть смертныхъ грѣховъ: пьянство, бродяжество, чрезмѣрное увлеченiе танцами, игра, пренебреженiе своимъ долгомъ, посѣщенiе дурной компанiи“. Загѣмъ это—диссертациа объ обязанностяхъ родителей и дѣтей, господъ и рабовъ, мужей и женъ, учениковъ и учителей и т. д.

Догматовъ въ буддизмѣ мало. Явившись послѣ браманизма (который самъ является наслѣдникомъ религии ведъ и предшественникомъ современнаго индуизма), буддизмъ сохранилъ нѣкоторыя черты его. Но онъ во многомъ отличается отъ него. Браманизмъ былъ религiей національной, враждебно относившейся ко всему иностранному (напр., Александръ Македонскiй и его напѣстники должны были прибѣгать къ самымъ суровымъ мѣрамъ противъ браминовъ). Буддизмъ былъ религiей космополитичной. Браманизмъ—это философiя, которую занимали вопросы о происхожденiи мiра и всѣхъ вещей. Буддизмъ совершенно не интересовался космогонiей. Но въ то время, какъ браминъ заботится о спасенiи только самого себя, буддистъ заботится о спасенiи другихъ. Это—религiя пропаганды и прозелитизма.

Въ чемъ путь къ спасенiю? Въ размысленiи надъ совершенствомъ и въ стремленiи къ его достиженiю. Богъ здѣсь ни при чемъ. Буддизмъ—религiя атеистическая. Она призываетъ человѣка къ размысленiю надъ Буддой и надъ его совершенными качествами, къ поклоненiю, къ любви, къ полному слiянiю съ нимъ. Къ этому и сводится весь религiозный культъ. Ни Богу, ни священнику здѣсь нѣтъ мѣста. Буддистъ не знаетъ Бога, какъ предметъ поклоненiя, не знаетъ священника, какъ посредника между Богомъ и человѣкомъ. Богъ не интересуется буддиста—ни духовнаго, ни мiрянина. Онъ могъ бы легко погрузиться въ бездну какого-нибудь космогоническаго толкованiя, но священнику и человѣку и безъ того достаточно много дѣла, чтобы подготовиться къ подражанiю Будды. Они молятся, они пресыщаются размысленiемъ и молитвой. Такимъ образомъ, въ буддизмѣ осуществлена та парадоксальная религiя безъ Бога, которая впервые дала человѣку радости и наслажденiя благочестiя.

Куда ведетъ эта религія? Къ небану, къ нирванѣ. Что такое небанъ? Это предѣлъ того страданія, которое называется бытіемъ. „Излѣчиться, говорилъ сэръ Джорджъ Скоттъ, значитъ освободиться отъ болѣзней и немощей. Достигнуть небана—значитъ освободиться отъ страданій бытія“¹⁾.

Небанъ достигается заслугами, дорого оплачиваемыми; цѣною непрерывно возобновляющагося бытія, послѣдовательные періоды котораго, посвященные исключительно добродѣтели, поднимаютъ человѣка по возвышающимся ступенямъ могущества, пока онъ не получитъ право на небытіе. Послѣдній король Бирмы, бывшій до вступленія на престолъ монахомъ, когда передъ нимъ выставляли величіе и превосходство англичанъ, говорилъ: „Нѣтъ сомнѣнія, что вы, должно быть, были очень добродѣтельными буддистами во время одной изъ предшествующихъ стадій вашего бытія“.

Возвышенный въ качествѣ моральной системы, буддизмъ очень скуденъ, какъ политическая и экономическая система. Слабость его—двокаго рода. Рекомендую сосредоточенное размышленіе, онъ обираетъ человѣка въ интересахъ монастыря, а предписываемыя имъ заслуги (ниже я скажу, въ чемъ онѣ заключаются) покупаются, главнымъ образомъ, милостыню. Такимъ образомъ живетъ внѣ интересовъ общества цѣлая толпа праздныхъ людей; люди же, живущіе въ обществѣ и занятые дѣломъ, поощряются къ отдачѣ своего достоянія въ пользу дѣяній совершенно непроизводительныхъ. Подобная доктрина—смерть народу. Почти вся духовная жизнь сосредоточивается въ средѣ духовенства; жизненная энергія страны, ея источники, ея активныя проявленія изсякаютъ. И если націи, официально признаваемыя буддистскими, все-таки сохранили свою жизнеспособность и не остановились на пути своего развитія, то объясняется это тѣмъ, что онѣ,

¹⁾ Будда, говорятъ Д. Скоттъ, долженъ былъ пройти черезъ три стадіи, прежде чѣмъ достигъ небана. Первая стадія,—когда онъ, царевичъ, супругъ и отецъ, подъ священнымъ деревомъ отрекся отъ всего и сталъ Буддой; вторая,—когда онъ скончался и навсегда покинулъ 31 этапъ своего бытія; третья—наступить въ 2500 году, черезъ 5000 лѣтъ со дня его рожденія, когда всѣ его останки, разбѣянные по всей землѣ, чудеснымъ образомъ соборутся сами собой въ мѣстѣ, гдѣ росло священное дерево. Тогда воспоминаніе о мірѣ у Будды совершенно исчезнетъ и будетъ достигнутъ полный небанъ.

какъ оказывалось при ближайшемъ съ ними знакомствѣ, молча отказались отъ буддизма и на практикѣ слѣдовали другой религіи или философіи, поощряющей къ дѣятельной жизни и соотвѣтствующему ей поведенію.

Пройдите всю Бирму, обитаемую буддистами. Все говорить вамъ здѣсь о неподвижности и упадкѣ. Вы увидите тамъ чудовищное число пагодъ, несоизмѣримое съ дѣйствительными духовными потребностями. Онѣ служатъ не столько мѣстами молитвы, сколько свидѣтельствомъ щедрыхъ даровъ, заслугъ человѣка, который стремится еще на одинъ лишній шагъ приблизиться къ небану (нирванѣ). И эти пагоды, тысячами лежащія въ развалинахъ, не переживаютъ, — да это и не къ чему, — жизни ея жертвователя. Отъ нея не останется никакого слѣда. Да и къ чему нужно дальнѣйшее ея существованіе? Какое значеніе имѣло бы оно сравнительно съ вѣчностью? Если благочестивый человѣкъ жаждетъ небана, то для чего ему заботиться о томъ, чтобы сохранить память о себѣ въ камнѣ!

Но не только пагода является силою и оплотомъ буддизма. Громадную роль въ этомъ смыслѣ играетъ и монастырь. Буддизмъ призываетъ васъ къ сосредоточенному размышленію. Но среди какой обстановки? Въ міра, въ монастырѣ. Каждый буддистъ долженъ побывать тамъ. Самое лучшее было бы навсегда остаться въ немъ, хорошо также жить въ немъ отъ времени до времени, но пройти черезъ него обязательно. Монастырь въ одно и то же время служитъ и мѣстомъ для размышленія и школой для обученія. Въ немъ вы найдете все, что вы встрѣчаете обыкновенно и въ нашихъ монастыряхъ: общія залы и кельи. Красивыя постройки, обыкновенно изъ дерева, украшены изящной скульптурой съ позолотой, поддерживаемой и обновляемой щедрыми даяніями вѣрныхъ. Обитатели монастыря раздѣляются на три группы: послушники, можетъ-быть, и не готовящіеся къ монашеской жизни, но желающіе пройти черезъ монастырь и тѣмъ самымъ какъ бы получить свидѣтельство своей зрѣлости; благочестивые люди, жившіе уже въ монастырѣ известное время и допущенные къ участию въ общемъ собраніи; наконецъ, монахи или *phongyees*, или великая слава, прожившіе въ монастырѣ, по крайней мѣрѣ, 10 лѣтъ ¹⁾. Во времена бирманскихъ царей монахи со-

¹⁾ Эти три группы фактически дѣлятся на пять категорій: новички или послушники; монахи или *phongyees*; глава учрежденія, *sayah*;

ставляли 3% всего населенія Бирмы и 8% населенія Мандалая.

Бирманскихъ монаховъ нельзя рекомендовать въ качествѣ образцовъ, достойныхъ подражанія. Это—люди мало образованные и лѣнливые. Экзамень, требуемый при вступленіи въ монашество, крайне ничтожный. Ихъ священныя книги, написанныя на языкѣ пали, мало доступны для нихъ и мало понятны. До сихъ поръ имѣются еще въ обращеніи и борются съ типографскимъ способомъ печатанія манускрипты на пальмовыхъ листахъ, на которыхъ продавливаются буквы съ помощью агатового стилета и затѣмъ переносятся тисненіемъ на воскъ; этимъ искусствомъ занимаются специалисты, профессиональные писцы въ монастыряхъ, а не монахи. Phongyue не долженъ имѣть своего ни жилища, ни постели, ни денегъ, ни пищевыхъ запасовъ, ни кухни. И дѣйствительно, каждое утро можно наблюдать, какъ онъ вмѣстѣ со своими братьями длинной вереницей проходятъ черезъ села и деревни, передвигаясь отъ одной двери къ другой, скромные и сосредоточенные, съ нищенской чашей въ рукахъ, въ которую хозяйки всыпаютъ обычно ложку риса. Они не изливаются ни въ униженныхъ просьбахъ, ни въ благодарностяхъ; и сами жертвователи не ждутъ этого. Грубая фигура монаха, иѣкогда высоко чтимаго, не пользуется теперь особенной симпатіей. Теперь монахъ сталъ скромнѣе. Въ 1891—92 г.г. во время страшнаго голода, опустошившаго Верхнюю Бирму, во

начальникъ провинціи или Geink-Oke, облеченный правомъ юрисдикціи надъ нѣсколькими учрежденіями; наконецъ, Sadaw или верховный глава. Такое дѣленіе объясняется тѣмъ, что буддизмъ—религія организованная. Если бы наша книга была посвящена исключительно Бирмѣ, странѣ буддизма, то въ ней слѣдовало бы отвести очень широкое мѣсто этой религіи. Трудно было бы преувеличить ея вліяніе на національную жизнь; оно было неизмѣримо велико въ прошломъ и до сихъ поръ остается весьма значительнымъ.

Итакъ, эта религія имѣетъ цѣлую іерархію. Phongyues находятся въ подчиненіи у своихъ начальниковъ. Ихъ можетъ быть нѣсколько. Они называются Tha-Thana-Baing и во всѣхъ дѣлахъ, касающихся религіи, пользуются высшимъ авторитетомъ, распространяющимся на обѣ части Бирмы и на шанскія государства. Число ихъ иногда доходитъ до восьми. Но, въ случаѣ смерти, число это можетъ свестись временно и къ одному. Въ такомъ именно положеніи находится дѣло теперь. Выборы Tha-Thana-Baing и утвержденіе его англійскимъ правительствомъ служили, съ 1893 по 1904 г., источникомъ многихъ затрудненій и интригъ.

всякомъ случаѣ, не монастыри являли народу примѣръ самопожертвованія. Въ настоящее время, говорятъ, каждый монастырь имѣетъ своего повара, а ежедневныя подаванія рисомъ, которыя монастырскими правилами предписывается собирать, сохраняются для бѣдныхъ и животныхъ. Впрочемъ, подъ вліяніемъ англичанъ, прежніе обычаи мало-по-малу измѣняются. Такъ, къ 15 годамъ подростки должны были поступать въ монастырь и въ школу. Но пятнадцатилѣтнимъ возрастомъ опредѣляется и время, когда можно поступить на службу къ торговцамъ. Поэтому теперь возрастъ для поступления въ монастырь пониженъ съ 15-ти до 12-ти и даже менѣе лѣтъ. Время пребыванія въ монастырѣ сокращается. Кромѣ того, нынѣ учреждены школы, болѣе привлекательныя и болѣе полезныя. Поэтому вмѣсто трехъ лѣтъ въ монастырѣ остаются три-четыре мѣсяца, съ конца іюля до начала октября; иногда еще меньше — одинъ мѣсяць, двѣ недѣли, а по нуждѣ — достаточно и одного дня; но это ужъ слишкомъ мало и считается неприличнымъ.

Однако, религіозный культъ, повидимому, процвѣтаетъ попрежнему. Въ огромномъ количествѣ строятся новыя пагоды, отливаются новыя колокола. Храмы переполнены молящимися, приносящими дары, цвѣты, фольгу для позолоты украшеній. Попрежнему усердно совершаются паломничества. И все-таки нельзя отрицать, что чувство благоговѣнія и вѣра идутъ на убыль. На собраніяхъ молящіеся недостаточно сосредоточены; держать себя слишкомъ вольно: старики тараторять, молодежь флиртуетъ; смѣха здѣсь бываетъ не меньше, чѣмъ молитвы. Дешевка и дурной вкусъ, заимствованные изъ Европы, постепенно вытѣсняють прежнюю красоту и оригинальность храмовъ и ихъ внѣшняго вида; на крышахъ уже появляется гнущее волнообразными складками желѣзо.

Но и тамъ, гдѣ вѣра сохраняется въ своей прежней неприкосновенности, еще вопросъ, является ли именно Будда предметомъ религіознаго почитанія? Это сомнительно. Огромное большинство населенія — буддисты лишь по имени. Колокола звонятъ не столько для призыва вѣрующихъ къ молитвѣ, сколько для возбужденія вниманія со стороны тѣхъ духовъ (nats), которые бодрствуютъ надъ пагодой и всѣмъ міромъ. И прежде всего предметомъ религіознаго поклоненія являются эти nats, добрые

или злые духи, пребывающіе въ водѣ, въ воздухѣ, въ землѣ, въ лѣсу, въ жилищѣ и т. д. Это—растлѣвающая, грубая религія, представляющая собою нагроможденіе суевѣрій, подчиняющая крестьянина тяжкому игу священника, оставляющая широкой просторъ для самыхъ чудовищныхъ вымогательствъ, парализующая всякую энергію, убивающая духъ бережливости. Почти вся Бирма, Верхняя и Нижняя, всѣ ханства, всѣ племена—чины, качины, карены и проч.—страдаютъ отъ этого зла, съ которымъ англичанамъ еще не скоро удастся справиться.

Отъ буддизма перейдемъ къ джайнизму, который чтить Джина-Побѣдоносца. Первоначально джайнизмъ возникъ въ Бехарѣ, но исчезъ оттуда. Центрами его въ настоящее время являются Раджпутана и Гуджератъ. Онъ насчитываетъ 1.300.000 послѣдователей среди образованныхъ классовъ; на сѣверѣ его послѣдователи рекрутируются среди торговцевъ, на югѣ—среди земледѣльцевъ. Эта религія—родная сестра буддизма. Подобно ему она атеистична; подобно же ему она приводитъ къ нирванѣ, но ея религіозныя вѣрованія и болѣе аскетичны и болѣе демократичны; вотъ почему она и сохранилась въ собственно Индіи.

Въ западной и южной Индіи она оставила замѣчательные памятники своей живучести—храмы и манускрипты. На недавнихъ собраніяхъ, свидѣтельствующихъ о возрожденіи ихъ вѣры, джайнисты выразили намѣреніе опубликовать манускрипты и реставрировать храмы. Джайнисты—люди ловкіе и умные. Если они захотятъ воспользоваться сложившимися обстоятельствами въ интересахъ своей вѣры, то нельзя сомнѣваться, что мы скоро станемъ свидѣтелями новаго возрожденія этой религіи, которая передъ большинствомъ индусскихъ вѣрованій имѣетъ то преимущество, что запечатлѣна яркой печатью морали и не заражена чрезмѣрнымъ идолопоклонствомъ.

Особенно интересна религія сиковъ. Заслуга ея состоитъ въ томъ, что ей удалось изъ крайне разнообразныхъ этническихъ элементовъ создать особую расу съ рѣзко выраженными чертами. Таковы сики. Они называютъ себя *Khalsa*, т.-е. избраннымъ народомъ. Вначалѣ ихъ религія была простымъ отвлѣченіемъ индуизма. Есть основаніе думать, что она не избѣгла вліянія со стороны ислама, и изъ этого заключали, что она заимствовала у него нѣкоторыя черты. Но такое заключеніе не совсѣмъ точно.

Коранъ ничего не далъ религіи сиковъ. Но живя въ близкомъ сосѣдствѣ съ мусульманами сѣвера, сики заимствовали ихъ характеръ и нравы, однако подвергли ихъ глубокой переработкѣ; отъ мусульманъ заимствовали они, между прочимъ, отвагу и стремительность. Отсюда, быть-можетъ, и сложилась легенда о вліяніи Корана на ихъ религію.

Вѣрованія сиковъ можно резюмировать слѣдующимъ образомъ: Богъ единъ; передъ нимъ надо благоговѣть и молиться, а не передъ идолами. Душа безсмертна и, проходя черезъ многочисленный рядъ существованій, ведетъ борьбу, чтобы подняться до Бога. Она достигаетъ своей цѣли, совершенно очистившись. Чистотою сердца она убиваетъ зависть; чистотою языка—ложь; чистотою глазъ—похотливыя желанія; чистотою ушей—соблазнъ. Прекрасныя догматы, но заранѣе обреченныя на гибель, ибо люди, формулировавшіе въ нихъ столь возвышенную мораль, сами вѣрятъ въ фатализмъ.

Отъ индуизма сиковъ отдѣляютъ прежде всего нѣкоторыя предписанія ритуальнаго характера. Сикъ не стрижетъ волосъ и не бреетъ бороды; онъ не курить. А затѣмъ и цѣлая совокупность предписаній общественнаго характера—напримѣръ, въ области отношеній къ женщинамъ. Ихъ религія воспрещаетъ бросать или убивать дѣвочекъ (но они не исполняютъ этого предписанія), держать женщинъ въ заключеніи, сжигать вдовъ. Религія сиковъ не признаетъ поста; она запрещаетъ потребление вина; не рекомендуетъ ни паломничества, ни омовенія въ священныхъ рѣкахъ. Наконецъ, она разрѣшаетъ употребленіе въ пищу мяса. Вегетеріанцы-индусы стали хилы и дѣлаются легкой добычей всѣхъ завоевателей; сики обладаютъ физической силой и энергично сопротивляются мусульманамъ.

Въ отличіе отъ другихъ религій, почти всѣ священныя книги которыхъ представляютъ собою апокрифы или простые переводы, сики обладаютъ подлинными священными письменными памятниками. Они называются *Adi Granth*. Они имѣются въ двухъ серіяхъ, редактированныхъ на разныхъ языкахъ; письмена ихъ съ трудомъ разбираются, точно авторы хотѣли—предположеніе совершенно невѣроятное—сохранить въ тайнѣ ихъ содержаніе. Обнародованныя впервые въ 1877 г., книги сиковъ въ настоящее время переводятся на англійскій языкъ.

Говорятъ, число сиковъ уменьшается; это возможно. Сравнительно съ результатами переписи 1891 г. результаты переписи 1901 г. даютъ основаніе къ подобнаго рода опасеніямъ. Но въ 1891 г. счетчики не всегда отличали сиковъ отъ индусовъ. Въ 1901 г. къ этимъ отличіямъ относились уже строже. И хотя цифры получились болѣе крупныя, чѣмъ въ 1891 г., онѣ однако заставляютъ опасаться, что сики численно уменьшаются. Причины этого явленія въ томъ, что сики утомлены священными книгами, языка которыхъ они не понимаютъ, и потому случаи посвященія въ ихъ таинства становятся все рѣже и рѣже. Ибо сикомъ дѣлаются, а не рождаются; для этого необходима церемонія крещенія—церемонія очень простая, въ которой играютъ роль вода и сталь, хлѣбъ и медъ. Это крещеніе уже не встрѣчается, можетъ-быть, потому, что уже не интересно быть сикомъ. Когда-то сикъ велъ войны, колотилъ индусовъ, изгонялъ мусульманъ, одерживалъ побѣды. Нынѣ сикъ—англійскій подданный, вынужденный къ миролюбію. Въ рядахъ англійскихъ войскъ теперь можно видѣть бритыхъ сиковъ. Это—конецъ всему. Очень многіе изъ нихъ вернулись въ лоно индуизма. Среди сиковъ остаются еще видныя фигуры въ родѣ уважаемаго вождя Побы. Въ состояніи ли они будутъ вызвать движеніе въ пользу возрожденія? Смогутъ ли они удержать сиковъ отъ отпаденій и привлечь къ нимъ новыхъ адептовъ? Въ этомъ направленіи дѣлаются разныя усилія. Прилагаются заботы о лучшей постановкѣ религіознаго воспитанія, о предоставленіи сикамъ служебныхъ—военныхъ и гражданскихъ—преимуществъ. Едва ли, однако, эти мѣры окажутся дѣйствительными; къ нимъ уже не разъ прибѣгали безъ всякаго успѣха.

О парсахъ, наслѣдникахъ учениковъ Зороастра, огнепоклонникахъ, остается сказать лишь два слова. Ихъ насчитываютъ менѣе 100.000; они пользуются всемірною извѣстностью. Въ теченіе нѣкотораго времени имъ принадлежали Бомбей и вся западная Индія; торговля, банки, выборныя должности находились въ ихъ рукахъ. Они пользовались широкой популярностью, обладали огромными богатствами. Имъ прощали ихъ богатства за ихъ чрезвычайную щедрость. Развѣтнемъ цѣлой сѣти благотворительныхъ и воспитательныхъ учрежденій Бомбейское президентство обязано парсамъ. Энергичныя работники, воспримчивые къ современнымъ идеямъ, образованные, стоя

на среднѣхъ пути между европейцами и туземцами, парсы своей предприимчивостью и благородствомъ успѣли завоевать симпатіи англичанъ. Ихъ празднества очень усердно посѣщаются: тамъ приподнимается уголокъ завѣсы, скрывающей отъ насъ туземную жизнь, тамъ можно увидѣть красивѣйшихъ представителей племени и великолѣпные наряды. Въ настоящее время парсы встрѣчаютъ на дѣловой почвѣ не мало соперниковъ и со стороны иностранцевъ—въ лицѣ англичанъ, грековъ, нѣмцевъ, швейцарцевъ; и со стороны индійцевъ—въ лицѣ прежде всего индусовъ, а затѣмъ и мусульманъ. И въ области умственной культуры, хотя они имѣютъ такихъ почтенныхъ представителей, какъ писатель и социальный реформаторъ Малабари, ихъ уже тоже нагоняютъ другіе и даже обгоняютъ. Въ политической и административной сферѣ они занимаютъ очень видное мѣсто. Но обѣ господствующія религіи отвергаютъ за ними право на самостоятельную роль. Реформы, выдвинутыя ими на очередь, могутъ быть осуществлены лишь при содѣйствіи индусовъ и мусульманъ. Нельзя безъ волненія наблюдать, какъ со всѣхъ сторонъ воздвигаются препятствія на пути этой даровитой, симпатичной и поистинѣ неукротимой расы. Какая судьба ждетъ ее?

Въ то же время сами парсы какъ бы намѣренно еще усиливаютъ трудности своего положенія. Они могли бы привлечь на свою сторону группу выдающихся людей, благородныхъ и возвышенныхъ умовъ. Но ихъ вожди противъ этого. Парсомъ родятся, а не дѣлаются. Разумѣется, подобная мысль для религіи—самоубійство.

Если дѣло пойдетъ тѣмъ же путемъ и дальше, то прогрессъ просвѣщенія и растущаго благосостоянія индусовъ, черезъ 50—100 лѣтъ, низведетъ парсовъ до ничтожной группы, съ которой уже никто не будетъ считаться. Лишь исторія объ ихъ славномъ прошломъ да эти загадочныя Башни Молчанія будутъ привлекать вниманіе къ нимъ.

Въ Бомбей, въ одной изъ живописнѣйшихъ частей города, на Малабаръ Гиллѣ, возвышающемся надъ горными склонами, можно видѣть поднимающіяся среди пальмъ и цвѣтущихъ садовъ круглыя башни, лишенные всякихъ архитектурныхъ украшеній, вѣющія какой-то таинственностью. Въ опредѣленные часы тамъ слышатся безконечно грустные мелодіи, и тогда со всѣхъ сторонъ слетаются

птицы; все ближе и ближе подвигаются онѣ къ башнямъ, останавливаются, прячась въ пальмахъ, и какъ будто ждутъ. Да, онѣ дѣйствительно ждутъ. Молчаливо и печально онѣ слѣдятъ за совершающеюся похоронной церемоніей. Затѣмъ, точно по сигналу, все онѣ взлетаютъ. Это коршуны, могильщики погребальной церемоніи. Послѣ молитвъ и пѣснопѣній тѣла выставляются подъ открытымъ небомъ. Кровь стекаетъ по длиннымъ трубамъ въ море; тѣло же пожирается слетѣвшими хищниками. Затѣмъ они улетаютъ и разсѣиваются по сосѣднимъ деревьямъ, эти зловѣщіе стражи смерти.

Фактъ, что эти таинственныя башни, съ ихъ мрачной обстановкой до сихъ поръ могли сохраниться среди сутолоки и шума жизни, окружающихъ ихъ со всеѣхъ сторонъ, служить прекраснымъ образчикомъ терпимости англичанъ. Нѣкогда, въ самомъ началѣ существованія Бомбея, Малабаръ Гилль былъ пустынной деревней. Въ настоящее время въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него чувствуется уже вѣяніе утонченной роскоши столицы западной Индіи. Въ печати началась агитація, требующая слома этихъ башенъ и устройства на другомъ мѣстѣ крематоріевъ. Парсы негодуютъ по этому поводу. Англійская администрація не сдастся. Долго ли она еще въ состояніи будетъ сопротивляться этой агитаціи?

Наконецъ, укажемъ и на новый элементъ въ Индіи—на христіанъ. Говорю—„новый“, потому что проповѣдь христіанства въ Индіи не насчитываетъ и ста лѣтъ. Можно ли назвать этотъ элементъ и достаточно вліятельнымъ? Пока это сомнительно. Христіанъ насчитываютъ около 3 милліоновъ; изъ нихъ 2.600.000 рождены въ Индіи. По вѣроисповѣданіямъ они раздѣляются на 970.000 протестантовъ и 1.100.000 католиковъ, къ которымъ слѣдуетъ еще прибавить 570.000 сирійцевъ. По болѣе подробнымъ рубрикамъ статистика христіанскаго населенія будетъ слѣдующая: чистые римско-католики ($\frac{2}{5}$ всего числа); сирійскіе римско-католики, которые признаютъ палу, но молятся и отправляютъ богослуженіе на сирійскомъ, а не на латинскомъ языкѣ ($\frac{1}{8}$); англиканцы ($\frac{1}{9}$); сирійскіе якобиты ($\frac{1}{11}$); баптисты ($\frac{1}{12}$). Затѣмъ слѣдуютъ лютеране ($\frac{6}{10}$), методисты ($\frac{21}{20}$), пресвитеріане ($\frac{11}{20}$). Два милліона изъ числа этихъ христіанъ, главнымъ образомъ католики, живутъ въ Мадрасской провинціи и въ туземныхъ государствахъ Малабара. Большая часть сирійцевъ сосредоточена въ туземныхъ

государствахъ Траваннора и Кочинъ. Въ Траванкорѣ христіане составляютъ 25⁰/₀ всего населенія. Христіанская проповѣдь началась, очевидно, въ Мадрасѣ и на югѣ. Съ 1891 по 1901 г. было обращено въ христіанскую религію 640.000 душъ, при чемъ 380.000 изъ нихъ приняли протестантство.

Христіанская проповѣдь въ Индіи носила тотъ же характеръ, какой она когда-то носила въ императорскомъ Римѣ, а недавно въ Китаѣ. Наибольшій успѣхъ она имѣла среди низшихъ и наименѣе просвѣщенныхъ слоевъ населенія. Послѣдователи христіанства рекрутируются, главнымъ образомъ, среди индусовъ и анимистовъ и очень мало среди мусульманъ. Индусъ, прошедшій школу, противится обращенію въ христіанство. Болѣе доступнымъ христіанской пропагандѣ онъ становится тогда, когда его постигаетъ какое-нибудь бѣдствіе; голодъ, нищета, близость смерти являются самыми вѣрными помощниками миссіонеровъ въ дѣлѣ привлеченія туземцевъ къ христіанству. Бѣдствующее населеніе отъ обращенія въ христіанство теряетъ мало, выиграть же оно можетъ много: Для низшихъ классовъ Индіи христіанство служить могучимъ орудіемъ жизненнаго благополучія. Вчерашній нищій пріобрѣтаетъ болѣе высокое положеніе, чѣмъ сынъ брамина. Онъ живетъ по сосѣдству, а иногда и въ тѣсной дружбѣ съ миссіонерами, т. - е. съ завоевателями. Его примѣръ и его успѣхъ побуждаютъ и другихъ принимать христіанство. Если бы не касты, — раньше говорили также, если бы не полигамія, но теперь это не имѣетъ значенія, — то случаи обращенія въ христіанство стали бы еще чаще. Эти обращенія, вѣроятно, стали бы массовыми, если бы конгрегация пропаганды рекомендовала миссіонерамъ методы, употребляющіеся въ Деканѣ отцомъ Беши, вступавшимъ въ сношенія съ браминами; если бы обезпечили обращеннымъ сохраненіе положенія въ ихъ кастѣ.

Позиція христіанства въ Индіи крайне ненадежна, пока оно властвуетъ лишь надъ меньшинствомъ населенія. На что можетъ рассчитывать, напр., женщина, обращенная въ христіанство, въ обществѣ, гдѣ бракъ считается единственной и конечною цѣлью? Европейцы совсѣмъ не берутъ ее замужъ, такъ какъ она туземка; индусы тоже не возмунтъ ее, такъ какъ она утратила свое положеніе въ кастѣ; туземцы низшихъ классовъ и готовы были бы жениться на ней, но за такихъ она сама не пойдетъ;

ибо она хранитъ гордое воспоминаніе о своей вышей кастѣ, къ которой принадлежала. А мужчины? Правда, школа миссіонеровъ дала имъ знанія. Это очень много. Въ Мадрасѣ христіанъ только 2,7% всего населенія. Но среди посѣщающихъ школу христіане-мужчины составляютъ 6,1%, женщины — 26,5%. Безъ сомнѣнія обращеніе въ христіанство, съ помощью протестантскихъ или католическихъ миссіонеровъ, увеличиваетъ ихъ шансы на лучшее положеніе. Но почти всѣ они становятся не болѣе богаты, а только менѣе жалки. Нѣсколько большая зажиточность влечетъ за собой увеличеніе потребностей и прихотей; они начинаютъ свободнѣе расходовать свои средства, начинаютъ пить, ибо новая религія не запрещаетъ потребленія ни вина, ни алкоголя. Все настроеніе, всѣ привычки ихъ мѣняются. Они освобождаются отъ строгихъ правилъ своей прежней религіи, но не подчиняются всѣмъ предписаніямъ новой. Вскорѣ они убѣждаются, что во многихъ отношеніяхъ христіанская религія существуетъ лишь на словахъ, въ теоріи, не оказывая никакого вліянія на нашу практическую жизнь. Единственные изъ проповѣдниковъ, явившихся изъ отдаленныхъ странъ, несущіе туземцамъ, съ точки зрѣнія вѣчности, неоспоримое благо, это американскіе миссіонеры, баптисты, для которыхъ религія дѣйствительно служитъ источникомъ живого дѣла. Они воспитываютъ обращенныхъ въ духѣ личной независимости, самоопредѣленія, дѣйственной энергіи. Можетъ-быть, сознательная цѣль баптистской пропаганды и не такова, но таковы ея результаты. И англичане спрашиваютъ себя съ нѣкоторой тревогой, не для подготовленія ли этой постепенной (а порой и стѣсняющей) эмансипаціи туземцевъ открыли они такой широкій просторъ для дѣятельности миссіонеровъ всѣхъ странъ.

Для французовъ пріятно отмѣтить, что среди *Padri*, какъ называютъ миссіонеровъ, нѣтъ людей, которые вызвали бы въ англичанахъ большее удивленіе и восхищеніе, чѣмъ французскіе миссіонеры. Причина этого не въ проповѣдуемой ими религіи. На этотъ счетъ у англичанъ сложился вполне опредѣленный взглядъ. Со стороны вліянія, оказываемаго религіей на выработку характера сильной личности, они протестантизмъ считаютъ выше католицизма. Но они уважаютъ французовъ за образъ ихъ жизни, за лишения, съ которыми они легко примиряются.

Когда они обращаются къ бюджету и видятъ, какія прибыльныя должности занимаютъ члены Общества для распространенія Евангелія или американскіе баптисты ¹⁾, комфортъ, которымъ они окружаютъ себя, жалованье въ 400—500 ф. стерл., 10 ф. ст. добавочнаго содержанія на каждаго ребенка, роскошныя жилища, лошадей, кареты и т. п. и, сравнивая все это благополучіе съ 30 рупіями ежемѣсячнаго содержанія французскихъ миссіонеровъ ²⁾, съ ихъ скуднымъ питаніемъ, жалкими жилищами, англичане жалуются, что представители ихъ расы не одарены такими же спартанскими привычками, и проникаются симпатіей и уваженіемъ къ французамъ.

Нерѣдко англичане оказываютъ французскимъ миссіонерамъ поддержку въ случаѣ нужды. Имъ чужды духъ узкаго сектантства. Они выдаютъ субсидіи ихъ школамъ (grants in aid), назначаютъ ихъ на должности въ арміи, въ городѣ и т. д. съ приличнымъ содержаніемъ. И обѣ стороны обыкновенно довольны другъ другомъ.

Заканчивая свою экскурсію въ область религій, существующихъ въ Индіи, я хотѣлъ бы сдѣлать общее заключеніе.

Разсмотрѣнныя нами религіи, какъ можно было замѣтить, представляютъ крайне рѣзкія отличія. Исламъ и индуизмъ—столько же религіи, сколько и социальныя организаци. Какъ религіи, они требуютъ отъ своихъ послѣдователей прежде всего выполненія внѣшней обрядности. Напротивъ, буддизмъ (отчасти, какъ и христіанство) есть прежде всего моральный кодексъ. Это—религія безъ Бога, но она не можетъ быть исповѣдуема безъ предварительнаго личнаго самоусовершенствованія.

Съ другой стороны индуизмъ, и почти въ той же мѣрѣ, но по инымъ причинамъ, буддизмъ—религіи, убивающія

¹⁾ Въ Индіи есть еще много другихъ протестантскихъ миссій: Базельская миссія, Церковно-миссіонерское общество, Лондонская баптистская миссія и проч., которыя преслѣдуютъ и воспитательныя и религіозныя задачи. На одно только воспитаніе онѣ расходуютъ дѣйствительно огромныя суммы, и правительство выдаетъ имъ субсидіи.

²⁾ Я говорю только о французскихъ миссіонерахъ. Іезуиты (итальянцы и нѣмцы) находятся совсѣмъ въ иномъ положеніи. Іезуиты Агры и Лукнова, напр., пришедшіе въ Индію во времена могольскихъ царей, 300—400 лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ съ архитекторами, которые, можетъ-быть, и были творцами любопытныхъ и даже замѣчательныхъ зданій, владѣютъ рентою, землями, фабриками и ведутъ жизнь знатныхъ сенборовъ.

человѣческую энергію. Буддизмъ гибнетъ, увлекаясь постройкой пагодъ для увеличенія своихъ заслугъ. Онъ преклоняется передъ мудростью учителя и видитъ въ нищенствѣ легчайшій путь для подражанія ему. Иной богатъ, наживъ огромное состояніе, отказывается отъ него и становится отшельникомъ. Вегетеріанскій режимъ, подъ расслабляющимъ небомъ, аскетизмъ и сопровождающее его истощеніе, а съ другой стороны—расточительность, которою сопровождается обрядность этихъ религій (расходы на праздникъ мертвыхъ, похороны, браки и проч.), превращаютъ человѣка въ апатичное, неподвижное, безнечное существо.

Естественно было бы думать, что британское правительство, вполне освѣдомленное о такомъ положеніи дѣлъ, ведетъ въ Индіи опредѣленную религіозную политику; оно и дѣйствительно ведетъ ее, если только въ нейтральности и терпимости, кромѣ извѣстныхъ философскихъ тенденцій, можно усмотрѣть какую-нибудь политическую программу. Правительство воздерживается отъ вмѣшательства въ религіозную жизнь. Государственная школа нейтральна; таковой она и должна быть. Безъ всякой боязни въ ней могли бы вмѣстѣ сойтись индусы, мусульмане, христіане, не рискуя встрѣтить тамъ ничего такого, что могло бы оскорбить ихъ религіозное чувство. Правительство предоставляетъ каждой изъ религій самой заботиться о своемъ упроченіи и объ организаціи религіознаго воспитанія и миссіонерской дѣятельности. Оно удивляется и, пожалуй, даже скорбитъ, что онѣ не пользуются этой возможностью ¹⁾. Своимъ долгомъ оно признаетъ—уваженіе къ существующему порядку; съ этимъ долгомъ оно связываетъ соображенія, формулируемыя въ изреченіи: *Quia non movere*. Религія имѣетъ страшную власть надъ умами. Поэтому правительство держится благоразумной осторожности. Но въ душѣ оно предпочло бы поддержать эту власть ²⁾.

¹⁾ Въ 1905 г. на эту тему была произнесена рѣчь лордомъ Ампитилемъ, губернаторомъ Мадраса въ Раджамундри передъ *Godavari Hindu Religions Samajam*. Но рѣчь эта отчасти оказалась безцѣльной, потому что въ школѣ нельзя было бы заниматься преподаваніемъ религіи.

²⁾ См. дальше кн. II, гл. III, Земледѣльческіе классы и поземельный строй, *Land alienation act 1900 г.* въ Пенджабѣ. Препятствія, поставляемыя закономъ безусловному отчужденію земли, устраняются, какъ только дѣло коснется отчужденія (даровія между живыми) для религіозныхъ или благотворительныхъ цѣлей.

Тѣмъ не менѣе своей религіозной политикой правительство не снискало благодарности вѣрныхъ послѣдователей разныхъ религій. Ибо въ своей нейтральности и индифферентизмѣ оно настолько прямолинейно, что остается безучастнымъ даже къ явно отрицательнымъ явленіямъ въ этой области и во имя свободы терпимо относится къ „интриганамъ, плодящимъ недоразумѣнія между основными религіями и соперничающими съ ними сектантскими толками“. „Такимъ образомъ, говоритъ одинъ свѣдущій чиновникъ, наша политика не оцѣнена. Наименѣе благородная часть заинтересованныхъ элементовъ говоритъ, что въ нашихъ интересахъ поддерживать чувства взаимной нетерпимости между индусами и мусульманами и этимъ путемъ дать почувствовать враждующимъ сторонамъ необходимость нашего нейтральнаго господства“.

Эта нейтральность доходила до того, что одно время христіанскимъ миссіонерамъ былъ закрытъ доступъ въ Индію. Въ теченіе долгаго времени до 1813 г. къ миссіонерамъ, къ проповѣди евангелія, къ воспитанію массъ относились не особенно любезно. Первый лордъ Минто изгналъ восемь миссіонеровъ и считался въ нѣкоторомъ родѣ антихристомъ. Еще въ 1835 г. Маколей писалъ: „Мы воздерживаемся и, надѣюсь, всегда будемъ воздерживаться отъ какого бы то ни было государственнаго покровительства лицамъ, поставившимъ себѣ задачей обращеніе туземцевъ въ христіанство“.

Въ настоящее время, подъ вліяніемъ непреодолимыхъ обстоятельствъ, пришлось отказаться отъ этого крайняго индифферентизма. Представители разнообразныхъ европейскихъ вѣроисповѣданій получили доступъ въ страну и пользуются извѣстной поддержкой со стороны администраціи. Но позиція, занятая англо-индійскимъ правительствомъ въ религіозномъ вопросѣ, настолько осторожна и ясна, что обѣ основныя религіозныя группы мѣстнаго населенія—мусульмане и, въ минуты искренней откровенности, индусы—не могутъ не признать полное безпристрастіе и справедливость религіозной политики правительства; они чувствуютъ себя въ британской Индіи столь же свободными въ исповѣданіи своей вѣры и въ исполненіи ея обрядовъ, какъ и въ областяхъ, управляемыхъ единовѣрными имъ туземными князьями.

Примѣчанія.

Прим. А (къ стр. 48): *Багавадъ-Гита*.

Багавадъ-Гита (*Bhagavad Gita*), «Пѣснь обожаемаго» представляет собою Библию, Коранъ индусовъ. Происхождение ея относятъ ко времени за 2—3 тысячи лѣтъ до нашей эры. Авторомъ ея былъ браминъ, который для сообщенія большей авторитетности своимъ идеямъ освятилъ ихъ именемъ Бога и помѣстилъ произведеніе свое въ *Махабгарату*. Это поэма въ 700 съ лишнимъ строфъ, раздѣленныхъ на 18 пѣсень. Она имѣла огромнѣйшее число комментаторовъ. Каждый изъ нихъ находилъ въ ней особые содержаніе и смыслъ. Поэма служитъ настольной книгой для чтенія, размышленія и толкованія. Она и теперь является источникомъ высшаго религіознаго воодушевленія и вызываетъ попытки къ новымъ интерпретаціямъ.

Багавадъ Гита, вставленная въ *Махабгарату* (что значитъ великая [война] Барута), тѣсно связана по своему содержанію съ войной. Это—«рѣчь на полѣ битвы». Племя куру и племя панду рѣшили вести войну. Собрался цвѣтъ рыцарства, кшатрии. Арджуна, вождь одной изъ армій, остановился между двумя лагерьми и задумался. Но вотъ онъ заговорилъ: «Слѣдуетъ ли мнѣ начинать битву, которая принесетъ обѣимъ сторонамъ лишь горе и слезы?». Арджуна никогда не задумывался надъ послѣдствіями войны. Биться съ врагомъ—священный долгъ. Но кровавый ужасъ этого долга испугалъ его. То, что онъ до сихъ поръ признавалъ долгомъ, теперь кажется ему преступленіемъ.

Въ этотъ моментъ появляется *Сри-Кришна*. Кришна—это одно изъ воплощеній Вишну.

Вишну при каждомъ своемъ воплощеніи (*avatars; avatara* — значитъ сошествіе) выходитъ изъ своего мистическаго сна и уже тѣмъ самымъ возрождается въ новомъ существѣ. «Каждый разъ, какъ религія оказывается въ опасности и торжествуетъ нечестіе, я воплощаюсь. Для защиты добрыхъ и наказанія злыхъ, для утвержденія справедливости, я съ каждымъ вѣкомъ вновь появляюсь видимый». Эта доктрина примиряетъ монотеизмъ, защищаемый просвѣщенными элементами, съ политеизмомъ, выражающимся въ послѣдовательныхъ воплощеніяхъ и удовлетворяющимъ массу.

Кришна представляет собою здѣсь тотъ божественный духъ, то моральное сознаніе, которое бодрствуетъ въ насъ и надъ нами и старается спасти насъ вопреки намъ самимъ. Онъ не отвѣчаетъ непосредственно на вышеприведенное восклицаніе Арджуна. Въмѣсто того, чтобы повелѣть ему исполнить свой долгъ, онъ доводитъ его до сознанія необходимости его исполненія постановкой цѣлаго ряда вопросовъ: Кто я? Что долженъ я сдѣлать? На что я могу надѣяться?

Первый вопросъ служитъ поводомъ къ длинному разсужденію объ *Его* и *Non-Его*, *Я* и *не-Я*, о теоріи познанія, о мірѣ матеріальномъ и мірѣ духовномъ, о томъ, отличны ли одинъ отъ другого; наконецъ, о томъ, что можетъ дать человѣческое познаніе и каковы его границы. «Кто я?» — спрашиваетъ Арджуна. «Ты, — отвѣчаетъ Кришна, — самъ вѣчный и Высшій Духъ. Онъ не рожденъ и безсмертенъ; разъ появившись, онъ живетъ вѣчно; несотворенный,

пзвѣчный, неистребимый, онъ не уничтожается съ разрушеніемъ тѣла. Вселенная и Высшій Духъ едины суть и тождественны; чело-вѣкъ, индивидуальная душа тождественна съ высшей душой».

Узнавъ, кто онъ есть, Арджуна продолжаетъ: «Что долженъ я дѣлать?»—«Ты долженъ дѣйствовать».

Здѣсь авторъ хочетъ, повидному, органически связать доктрины, признававшіяся до сихъ поръ прямо противоположными другъ другу: одинъ лишь путь ведетъ къ истинѣ, всѣ пути хороши. «Если вы не можете вѣрить,—говоритъ одинъ новѣйшій комментаторъ,—что Богъ одинъ и все могъ самъ сотворить, въ такомъ случаѣ вѣрите въ существованіе нѣсколькихъ боговъ, но эти боги будутъ лишь проявленіями единого Бога». Вы можете исповѣдывать вѣру одною мыслью (buddhi yoga); но вы можете исповѣдывать вѣру другою также и дѣлами (karma yoga). И доктрина Yoga сама можетъ быть примирена съ доктриной вѣры (Bhakti) въ Кришну и слѣпой преданностью обязанностямъ касты (dharma). Дѣйствительно, Кришна опредѣлилъ кастовыя обязанности въ зависимости отъ поступковъ и заслугъ, а не отъ рожденія. И изъ словъ Кришны комментаторы дѣлали еще другія примирительныя заключенія.

«Итакъ, дѣйствуй,—говоритъ онъ.—Но знай, что выше жертвы вещественной, жертвы матеріальной, стоитъ жертва духовная. Цѣлый міръ дѣйствія таится въ духовномъ познаніи. Поэтому стремись къ познанію путемъ смиренія, вопрошенія или служенія: мудрецъ, созерцающій истину, научитъ тебя познанію ея.

«Вслѣдъ за дѣйствіемъ наступаетъ покой; но не покой лѣни, а покой размысленія. Самый совершенный изъ размысляющихъ есть Муні, отшельникъ, который вдали отъ людей отрекается отъ благъ міра, отъ самой надежды, и до того обуздываетъ свой духъ, что мысль его останавливается въ ожиданіи блаженнаго часа, когда онъ исчезнетъ въ безконечномъ Брамѣ. Истинное духовное познаніе приведетъ тебя къ созерцанію всей вселенной въ самомъ тебѣ и, въ концѣ концовъ, приведетъ въ область высшей души, которая проникаетъ собою всю вселенную.

«Итакъ, между тобою и вселенной полное тождество. Поэтому исполненіе долга по отношенію ко вселенной сводится къ исполненію долга по отношенію къ самому себѣ. Впрочемъ, ты знаешь свой долгъ. Ты сознаешь его въ теченіе всей долгой жизни твоей, на каждомъ шагѣ. Исполни же его; дѣйствуй. Ты изъ касты воиновъ; твой кастовый долгъ — биться на полѣ брани. Бездѣйствіе, помимо того, что оно невозможно, оно и безнравственно».

«Но,—говоритъ Арджуна,—когда я начну дѣйствовать, на что я долженъ надѣяться?». Кришна отвѣчаетъ: «Тотъ, кто достигъ истиннаго знанія и кто господствуетъ надъ своими желаніями и исполняетъ свой долгъ, достигнетъ вѣчнаго мира, вѣчнаго покоя, безмятежности духа. Человѣкъ, который, отбросивъ всѣ желанія, живетъ жизнью свободной отъ привязанностей, отъ эгоизма, отъ того, что его и не его,—такой человѣкъ добываетъ безмятежности. Это состояніе брамы; кто достигаетъ его, никогда не испытываетъ разочарованія; кто доходитъ до его послѣдняго предѣла, обрѣтаетъ состояніе совершеннаго блаженства.

«Поэтому исполняй свой долгъ, не заботясь о послѣдствіяхъ. Всякое дѣяніе хорошо само по себѣ. Хорошъ или дуренъ лишь мотивъ, побуждающій къ нему. Когда нѣтъ мотива (causa),

дѣяніе хорошо само по себѣ: оно есть долгъ. Лишь бы выполненіе его не подсказывалось желаніемъ, надеждой на награду (phala, плодъ).

«Тогда побѣждены будутъ невѣдѣніе и желаніе. Что же можетъ возмутить духъ? Ничто. Это высшее благо: и санкція и награда въ одно и то же время.

«Но, если тебѣ не удастся достигнуть этого блага, тогда тебя постигаетъ санкція и наказаніе. Это наказаніе является подъ видомъ вѣчныхъ иллюзій, непрерывной цѣпи рожденій и возрожденій, скорбей и страданій, обманчивыхъ удовольствій и тяжелыхъ мукъ. Человѣкъ есть созданіе своихъ мыслей, дѣяній и желаній».

Заключеніе состоитъ въ томъ, что высшее благо въ изчезновеніи въ Брамѣ. Это, впрочемъ, заключеніе, которое одинаково принимается и буддизмомъ и браманизмомъ. Буддисты-бирманцы называютъ это состояніе *Nebhan*; индусы — *Nigvāna*; это состояніе души, угасшей, подобно лампадѣ, въ которой истощилось масло. Одинъ индійскій текстъ, *Bṛihadāgama* уака, говоритъ: «когда мы вступаемъ въ область божественнаго духа, то съ нами происходитъ то же, что и съ кускомъ соли, брошеннымъ въ море: онъ растворяется въ водѣ (изъ которой онъ былъ извлеченъ) и уже нѣтъ возможности выдѣлить его изъ нея».

Прим. В (къ стр. 48): *Паломничества*.

Паломничества, какъ и въ католической религіи, не обязательны. Но въ исламѣ, напр., они служатъ и средствомъ удовлетворенія интимныхъ движеній совѣсти и путемъ къ возвышенію въ глазахъ окружающихъ. Есть мѣста паломничества, извѣстныя лишь жителямъ даннаго округа, даннаго селенія, и ими лишь посѣщаемыя, и мѣста для областныхъ и національныхъ паломничествъ. Национальныя паломничества совершаются въ Бенаресѣ, областныя — въ Пури, Хердворѣ, Тричинапали, Чандодѣ (въ Гуджератѣ, на Норбуддѣ), Насикъ и Бандхарпурѣ (въ землѣ маратовъ, на Бимѣ).

Привлекаютъ паломниковъ обыкновенно рѣки. Ихъ струями омываются грѣхи цѣлой жизни. Нѣкоторыя изъ этихъ рѣкъ считаются священными только до опредѣленнаго пункта своего теченія; таковы: Гангъ, Джумна, Кришна, Годавери, Кавери и др. Нѣтъ ни одного индуса, который бы не совершилъ одного или нѣсколькихъ паломничествъ.

Къ тому, что я уже говорилъ о Бенаресѣ, мнѣ нечего прибавить (см. стр. 23).

Хердуаръ на верхнемъ Гангѣ знаменитъ тѣмъ, что на одной изъ скалъ, окаймляющихъ рѣку, находится отпочатокъ ступни Вишну. Страшная давка происходитъ между паломниками изъ-за того, чтобы первому коснуться этого священнаго слѣда. Сто лѣтъ тому назадъ во время такой давки было задавлено 400 человѣкъ. Послѣ этого правительство построило великолѣпныя лѣстницы, ведущія къ рѣкѣ. Въ безчисленномъ количествѣ паломники купаются, моются въ Гангѣ, пьютъ изъ него. Между тѣмъ, вода Ганга заражена холерной бактеріей, и этотъ страшный бичъ сталъ эндемической болѣзью въ окрестностяхъ рѣки. Теперь, стѣснивъ русло этой рѣки, ускорили теченіе ея, такъ что вода ея обновляется быстрее, и потому становится болѣе чистой, хотя и не менѣе опасной.

Въ Пури поклоняются знаменитому Джаггернауту. У этого Джаггернаута есть враги, — не среди европейцевъ, изъ которыхъ едва ли всѣ въ правѣ съ презрѣніемъ относиться къ идоламъ, но

среди самих туземцевъ, какъ кумбупатин. Эта секта, распространенная въ Ориссъ и въ Центральныхъ Провинціяхъ, враждебная идолопоклонству, пыталась двадцать лѣтъ тому назадъ сжечь идола, надѣясь этимъ излѣчить индусовъ отъ поклоненія фетишу, оказавшемуся безсильнымъ защитить самого себя. Но это не удалось, и ненавистный имъ культъ поддерживается еще съ большей энергіей, чѣмъ прежде. Тутъ собирается огромная толпа пищихъ, прокаженныхъ, фанатиковъ. Все населеніе находится подъ господствующимъ вліяніемъ священниковъ и факировъ. Каждый годъ въ Пури прибываютъ сотни тысячъ паломниковъ. Число прибывающихъ доходитъ до 15.000 въ мѣсяцъ, не считая мѣстныхъ жителей. Бываютъ дни, когда скопляется до 100.000 народа. Въ южную и центральную части Индіи рассылаются священниками, рестораторами или проводниками специальные агенты (*pandas*), которые и рекрутируютъ паломниковъ. Когда прибываетъ корабль или караванъ съ паломниками, каждый уже заранее спѣшитъ разобрать ихъ на расхватъ. Проводники и содержатели отелей ведутъ правильные списки и смотрятъ на паломниковъ, какъ на свою добычу, которую они, въ случаѣ надобности, загоняютъ къ себѣ силою. «Вы—ко мнѣ. Въ прошлый разъ вы у меня останавливались; нашъ отецъ былъ моимъ гостемъ, гостемъ моего отца». Эти сцены я наблюдалъ только въ Пури. Тамъ и искусство и религія одинаково грубы.

Насикъ—мѣсто паломничества высшихъ классовъ, а Бандхарпуръ—простонародья. Ежегодно туда стекается отъ 100 до 200 тысячъ человекъ. Тамъ поклоняются опредѣленному богу—Витхоба. Это—поклоненіе личному богу, которое Моніеръ Вильямъ называетъ единственно истинной религіей индійскаго народа,—в айшавизмъ.

Эти паломничества доставляютъ иногда правительству не мало хлопотъ. Мы можемъ составить себѣ о нихъ нѣкоторое представленіе въ Алжирѣ на примѣрѣ паломничества въ Мекку. Въ Хардуарѣ, напр., существуетъ большой праздникъ (*fair*, ярмарка), который бываетъ только разъ въ 12 лѣтъ въ концѣ марта и въ началѣ апрѣля. Это праздникъ Кумо Мела. Цѣлое населеніе прибываетъ сюда омыться въ священной водѣ—отъ 200 до 250, а иногда и до 400 тысячъ человекъ. Они приходятъ со всѣхъ концовъ Индіи. Скопленіе въ маленькомъ мѣстечкѣ такой огромной массы людей вызываетъ цѣлый рядъ осложнений и трудностей. Приходится организовать перевозку паломниковъ по желѣзнымъ дорогамъ, принимать необходимыя мѣры предосторожности противъ распространенія чумы, холеры и т. п. (саду, эти фанатики, сопровождающіе или руководящіе толпою паломниковъ, отличаются поразительной нечистоплотностью); наконецъ, обезпечить сохраненіе общественнаго порядка (сдерживать соперничество сектъ, разрѣшать тяжбы, дисциплинировать опасные элементы) и проч. Это—тяжелое и непріятное время для мѣстной администраціи.

4. Каста.

Каста представляет собою самое крупное социальное явление въ Индіи. Несмотря на нападкы, вызываемыя ея правилами, часто забавными; несмотря на послѣдствія ея, иногда чрезвычайно тягостныя, институтъ касты остается непоколебимымъ. Противники ея исчезаютъ одинъ за другимъ. Она обладаетъ точно неодолимой силой сопротивленія. Весь жизненный укладъ индусовъ опредѣляется господствомъ касты. Отмѣтить этотъ фактъ и его послѣдствія значить опредѣлить сущность индійской жизни. Но прежде, чѣмъ пойти дальше, необходимо остановиться на анализѣ этого института со стороны его происхожденія, его современныхъ формъ и обнаруживаемыхъ имъ тенденцій.

Сэръ Гербертъ Рислей, который и независимо отъ высокой должности занимаемой имъ въ Индіи, можетъ быть признанъ авторитетомъ въ этомъ вопросѣ, опредѣляетъ касту слѣдующимъ образомъ: „Совокупность семей или семейныхъ группъ, носящихъ одно и то же имя, заимствуемое обыкновенно отъ опредѣленной профессіи; они приписываютъ свое происхожденіе общему предку, человѣку или богу, ведутъ одинаковый образъ жизни и какъ бы составляютъ однородную общину“. Т. Gait, принимавшій широкое участіе въ народной переписи 1901 г., къ этому опредѣленію прибавляетъ еще два необходимыхъ элемента. Одинъ—это вмѣшательство общественнаго мнѣнія (или, точнѣе, лицъ, пользующихся общепризнаннымъ авторитетомъ), санкціонирующаго право членовъ на принадлежность ихъ къ кастѣ, къ ея составу, и опредѣляющаго степень дѣйствительнаго единства и однородности общины, составляемой всей совокупностью членовъ данной касты. Второй элементъ—это привилегія и обязанность вступать въ брачныя союзы только съ членами своей касты.

Другіе авторы къ этому прибавляютъ еще новыя характерныя особенности: поклоненіе одному и тому же божеству, входящему въ составъ индійскаго пантеона, и возможность, по крайней мѣрѣ въ предѣлахъ подчиненныхъ кастъ группъ, совмѣстной трапезы безъ риска оскверненія.

Эти теоретическія опредѣленія, какъ мы видимъ, нѣсколько расходятся между собой. Теоретическое понятіе

о кастѣ до сихъ поръ еще нельзя признать прочно установленнымъ. Перепись 1901 г., если и не окончательно опрокинула, то значительно пошатнула тѣ опредѣленія, которыя считались общепризнанными. Эта перепись показала, что идея касты не такъ проста, какъ это раньше думали, и, наоборотъ, отличается значительною сложностью.

Относительно происхожденія касты каждый изъ наиболѣе компетентныхъ авторовъ предлагаетъ свою особую теорію. Корни этого происхожденія видятъ то въ расѣ, отъ которой происходятъ члены касты; то во власти, отъ которой зависятъ; то въ профессіи, которой занимаются; то въ мѣстности, изъ которой вышли; то, наконецъ, въ ереси или въ религіозномъ расколѣ: какой-нибудь моралистъ, какой-нибудь чудотворецъ основываетъ новую секту; эта секта стремится образовать особую касту, а разновидность секты—подъ-касту. Въ настоящее время изъ дюжины теорій можно выдѣлить три главныхъ, на которыя дѣлится ученіе о кастѣ.

По мнѣнію Несфильда, связующимъ звеномъ касты служитъ однородность занятій, ремесла. И дѣйствительно, весьма большое число существующихъ кастъ заимствуетъ свое названіе отъ профессій, которыми обыкновенно занимаютъ ихъ члены: каста браминовъ доставляетъ священниковъ; каста агировъ снабжаетъ пастухами; каста шамаровъ — кожевниками; затѣмъ слѣдуютъ касты охотниковъ, „золотарей“, городскихъ сторожей, молочниковъ и т. д. Но на самомъ дѣлѣ мы здѣсь встрѣчаемся только съ традиціей, съ притязаніемъ, не имѣющимъ подъ собой никакого фактическаго основанія. Браминовъ находятъ не только среди священниковъ, но и среди другихъ профессій, лишь бы только онѣ не были профессіями оскверняющими. Въ Бехарѣ, напр., 80% агировъ не занимаютъ ни пастушескимъ ремесломъ, ни земледѣліемъ; среди браминовъ только 8% священниковъ, а среди шамаровъ только 8% кожевниковъ. Въ Пенджабѣ земледѣліемъ занимаютъ и джаты, грубые крестьяне, и раджпуты, аристократы, претендующіе на происхожденіе отъ солнца.

Если бы каста вела свое происхожденіе отъ общности ремесла, то она не была бы явленіемъ, исключительно присущимъ Индіи. Каста въ этомъ смыслѣ встрѣчалась и въ другихъ странахъ, напр., въ Римской имперіи, гдѣ ко-

декъ Θεодосія опредѣлить и закрѣпить на будущее время положеніе всѣхъ разрядовъ ремесленниковъ. Каждый разрядъ былъ прикрѣпленъ къ своей профессіи, и члены его могли вступать въ бракъ только со своими. Если бы ремесло дѣйствительно являлось источникомъ происхожденія касты, то въ данномъ случаѣ мы имѣли бы основные элементы системы, достигнуей позднѣе такого расцвѣта въ Индіи. Но какъ только имперія стала клониться къ упадку, вмѣстѣ съ нею рухнула и организація, искусственно созданная Θεодосіемъ. Институтъ касты встрѣчался повсюду, гдѣ общность занятій служила отличительнымъ признакомъ: на о-вахъ Фиджи, на о-вахъ Тонга, въ древнемъ Перу, гдѣ въ предѣлахъ профессиональной группы сынъ долженъ былъ наследовать своему отцу; въ древней Франціи, гдѣ корпорація представляла собою нѣкогда очень строгую организацію. Если во всѣхъ названныхъ странахъ указанная организація все-таки не привела къ образованію касты, то лишь потому, что каста имѣетъ иной источникъ происхожденія, иной смыслъ и значеніе.

По мнѣнію выдающагося французскаго изслѣдователя Сенара (Senart), каста представляетъ собою явленіе арійскаго происхожденія. Она сильно напоминаетъ другіе институты, которые встрѣчались у грековъ и римлянъ и могли привести къ образованію подобной же организаціи. Но аналогичные институты привели къ образованію касты только въ Индіи лишь потому, что политическія обстоятельства изолировали эту страну отъ остальнаго міра и устранили вліяніе внѣшнихъ элементовъ, которые у другихъ арійцевъ помѣшали свободному проявленію кастовыхъ тенденцій. Осуществленіе кастовой организаціи лишь въ Индіи не можетъ, слѣдовательно, служить аргументомъ противъ общаго основнаго положенія, утверждающаго, что каста могла получить развитіе только у арійцевъ. Но на это возражаютъ, что Индія не есть страна исключительно арійская. *Ethnographical Survey* подтверждаетъ это неопровержимыми данными. Индія включаетъ въ себѣ семь различныхъ типовъ: дравидовъ, являющихся аборигенами; индоарійцевъ; народности, родственныя монголамъ; тюрко-иранцевъ, являющихся чуждымъ, пришлымъ элементомъ; наконецъ, народности, происшедшія отъ скрещенія дравидовъ съ арійцами, монголами и скивами. Единственные слѣды чистыхъ арійцевъ находятся въ Пенджабѣ, Кашмирѣ и

въ нѣкоторыхъ частяхъ Раджпутаны. Въ Бенгаліи не встрѣчается никакихъ слѣдовъ арійскаго происхожденія: населеніе тамъ малорослое, съ темнымъ цвѣтомъ кожи и съ характерными монгольскими чертами лица. Южная часть Индіи населена аборигенами-дравидами, сильно отличающимися отъ арійцевъ. И тѣмъ не менѣе, нигдѣ кастовое устройство не имѣетъ такихъ глубокихъ и древнихъ корней, какъ именно на югѣ и въ Бенгаліи. Поэтому приходится, признать, что теорія Сенара, заключаая въ себѣ значительную долю истины, не разрѣшаетъ всѣхъ сомнѣній. Приходится искать иного источника происхожденія или, по крайней мѣрѣ, иного объясненія.

Безспорно, каста—явленіе арійскаго происхожденія; она была внушена желаніемъ обезпечить чистоту расы. Поэтому-то первоначально называлась она *вагна* (что означаетъ цвѣтъ). Этимъ учрежденіемъ имѣли въ виду предупредить смѣшеніе бѣлой расы арійцевъ съ черными аборигенами. Въ настоящее время ее называютъ *жати* (рожденіе); это заставляетъ предположить, что первоначальной цѣли—сохраненія чистоты арійскаго цвѣта—достигнуть не удалось, и что пришлось искать новаго критерія принадлежности къ кастѣ—рожденія. Это положеніе нуждается въ нѣсколько болѣе подробномъ объясненіи, и потому приходится обратиться къ отдаленнымъ временамъ исторіи Индіи.

Когда арійцы, завоеватели Индіи, писали Веды, кастовая система еще не существовала; дѣйствительно, въ Ведахъ мы не встрѣчаемъ о ней никакого упоминанія. Но она достигла полнаго развитія въ эпоху законовъ Ману. Къ промежутку между этими двумя датами и слѣдуетъ отнести процессъ ея постепеннаго образованія. Однако, въ теченіе этого періода, т.-е. вѣроятно, отъ VII вѣка передъ Р. X. и до I или II в. послѣ Р. X., кипѣла страшная борьба между браминами, или священниками, и кшатріями, или благородными воинами (дѣленія, которыя существуютъ и существовали повсюду). Побѣдителями изъ этой борьбы вышли брамины. И съ этого момента воцарилось ихъ господство, и ничто уже не могло поколебать ихъ теократической власти. Священная кэрова и божественный браминъ—обоихъ надо почитать, обоихъ кормить; таковъ догматъ вѣры каждаго индуса.

Но повелительнымъ правиломъ всякой теократіи является стремленіе сдѣлать образованность исключи-

тельными достояніемъ духовныхъ лицъ и противоудѣйствовать просвѣщенію всѣхъ остальныхъ классовъ населенія, которыхъ она старается удержать во тьмѣ невѣжества. Результаты подобной политики извѣстны: умственный застой, омертвленіе религіи; послѣдняя останавливается въ своемъ развитіи, теряетъ живую вѣру и ограничивается механическимъ выполненіемъ предписанныхъ обрядовъ. Она утрачиваетъ свою творческую силу, отворачивается отъ прогресса, страшится его. Она заглушаетъ въ странѣ даже сознание необходимости прогресса.

Эти неизбежныя послѣдствія теократіи формулированы не какимъ-нибудь атеистомъ, а убѣжденнымъ христіаниномъ—Гизо. И все это, о чемъ онъ говорилъ, мы и находимъ въ Индіи. Индуизмъ свелся къ двумъ словамъ: браминъ и корова. Средній индусъ не хочетъ знать прогресса, онъ даже боится одного упоминанія о немъ.

Установивъ это положеніе, послѣдуемъ дальше и подойдемъ къ вопросу о происхожденіи касты.

Достигнувъ столь высокаго положенія, брамины желали передать его своимъ дѣтямъ. Отсюда запрещеніе вступать въ бракъ съ лицами, не принадлежащими къ составу ихъ касты. Однако, и это запрещеніе нельзя признать явленіемъ, исключительно присущимъ Индіи. Оно было знакомо и католической Европѣ до того времени (XI в.), когда папа Григорій VII запретилъ духовнымъ вступать въ бракъ; до этого времени всѣ должности и доходы священниковъ переходили къ ихъ дѣтямъ.

Разъ брамины воспретили своимъ членамъ браки съ лицами, не принадлежащими къ ихъ кастѣ, то и другія профессиональныя корпораціи послѣдовали ихъ примѣру. Такъ какъ брамины были самые могущественные люди, то всѣ неизбежно старались имъ подражать. Вслѣдствіе этого во всѣхъ классахъ общества, отъ низшихъ до высшихъ, было воспрещено передавать спеціальную професію инымъ лицамъ, кромѣ тѣхъ, которые ею занимались, а также вступать въ бракъ съ лицами, не принадлежавшими къ той же профессиональной корпораціи. Нѣкоторыя профессиональныя корпораціи, имѣющія слишкомъ широкія границы, какъ, на примѣръ, корпорація земледѣльская, были вынуждены ограничивать заключеніе брачныхъ союзовъ даже кругомъ земледѣльцевъ определенной области. Это повело къ новымъ подраздѣленіямъ. Населеніе дробилось по профессіямъ и по терри-

торіямъ. Эти новыя группировки мало-по-малу превращались въ новыя касты.

Таковъ рядъ логически обоснованныхъ и вполне вѣроятныхъ гипотезъ о происхожденіи кастъ. Однако, и онѣ не даютъ исчерпывающаго объясненія разсматриваемаго явленія. Браминны, желавшіе обезпечить себѣ выгоды своего привилегированнаго положенія и передать ихъ своимъ сыновьямъ, не нуждались въ строгихъ правилахъ, регламентирующихъ ихъ брачныя союзы. Какого бы происхожденія ни были женщины, которыхъ они брали себѣ въ жены, къ ихъ сыновьямъ тѣ же самыя привилегіи переходили по наслѣдству.

Тутъ приходится уже новый факторъ, ослабляющій исключительную строгость кастовыхъ правилъ о бракахъ. Главную цѣлью этихъ правилъ было сохраненіе чистоты благородной арійской крови. Браки съ женщинами другихъ расъ (дравидскихъ, коларіанскихъ и т. п.) скоро понизили бы цѣнность арійскаго происхожденія. Поэтому было рѣшено выбирать женъ по возможности среди женщинъ арійской крови. Желательность выбирать арійскихъ женщинъ превратилась позднѣе въ необходимость вслѣдствіе формальнаго запрещенія жениться на другихъ женщинахъ. Но это запрещеніе столкнулось съ препятствіями мѣстнаго характера, помѣшавшими однообразному и всеобщему примѣненію запретительной нормы. Браки съ дѣвушками исключительно арійской крови возможны были на сѣверѣ Индіи, гдѣ арійцы осѣли въ значительномъ числѣ. Но арійцамъ, передвинувшимся дальше на югъ, женщины сопутствовали очень рѣдко. Поселившись среди дравидовъ, они неизбѣжно должны были вступать въ бракъ съ ихъ дочерьми. Это, конечно, портило чистоту арійскаго типа, которымъ они такъ гордились. Но прежде всего нужно было удовлетворить повелительныя требованія жизни, а затѣмъ уже создавать обязательныя для нея нормы. Какъ только путемъ этихъ скрещеній арійцы численно умножились на югѣ и приобрѣли достаточно сильный контингентъ женщинъ, они рѣшили по примѣру своихъ отцовъ на сѣверѣ, воспретить смѣшанные браки, съ которыми сами они раньше должны были мириться, и въ свою очередь выработали строгій по своей исключительности брачный кодексъ.

Эту теорію, принадлежащую сэру Г. Рислею, слѣдуетъ признать достаточно удовлетворительной. Повсюду завоеватели на первыхъ порахъ находятъ себя вынужденными

вступать въ браки съ женщинами завоеванной страны. Но, какъ только наступаютъ благоприятныя для того время и обстоятельства, они запрещаютъ своимъ дочерямъ выходить замужъ за сыновей покореннаго народа. Они сохраняютъ ихъ для представителей своей собственной расы. Отсюда среди населенія, находившагося на пути къ слиянію въ одно цѣлое, выдѣляется особая группа съ привилегіей „эндогаміи“ и „гипергаміи“. Если завоеватели и завоеванные принадлежатъ къ одной и той же расѣ, то привилегія быстро исчезаетъ, и слияніе въ одинъ общій союзъ возстановляется. Если же они различаются и по расѣ и по цвѣту кожи, и если завоеватели имѣютъ свои средства для продолженія и сохраненія рода, тогда образуются двѣ расы: одна чистокровная, другая—смѣшанной крови; между ними вскорѣ создается цѣлый рядъ перегородокъ, особенно въ области брака. Подобный процессъ наблюдался въ Сосдиненныхъ Штатахъ, въ Канадѣ, въ Мексикѣ, у индійскихъ евразійцевъ. Этотъ *jus connubii* можетъ непосредственно привести къ образованію кастъ.

Тутъ дѣйствуютъ и фактъ и принципъ. Группы населенія, различающіяся по языку, по территоріи, по обычаямъ, по занятіямъ, легко свыкаются съ мыслью о взаимной отчужденности—таковъ фактъ; онѣ утверждаются въ сознаніи обязательности этой взаимной отчужденности—это принципъ. Подобная идея могла и должна была получить господство среди такихъ народовъ, какъ индійцы, съ ихъ созерцательнымъ настроеніемъ, склонностью къ проведенію тонкихъ и дробныхъ подраздѣленій и отличій, чрезмѣрнымъ преклоненіемъ передъ всякой традиціей и съ ихъ изумительной способностью къ усвоенію обычаевъ, прививаемыхъ имъ другими народами. То, что вначалѣ было лишь мѣрой необходимой защиты чистоты крови, у такого народа возводится на степенъ религіозной, соціальной и политической системы—касты ¹⁾.

¹⁾ Багавадъ-Гита, помѣщенная въ Махабхаратѣ, по мнѣнію однихъ, во II в., по мнѣнію другихъ, въ VIII в. нашей эры, превозноситъ кастовыя обязанности выше всѣхъ другихъ, даже выше дружбы, выше родственной привязанности. Она, вѣроятно, была составлена въ эпоху, когда индуизмъ, проникнувъ въ среду низшихъ расъ, поставилъ въ опасное положеніе высшую расу. Явилась настоятельная необходимость въ мѣрахъ огражденія чистоты крови высшихъ классовъ населенія, удерживающихъ отъ браковъ съ низшими классами. И до сихъ поръ еще это составляетъ основной догматъ индуизма. Удивляются, что образованный и интеллигентный ин-

Въ глазахъ современнаго индуса, незнакомаго съ исторіей, каста имѣетъ неземное происхожденіе. Кто хочетъ быть индусомъ, долженъ принадлежать къ кастѣ. У кого нѣтъ своей касты, тотъ недостойнъ уваженія. У каждаго—своя каста; нѣтъ людей безъ кастъ. Собственно говоря, людей внѣ кастъ не существуетъ; такіе элементы не замедлятъ сейчасъ же образовать касту, временно, можетъ-быть, самую низшую изъ всѣхъ существующихъ кастъ, изъ которой, однако, не воспрещенъ выходъ. Ниже я объясню, какимъ образомъ для приобрѣтенія большаго почета, стараются проникнуть въ касту высшаго порядка.

Такова, по моему мнѣнію, логически обоснованная теорія, въ пользу которой, повидимому, говорятъ и исторія и психологія. Но противъ нея приводятъ одно возраженіе. Если каста—явленіе арійскаго происхожденія, то какъ, спрашивается, объяснить тотъ фактъ, что несомнѣнные арійцы, вродѣ жителей Пенджаба, не такъ крѣпко держатся за кастовое устройство, какъ, напримѣръ, жители Бенгалии, имѣющіе мало общаго съ арійцами? Отвѣтить на это возраженіе не трудно. Чистота крови больше всего цѣнится тамъ, гдѣ она наименѣе чиста. Пенджабъ, близко расположенный къ мѣстамъ эмиграціи и ставшій поэтому колыбелью чисто арійской общины, составленной цѣликомъ изъ чистокровныхъ арійскихъ семействъ, не нуждался въ мѣрахъ защиты цѣльности своей расы. Въ Бенгаліи же и на югѣ, гдѣ арійскіе эмигранты, поселившіеся въ небольшомъ числѣ и безъ женщинъ, вынуждены были вначалѣ вступать въ брачныя союзы съ мѣстными женщинами и примириться съ образованіемъ арійско-дравидской расы, старались, насколько только было возможно, сохранить изъ арійской крови и передать своимъ потомкамъ ту небольшую ея долю, которую они сами получили отъ своихъ отцовъ.

Учрежденіе касты въ Индіи не должно быть особенно древняго происхожденія; оно едва ли восходитъ дальше 200 лѣтъ до Р. Х. Ведическая литература не упоминаетъ о кастѣ; изъ этого можно заключить, что въ эпоху древнѣйшей индусской литературы она и не существовала. Безъ сомнѣнія, социальныя различія были уже извѣстны

дусъ такъ цѣпко держится за касту и *jus connubii*. Но онъ, защищая чистоту своей крови противъ низшихъ кастъ, поступаетъ такъ же, какъ европеецъ, который въ прежнее время могъ еще рискнуть на смѣшанный бракъ, но теперь отъ него отказывается.

въ теченіе пяти-шести вѣковъ до нашей эры. Они были основаны исключительно на различіяхъ цвѣта кожи. Аріійцы, происхожденіе отъ которыхъ являлось предметомъ гордости, хотя и были бѣлаго цвѣта, все-таки были только крестьяне. Но отъ этихъ крестьянъ, какъ отъ общаго ствола, то ловкостью, то силою, мало-по-малу отдѣлились классы, установившіе между собою извѣстную іерархію: на первомъ мѣстѣ стояли благородные или кшатрин, послѣ нихъ слѣдовали брамины; затѣмъ шли настоящіе крестьяне или вайси. Эти три категоріи дѣйствительно принадлежали къ бѣлой расѣ. Четвертая категорія—ремесленники, судра, не принадлежали къ аріійцамъ. Между этими классами должны были существовать перегородки, устранявшія возможность общей трапезы и смѣшанныхъ браковъ. Подобныя перегородки въ тѣ времена встрѣчались повсюду. Но онѣ не создавали абсолютнаго запрещенія взаимныхъ связей, и часто между членами различныхъ кастъ заключались даже брачныя союзы. Идея касты и рабскаго ей подчиненія въ то время не была еще извѣстна Индіи и рѣшительно ею отвергалась. Самого слова „каста“ не существовало.

Самый институтъ касты, если не названіе его, перенесенъ, быть-можетъ, изъ Персіи. Онъ какъ бы явился средствомъ приспособленія Индіи къ тому предполагаемому дѣленію общества на классы священниковъ, воиновъ, земледѣльцевъ и ремесленниковъ, которое мы находимъ въ священной литературѣ древней Персіи. И это дѣленіе было введено не первыми аріійскими эмигрантами,—ибо если бы это было такъ, то слѣды кастовой организаціи можно было бы найти въ Ведахъ; оно было введено значительно позднѣе, когда въ Индіи самопроизвольно зародилась извѣстнаго рода кастовая организація; когда касты уже были организованы тамъ браминами, которые, познакомившись съ иранской легендой и восхищенные исключительными привилегіями, обезпеченными священникамъ, т.-е. имъ самимъ, воспользовались этой организаціей въ своихъ личныхъ интересахъ.

Согласно древнѣйшимъ текстамъ, текстамъ Ману, вначалѣ существовали только четыре упомянутыя касты. Въ настоящее время это дѣленіе имѣетъ лишь историческій интересъ ¹⁾. Народилась масса новыхъ кастъ, въ

¹⁾ Любопытенъ, хотя и не имѣетъ важнаго соціального значенія, тотъ фактъ, что четыре первоначальныя касты: брамины,

свою очередь подраздѣлившись. Но брамины предпочитаютъ закрѣпить это воспоминаніе о первоначальномъ дѣленіи, лѣстящемъ ихъ тщеславію, потому что въ то время они были всемогущи.

Какъ и можно было предвидѣть, исполнителямъ народной переписи нелегко было опредѣлить число кастъ, возникшихъ въ настоящее время на мѣсто четырехъ первоначальныхъ. Съ каждою переписью число ихъ возрастало. Индусы нѣкогда насчитывали 101 касту. Перепись 1871 г. насчитала ихъ болѣе 400; перепись 1881 г.—864; перепись 1901 г.—2378 основныхъ (кастъ и племенъ), распредѣлявшихся между 43 расами и національностями. И всѣ эти цифры неточны. Касты съ ихъ дѣленіями и подраздѣленіями не поддаются точному исчисленію. У однихъ браминовъ имѣется 1800 подраздѣленій ¹⁾. Очень многіе индусы или сами не знаютъ или скрываютъ названіе своего племени или своей касты; они даютъ намѣренно ошибочныя или неполныя свѣдѣнія, называютъ или совершенно несуществующую касту, или составную часть касты—подкасту, секту, группу и т. д. ²⁾.

Безконечно разнятся касты по своей величинѣ. Нѣкоторые насчитываютъ милліоны членовъ, другія считаютъ ихъ только тысячами. Самыя большія по числу—касты браминовъ, насчитывающія 14.800.000 членовъ; шамаровъ (кожевниковъ)—11.000.000; затѣмъ слѣдуютъ касты раджпутовъ и агировъ—по 10.000.000 въ

кшатриі, вансіи, судра снова появляются, какъ четыре единственныя касты, правила которыхъ относительно смѣшанныхъ браковъ примѣняются къ осужденнымъ въ каторжной колоніи Портъ Блэръ (на Андаманскихъ о-вахъ).

¹⁾ См. прим. А, стр. 117.

²⁾ Какъ только возникаетъ раздоръ, каста дѣлится на двѣ части; во главѣ каждой изъ нихъ стоитъ вліятельный вождь; съ этого момента между ними прекращаются всякія сношенія, брачныя союзы; если по истеченіи короткаго времени какое-нибудь одинаково важное для обѣихъ частей обстоятельство не заставитъ ихъ вновь соединиться, то образуются двѣ обособленныя касты, и каждая изъ нихъ усвоитъ какую-нибудь отличительную черту, какъ основу новой касты. Вотъ примѣры такихъ расколовъ: въ княжествѣ Майссуръ жили Ганига, извѣстные подъ собирательнымъ именемъ Джотипана или Джотинагара, племя, дающее свѣтъ, ибо они выжимаютъ масло или торгуютъ масломъ. Но они раздѣляются на Хегганига, запрягающихъ двухъ быковъ въ мельницу; Вонтиетту Ганига, пользующихся однимъ быкомъ на мельницѣ; Кируганига, выжимаютъ масло въ деревянныхъ мельницахъ.

каждой. Только эти четыре касты составляют 16% населения Индіи. Отъ 40 до 50 кастъ имѣютъ болѣе, чѣмъ по 1 милліону членовъ. Иныя касты, какъ каста браминовъ, распространены по всей имперіи; другія ограничиваются предѣлами провинціи, округа или даже дистрикта. Касты, ограниченныя столь тѣсными предѣлами, это—племенные группы, успѣвшія,—способами, о которыхъ я буду говорить,—возвыситься до степени кастовыхъ организацій; таковы, напр., Досады ¹⁾. Есть и такія племена, которыя еще не сдѣлались кастами и не стоятъ даже на пути къ ихъ образованію; таковы: Билы, Гонды, Коли и т. д.

Когда на основаніи данныхъ, доставленныхъ переписью, занялись изслѣдованіемъ вопроса объ источникахъ происхожденія большинства кастъ, то такихъ источниковъ было насчитано семь: племя, ремесло, религіозная секта, скрещиваніе, переселеніе (отдѣленіе части населенія отъ основного ядра съ небольшимъ числомъ женщинъ), перемѣна обычаевъ. Къ этому надо прибавить касты національнаго типа, каковы: Маратты, Ахомы въ Ассамѣ или Касы въ Непалѣ, и касты, происшедшія отъ завоеванія. Объясненія требуютъ только касты послѣдней категоріи.

Когда англичане,—какъ это бываетъ и со всякимъ другимъ завоевателемъ, даже индійскимъ,—присоединяютъ къ своимъ владѣніямъ какую-нибудь новую территорію, индусы усиленно стараются причислить жителей послѣдней къ самымъ низшимъ кастамъ. Такъ поступили въ сѣверной Бенгаліи съ кочами и въ Ассамѣ съ ахомами. Но случалось и такъ, что англичане присоединяли страну, отдѣленную самой природой отъ Индіи и не вступавшую до тѣхъ поръ ни въ малѣйшее соприкосновеніе съ нею. Таковы, напр., долина Манипуръ, расположенная между Ассамомъ и Бирманіей (исповѣдующей буддизмъ). Къ жителямъ этой долины нельзя было примѣнить обычныхъ методовъ индусовъ и перечислить ихъ цѣликомъ въ низшія касты. Они сами индусы и притомъ очень горячіе—они боготворятъ Вишну. Какъ таковыя, они презираютъ касты. Они составляютъ поэтому не касту, а общество, которое, хотя и презираетъ касты, само, однако, раздѣлилось на касты: браминовъ, кшатріевъ и т. д.

¹⁾ Можно указать на нѣсколько новѣйшихъ кастъ, насчитывающихъ самое большее 150 лѣтъ существованія и имѣющихъ, однако, до 50.000 членовъ; такова каста шагирдеша въ Бенгаліи.

И это общество позволяет своимъ новымъ кастамъ вступать въ бракъ съ индусами Индіи лишь соотвѣтствующихъ, индійскихъ кастъ.

Вообще положеніе человѣка опредѣляется его рожденіемъ. Рожденный въ кастѣ въ ней и остается. Принадлежность къ кастѣ носить личный и наследственный характеръ. Нарушеніе какого-нибудь правила, не допускающее ни прощенія, ни искупленія, можетъ повлечь за собой изгнаніе изъ касты. По общему правилу вступленіе въ касту не допускается. Ни одинъ членъ какой бы то ни было касты не можетъ измѣнить своего положенія, опредѣляемаго рожденіемъ. И, однако, вопреки этому правилу, процессъ образованія кастъ не остановился; онъ продолжается. Это—процессъ, съ помощью котораго индійцы могутъ поднять свое общественное положеніе и положеніе своихъ родныхъ. У насъ также, хотя и подъ другими названіями, существуютъ касты, и мы также, хотя и иными приѣмами, мѣняемъ свое кастовое положеніе. Но это приѣмы индивидуальныя; они называются образованіемъ, воспитаніемъ, трудомъ, удачей, протекціей, интригой.

Вотъ, напр., племя въ центральной Индіи, состоящее изъ дравидовъ, людей бѣдныхъ, грубыхъ, забытыхъ, сознательно игнорируемыхъ индусами. Мало-по-малу его главные представители разбогатѣли и рѣшили смыть съ себя клеймо своего происхожденія. У нихъ является честолюбивое намѣреніе войти въ высшую касту. Они находятъ себѣ брамина (это напоминаетъ знаменитую сцену изъ романа Леона Гозлана *Aristide Froissart*), который фабрикуетъ имъ новую генеалогію и, на основаніи какого-нибудь чудеснаго факта, надлежащимъ образомъ засвидѣтельствованнаго, связываетъ ихъ происхожденіе съ такимъ знаменитымъ предкомъ, который даетъ имъ безспорное право на принадлежность къ такой высокой кастѣ, какъ, положимъ, раджпуты—самые чистокровные обитатели Индіи. Затѣмъ новоявленные псевдо-раджпуты покидаютъ свое прежнее названіе и порываютъ всякую связь со своими прежними соплеменниками.

Но имъ остается сдѣлать еще самое трудное завоеваніе; остается добиться признанія за ними со стороны тѣхъ, съ кѣмъ они считаютъ себя равными, *jus coparii*. И это имъ не легко дается. Въ то время, какъ отъ своихъ они сами ушли, чужіе ихъ не принимаютъ въ свою среду. Конечно, обладая большими богатствами, они

найдутъ возможность, чтобы выдать замужъ своихъ дочерей за какихъ-нибудь захудалыхъ раджпутровъ; но ихъ сыновья уже не найдутъ себѣ столь же достойныхъ женъ. Однако, настойчиво преслѣдуя свою задачу, они въ концѣ концовъ найдутъ какого-нибудь раджпута, столь же, какъ и они сами, подозрительнаго происхожденія, пользующагося лишь преимуществомъ большей давности подлога. Закрывъ глаза на этотъ подлогъ, они женятъ своихъ сыновей на дочеряхъ фальсифицированнаго раджпута¹⁾, давъ себѣ слово быть болѣе строгими въ выборѣ спутниковъ жизни для своихъ внучатъ. Такимъ-то способомъ, медленно, но неуклонно прокладывается путь къ высшей кастѣ, принадлежность къ которой никто не осмѣлится и не въ состояніи будетъ оспаривать у ихъ дѣтей. Это вопросъ денегъ, ловкости и времени.

Таковъ одинъ образчикъ индивидуальныхъ приѣмовъ. А вотъ и другіе примѣры. Какому-нибудь способному и умному рабочему скромной профессиональной корпораціи, члены которой, смѣшаннаго происхожденія, принадлежатъ къ самой низшей кастѣ, удастся получить образованіе и разбогатѣть. Стоитъ ему только покинуть свою мѣстность, переимѣнить занятія, и тогда ему можно будетъ переимѣнить и касту. Въ этомъ случаѣ условіемъ его успѣха явится полная его неизвѣстность. Поэтому членъ низшей касты, но слишкомъ замѣтный, не въ состояніи избавиться отъ своей касты. Переходъ въ высшую касту возможенъ лишь при полномъ невѣдѣніи окружающихъ объ его прежнемъ положеніи и при содѣйствіи не больше, какъ одного только сообщника. Вотъ почему раджи, принцы, богачи, принадлежащіе къ низшей кастѣ, вмѣстѣ со своимъ потомствомъ обречены на вѣчное въ ней пребываніе. Ничто не можетъ ихъ избавить отъ нея—ни счастливый бракъ, ни хитро придуманная генеалогія; они слишкомъ знатны и слишкомъ замѣтны.

Въ индусскомъ обществѣ стремленіе къ общественному повышенію является общераспространеннымъ. Добиться его возможно только цѣною тяжелыхъ жертвъ: оставленіемъ своей родины, переселеніемъ на жительство въ чужую, незнакомую среду, переимѣной профессіи, религіи, образа жизни на иныя, болѣе почетныя, но и бо-

¹⁾ Въ французскомъ текстѣ сказано здѣсь: «отдаютъ въ жены свою дочь», но изъ контекста видно, что это опечатка.

лѣе строгія. Въ такихъ случаяхъ цыганъ (gypsy) рѣшается превратиться въ scavenger (мусорщикъ); scavenger—въ кожевника; кожевникъ—въ ткача и т. д. Онъ эмигрируетъ, поселяется въ незнакомой ему мѣстности, среди чуждыхъ ему людей, выступаетъ передъ ними въ новой общественной роли и, чтобы внушить къ себѣ довѣріе, держитъ взаперти свою жену и исполняетъ религиозные обряды высшей касты. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, онъ не отворачивается отъ своихъ прежнихъ боговъ. Свой первоначальный родной культъ онъ ввѣряетъ заботамъ своей жены; самъ же онъ будетъ чтить новыхъ боговъ. Но высшая каста, на принадлежность къ которой онъ претендуетъ, соблюдаетъ сложныя правила, обряды и обычаи, касающіеся брака и пищи и открываемые новому пришельцу лишь постепенно. Но какъ всѣ случайные пришельцы, онъ ихъ не знаетъ, нарушаетъ, выдавая тѣмъ свое полное сходство съ наименѣе прозорливыми изъ своихъ новыхъ братьевъ. Это рискованно.

Послѣдній индивидуальный пріемъ это — заявленіе агенту народной переписи. Этотъ пріемъ практикуется очень часто. Счетчики каждые десять лѣтъ отмѣчаютъ настойчивое стремленіе со стороны людей низшей касты внести свои имена въ списокъ высшихъ кастъ браминовъ или раджпутовъ.

Что касается пріемовъ коллективныхъ, то они ничего общаго съ подлогами не имѣютъ. Они представляютъ собою одно изъ многихъ проявленій духа честолюбія и подражанія; это пріемы, съ помощью которыхъ распространяется цивилизація. Какое-нибудь племя, на примѣръ, въ Центральной Индіи, которое еще долго будетъ служить резервуаромъ человѣческаго матеріала, не тронутаго культурой,—еще не поднявшееся до идеи касты, желаетъ, положимъ, перемѣнить религію, сохраняя, однако, свое названіе, свои занятія и обычаи. Положимъ, что оно отказывается отъ анимизма и выражаетъ желаніе перейти въ индуизмъ, соглашаясь подчиняться большей части его религиозныхъ предписаній. Индуизмъ тотчасъ же обязываетъ его исполненіемъ правилъ, касающихся пищи, брака и проч.,—и вотъ каста готова.

Иногда къ подобнымъ же результатамъ приводятъ иные внутренніе мотивы. Какая-нибудь этнографическая вѣтвь, отдѣлившаяся отъ общаго ствола, племенного или національнаго, сохраняетъ неизгладимое воспоминаніе о своемъ

происхожденіи и постановляетъ не допускать никого въ свою среду ни для общей трапезы, ни для заключенія брачныхъ союзовъ. Одно это обстоятельство почти фатально приводитъ къ образованію новой касты.

Эти коллективные и индивидуальныя приемы восхожденія по кастовой лѣстницѣ имѣютъ двойное послѣдствіе. Съ точки зрѣнія общественной они обезпечиваютъ личности большій почетъ; съ точки зрѣнія личной они ведутъ къ уменьшенію жизненнаго благополучія. Величіе покупается дорогой цѣной. Высшія касты жертвуютъ всею или частью своей свободы и должны подчиняться крайне стѣснительнымъ обычаямъ. Женщины высшихъ кастъ должны избѣгать общества мужчинъ и оставаться въ четырехъ стѣнахъ дома, скрываясь отъ всякаго посторонняго глаза. О бракѣ по взаимному влеченію и рѣчи не можетъ быть. Къ пяти годамъ дѣти уже помолвлены, а въ возрастѣ 7—8 лѣтъ они уже женятся; овдовѣвшія же осуждены на вѣчное одиночество. Вся ихъ жизнь находится въ полной зависимости отъ брамина и его капризовъ. Главная и постоянная ихъ забота сосредоточена на чистотѣ пищи. Они находятся подъ вѣчнымъ суровымъ и придирчивымъ надзоромъ общественнаго мнѣнія своей касты. Малѣйшее уклоненіе отъ общепринятыхъ правилъ угрожаетъ крушеніемъ жизненнаго успѣха, добытаго цѣною тяжелыхъ усилій и поддерживаемаго съ величайшимъ трудомъ.

Иногда, даже помимо сознательнаго вмѣшательства противниковъ, группа, перешедшая въ высшую касту, сталкивается съ непреодолимыми препятствіями на пути своихъ честолюбивыхъ замысловъ. Во многихъ кастахъ строжайшимъ образомъ соблюдается правило, предписывающее заключеніе браковъ исключительно между своими членами. Если, какъ это часто случается съ выскочками, добившимися успѣха, племя, до тѣхъ поръ однородное и сплоченное, по легкомыслію приписало себя къ кастѣ, для него слишкомъ ужъ недосыгаемой, весьма строго соблюдающей принципъ эндогаміи, то это обстоятельство лишитъ его всякой возможности добиться измѣненія своего физическаго, дравидскаго или монгольскаго типа; эндогамія, на которую и оно само будетъ обречено, приведетъ лишь къ сохраненію племеннаго типа и закрѣпленію его на вѣчныя времена. Такимъ образомъ, и подъ новымъ названіемъ и при новой религіи черты его внѣшняго облика всегда будутъ выдавать истинное его происхожденіе.

Во избѣжаніе недоразумѣній, не слѣдуетъ понимать слишкомъ буквально выраженія—„вышнія“ касты, „низшія“ касты. Одна и та же каста имѣетъ въ своемъ составѣ лицъ самыхъ разнообразныхъ положеній. Брамины, наиримѣръ, распредѣляются болѣе, чѣмъ на 1800 разнovidностей, и очень многіе изъ нихъ не могли бы совершить совмѣстную трапезу, не рискуя оскверненіемъ. Вообще браминъ долженъ исполнять функціи священника и, въ качествѣ такового, долженъ получать пищу отъ богомольцевъ. Но число браминовъ такъ велико (15 милліоновъ во всей Индіи; въ нѣкоторыхъ провинціяхъ, какъ, наиримѣръ, Оудъ, они составляютъ седьмую часть индускаго населенія), что лишь небольшая часть ихъ могла сохранить за собою наслѣдственную профессію. Остальные же состоятъ на военной или государственной службѣ, занимаются земледѣліемъ, торговлей, поступаютъ въ личное услуженіе. Нѣкогда они доставляли большой контингентъ солдатъ, которыхъ остъ-индская компанія охотно принимала на службу. Въ настоящее время, особенно послѣ возстанія 1857 г., подорвавшего довѣріе къ нимъ, они стремятся къ занятію государственныхъ и общественныхъ должностей. Брамины составляютъ лишь 7—8% мужского населенія Индіи*), но занимаютъ 35% всѣхъ должностей, предоставленныхъ туземцамъ, главнымъ образомъ, въ судебномъ вѣдомствѣ.

Ихъ каста въ цѣломъ пользуется безспорнымъ вліяніемъ, особенно на туземныхъ князей. Тамъ, гдѣ, какъ это иногда бываетъ съ завоевателями или узурпаторами, князь принадлежитъ къ низшей кастѣ и, несмотря на свой княжескій санъ, подчиняется индусскимъ предрасудкамъ, брамины не преминутъ воспользоваться выгодами такого положенія. Они заставляютъ одарять себя землями, деньгами, должностями—раньше это наблюдалось чаще, чѣмъ теперь—и свои притязанія въ этомъ направленіи простираютъ до такихъ предѣловъ, что англійское правительство неоднократно находило себя вынужденнымъ обуздывать ихъ аппетиты.

Для низшихъ кастъ Индія является настоящимъ адомъ. Ни религія, ни общество не оказываютъ имъ ни малѣйшаго сочувствія, ни малѣйшаго покровительства и ни ма-

*) 15 милліоновъ составило бы 10%. См. цифру мужского населенія на стр. 34.

лѣйшей помощи ихъ попыткамъ подняться изъ положенія своей общественной приниженности. „Если имъ удастся подняться собственными силами, говорить одна туземная газета, то мы этому не противимся. Но мы протестуемъ противъ всякой попытки замѣнить этотъ естественный процессъ какимъ-нибудь искусственнымъ движеніемъ“. Это намекъ на помощь, оказываемую паріямъ христіанскими миссіонерами.

Мы видимъ, что изслѣдуемый нами вопросъ относится къ области вопросовъ не религіознаго, а экономическаго, социальнаго порядка. Высшія касты заинтересованы въ существованіи паріевъ и закрѣпленіи ихъ положенія. Кто сталъ бы исполнять неприятныя, по необходимыя въ обществѣ общественной жизни обязанности, если бы не существовало паріевъ? Если бы высшія касты согласились помочь паріямъ выйти изъ ихъ приниженнаго положенія, что стало бы, при господствѣ конкуренціи, съ привилегіями могущественныхъ счастливыхъ? Поэтому онѣ принимаютъ всевозможныя усилія, чтобы удержать ихъ въ состояніи вѣковаго униженія. Въ Мадрасской провинціи на 38 милліоновъ жителей считается отъ 5 до 6 милліоновъ паріевъ или лицъ, близкихъ къ ихъ положенію, обреченныхъ на самыя отвратительныя занятія и лишенныхъ всякой возможности избавиться отъ нихъ. Напримѣръ, sweereg („золотарь“) обреченъ на чистку отхожихъ мѣстъ, принужденъ носить отвратительный костюмъ, питаться невозможной пищей; и онъ не можетъ ни уйти изъ своей касты, ни бросить своихъ занятій, ни избавиться отъ своего костюма. Обогащеніе—для него дѣло не невѣроятное, но деньги ему совершенно бесполезны. Онъ ихъ копить, прячетъ; онъ отдаетъ ихъ займы и не рѣдко рискуетъ лишиться ихъ. Какъ бы жестока ни была къ нему судьба, общество къ нему безжалостно.

На всемъ югѣ парій находится въ положеніи, которое осталось неизмѣннымъ со временъ аббата Дюбуа. Въ Траванкарѣ существуетъ еще ¹⁾ обычай, предписывающій парію издавать настолько сильный крикъ, чтобы браминъ могъ слышать его на разстояніи 60 футовъ и, такимъ образомъ, избѣгать встрѣчи съ нимъ. Однажды, какъ объ этомъ свидѣтельствуется одинъ европеецъ, брамины, шедшіе по узкой дорогѣ, въ Малабарѣ, замѣтили издали на-

¹⁾ См. прим. В, стр 118.

правлявшуюся имъ навстрѣчу дочь парія. Они еще издалека стали ей кричать, чтобы она удалилась и освободила имъ путь. Ободренная присутствіемъ европейцевъ, она отказалась исполнить это требованіе. Брамины остановились, подождали, обошли стороною, осыпая дѣвушку бранью. Сэръ Е. В., хорошо извѣстный въ Индіи, передавалъ мнѣ слѣдующій фактъ. Въ Калькуттскомъ университетѣ одного студента-брамина попросили описать способъ установленія дѣленій на безземель. „Этотъ вопросъ—оскорбительный и для божества, и для его творенія. Кто я? золотарь или чистильщикъ выгребныхъ ямъ, что мнѣ задаютъ подобный вопросъ?“

Паріи глубоко чувствуютъ всю унижительность своего положенія. Они стараются разными способами, смотря по времени или по темпераменту, мстить за свое униженіе или вырваться изъ него. Есть каста шамаровъ, занимающихся кожевеннымъ дѣломъ. Имъ предоставлена привилегія сдирать кожу съ навшихъ животныхъ, найденныхъ ими. И они придумали легкій способъ для такихъ находокъ: они отравляютъ животныхъ. Раньше они подмѣшивали къ рубленному бананамъ мышьяку; но скотъ отказывался ѣсть. Теперь они съ давнихъ уже поръ прибѣгаютъ къ иному способу. Они берутъ живыхъ очковыхъ змѣй, раздражаютъ ихъ—методъ, хорошо извѣстный институту Пастера—и даютъ имъ кусать тряпку. Эту тряпку, напитанную насквозь ядомъ, они потомъ вводятъ въ задній проходъ коровы, и животное издыхаетъ. Долгое время не знали, что тряпка пропитана ядомъ. Полагали, что здѣсь имѣютъ дѣло съ какимъ-нибудь суевѣріемъ. Но опытъ (д-ра Хавкина) показалъ, что тутъ былъ скрытъ и экономическій интересъ, и социальная месть.

Въ настоящее время очень многіе паріи предпочитаютъ дѣйствовать не местью, а обращеніемъ къ правосудію. Они требуютъ, чтобы ихъ вытащили изъ этой пропасти бѣдствія. Много толковъ вызвала жалоба, съ которою бомбейскіе магары обратились въ 1904 г. къ лорду Лэмингтону, бывшему тогда губернаторомъ, и рѣшеніе, вынесенное по этой жалобѣ высшимъ судомъ президентства. Нѣкій магаръ въ маѣ 1902 г. былъ присужденъ къ штрафу въ 8 рупій за оскверненіе воды изъ общественнаго колодца (тѣмъ, что напился). Постановленіе это было доложено высшему суду, который кассировалъ его и штрафъ велѣлъ возвратить. Но на одну ставшую извѣстной и во

время исправленную несправедливость приходится тысячи несправедливостей, до суда не доходящихъ и совершающихся до сихъ поръ безнаказанно.

До сихъ поръ англичане въ лицѣ своего правительства безсильны не только предупреждать, но даже бороться съ подобными несправедливостями. Парли знаютъ это; знаютъ они и то, что имъ не отъ кого ждать помощи, какъ только отъ христіанскихъ миссіонеровъ. Этимъ и объясняется значительное число обращеній въ христіанство, наблюдаемое на югѣ Индіи. Миссіонеръ—для нихъ и учитель, и воспитатель, и другъ, и повѣренный. Обращеніе въ христіанство оказываетъ быстрое вліяніе на ихъ нравственное состояніе и ихъ предприимчивость. Обращенный проявляетъ больше энергіи и инициативы, нежели остальные члены касты, его вчерашніе братья. Онъ смѣло выступаетъ противъ своихъ угнетателей, иногда оскорбляетъ ихъ, а часто и бьетъ.

Какія связи соединяють членовъ одной и той же касты? Каковы ихъ права, обязанности? Обязанностей положительныхъ я не знаю. Что же касается правъ, то о нихъ можно скорѣе говорить, какъ о возможностяхъ. Существуютъ два вида такихъ возможныхъ правъ: право участія въ общей трапезѣ и право заключать брачные союзы.

Чистота ѣды и питья составляетъ предметъ величайшей заботы. Это—особенность, присущая всему древнему міру—Персіи, Греціи, Риму, Индіи. Церемонія очищенія имѣла нѣкогда огромную важность. Христіане перестали придавать ей значеніе съ тѣхъ поръ, какъ Христосъ сказалъ: „Не то оскверняетъ, что въ уста входитъ, а то, что изъ устъ выходитъ“. Для насъ она утратила значеніе съ тѣхъ поръ, какъ измѣнившіяся условія жизни ввели чистоту, какъ естественный элементъ нашего повседневнаго обихода. Но, если обратимся къ условіямъ жизни древняго міра или современной Индіи, намъ станетъ понятной щепетильная забота касты о чистотѣ.

Однако, эти заботы, повидимому, не всегда существовали. Своимъ возникновеніемъ они были обязаны двоякаго рода источникамъ. Сначала требовали, чтобы были чисты пища и питье; чтобы посуда, въ которой она держалась, была чиста; чтобы были чисты люди, которые приготавлиють и подаютъ ихъ. Важнѣйшимъ моментомъ тутъ было очищеніе продуктовъ до приема ихъ во внутрь. Это стремленіе къ чистотѣ и требованіе очищенія вещей вначалѣ

было простымъ результатомъ привычки къ опрятности. Замѣтимъ, впрочемъ, что они сильно отличались отъ гигиеническихъ требованій евреевъ и мусульманъ и еще сильнѣе—отъ требованій современной гигиены. Говорятъ, что проф. Рамзай, во время своего путешествія по Индіи, высказалъ мысль, что эти правила касты, быть-можетъ, подсказаны обстоятельствами, подобными тѣмъ, которыя привели къ пастеровскимъ идеямъ и теоріямъ. Это сомнительно. Безспорно касты, признанныя способными осквернить пищу—касты прачекъ, маляровъ, золотарей и т. д.—дѣйствительно могутъ ее загрязнить. Но, очевидно, не въ микробахъ дѣло; не изъ-за нихъ низшія касты подвергаются такому хуленію.

На этой почвѣ совершилась эволюція идей, о которой мы уже говорили въ другомъ мѣстѣ. Тутъ нужно считаться и съ фактомъ, и съ вымысломъ. Фактъ состоялъ въ томъ, что извѣстныя вещества дѣйствительно способны осквернить пищу. Вымыселъ относился къ предположенію, что нѣкоторые лица, даже на разстояніи, могутъ осквернять вещи и людей при такихъ обстоятельствахъ, когда о чистотѣ и опрятности и вопроса не могло быть. Напримѣръ, одинъ индійскій магараджа предлагаетъ вице-королю пообѣдать, но самъ вмѣстѣ съ нимъ не обѣдаетъ. Онъ ѣстъ отдѣльно и появляется за общимъ столомъ только во время постовъ; очевидно, боязнь оскверненія внушена здѣсь не отсутствіемъ чистоплотности. Иныя идеи, опирающіяся частью на религіозныя легенды, частью на интересы соціального порядка, внушили эту теорію оскверненія, для котораго не нужно вовсе непосредственнаго соприкосновенія, а достаточно одного вида, запаха, тѣни и т. д.

Отсюда—происхожденіе цѣлаго кодекса правилъ. „Повѣришь ли,—писалъ Викторъ Жакмонъ,—у меня всего двѣ тарелки, и мнѣ приходится держать человѣка для ихъ мытья?“ Въ одной и той же школѣ ученики обыкновенно дѣлятся на особыя группы по исповѣдуемой ими религіи. Прежде всего составляются двѣ главные группы—мусульманъ и индусовъ; затѣмъ слѣдуютъ различныя индускія касты. У каждой изъ группъ свои слуги, палатки, залы, кухни. Тамъ и сямъ уже начинается борьба противъ подобнаго порядка. Въ Рурки, въ знаменитомъ промышленномъ колледжѣ, подобныя дѣленія на группы воспрещены. Въ классахъ, въ мастерской, и даже, какъ мнѣ говорили, въ столовыхъ не допускаются никакія кастовыя дѣленія.

Все должно быть общее. Тѣ, которымъ этотъ порядокъ не нравится, могутъ уходить. Но никто не уходитъ.

И нельзя не признать, что самые строгіе изъ строгихъ вынуждены идти на уступки, которыя нѣкогда считались недопустимыми. Учащенные и вызываемыя необходимостью путешествія сдѣлали постоянный контактъ между представителями отдѣльныхъ кастъ обычнымъ и неизбѣжнымъ. Кастовыя правила нѣкогда съ мельчайшими подробностями перечисляли лицъ, которыя могли предлагать питье и пищу, опредѣляли, на какомъ разстояніи и съ соблюденіемъ какихъ церемоній можно было дѣлать это; нарушение этихъ правилъ влекло за собою оскверненіе лица, принимавшаго пищу и питье, и грозило ему изверженіемъ изъ касты. Въ настоящее время число категорій лицъ, соприкосновеніе съ которыми не влечетъ за собою оскверненія соприкасающагося съ ними, расширилось ¹⁾. Въ придорожныхъ деревняхъ прежде всего были объявлены чистыми касты пирожниковъ, торговцевъ благовошіями, масломъ, горшечниковъ, парикмахеровъ, затѣмъ къ нимъ присоединили касту носильщиковъ паланкина, намѣренно помѣщенную для этого среди water-giving castes (каста водоносовъ), фабрикантовъ и торговцевъ содой и мороженымъ, торговцевъ сухими бисквитами и медицинскими препаратами. Къ этой же категоріи кастъ прибавили торговцевъ мыломъ: индійцы отказываются употреблять мыло подъ тѣмъ ошибочнымъ предлогомъ, что оно сдѣлано изъ бычачьяго жира.

Правила, касающіяся брачныхъ союзовъ, не менѣе сложны и еще болѣе строгі, чѣмъ правила, касающіяся пищи. Подробно изложить ихъ нѣтъ никакой возможности. Для этого потребовалось бы написать цѣлую книгу. Въ основѣ всѣхъ этихъ правилъ лежитъ принципъ эндогаміи: никто не можетъ вступить въ бракъ иначе, какъ съ членомъ своей касты; даже въ предѣлахъ одной и той же касты могутъ существовать болѣе мелкія эндогамическія группы. Такъ, браминъ, по общему правилу, можетъ жениться только на

¹⁾ Редакторъ одной газеты въ Пунѣ объяснилъ мнѣ это новое отличіе. Индійцы отказываются сѣсть за одинъ столъ съ англичанами, совмѣстная трапеза съ ними была бы актомъ добровольнымъ и потому оскверняющимъ, но что касается высшихъ кастъ, то совмѣстное путешествіе, бокъ-о-бокъ съ представителями ихъ въ вагонѣ желѣзной дороги—не добровольно и потому не можетъ быть вѣдѣно въ вину.

браминкѣ—таково общее правило для касты; въ частности же онъ можетъ жениться только на браминкѣ, принадлежащей къ той именно эндогамической группѣ, къ которой онъ самъ принадлежитъ. На ряду съ этими простыми правилами существуетъ еще сложная сѣть другихъ правилъ, въ своей совокупности составляющихъ то, что называется тотемизмомъ. Очень многія касты и племена дробятся на кланы (septs), каждый изъ нихъ носитъ имя какого-нибудь предполагаемаго предка или животнаго, дерева, растенія, естественнаго или искусственнаго предмета, которыхъ члены клана не употребляютъ ни въ пищу, ни для какой-либо иной цѣли. Браки между членами даннаго клана очень часто воспрещаются; въ этомъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ явленіемъ, прямо противоположнымъ тому, на которое нами было указано выше. Эндогаміи группы противопоставляются такимъ образомъ экзогаміи клана. Это приводитъ къ безконечнымъ осложненіямъ. Многіе члены касты или совершенно не вѣдаютъ этихъ перекрещивающихся эндогамическихъ или экзогамическихъ правилъ, или же вынуждены нарушать ихъ. Индійскія газеты недавно разсказывали о слѣдующемъ фактѣ. Въ Бомбейскомъ президентствѣ баттіасы, не находя себѣ женъ въ своей слишкомъ маленькой общинѣ, отправились въ Хердуаръ на Гангѣ и поженились тамъ на дѣвушкахъ, принадлежащихъ къ ихъ кастѣ. Послѣ возвращенія ихъ на родину вмѣстѣ съ женами, распространился слухъ, что хердуарскія дѣвушки придерживались иныхъ религіозныхъ обычаевъ и обрядовъ, чѣмъ въ Бомбей. Столь серьезное указаніе заставило произвести специальное разслѣдованіе. Была составлена особая комиссія, которая, однако, не пришла къ единодушному заключенію. Тогда было созвано общее собраніе всѣхъ баттіасовъ, постановившее исключить изъ своей среды 300 молодыхъ людей, женившихся на дѣвушкахъ изъ Хердуара. Въ этихъ дѣлахъ добросовѣстность ошибагося не служитъ оправданіемъ ошибки.

Кому принадлежитъ право опредѣлять мѣсто, занимаемое кастами на іерархической лѣстницѣ и причислять ихъ къ высшему и низшему рангу? Этотъ вопросъ уже давно дебатировался. Жакмонъ коснулся его лишь мимоходомъ. Изученіемъ его занимался Сомнеръ Манъ. Если существуетъ авторитетный голосъ, которому принадлежитъ это право, то это голосъ общественнаго мнѣнія. Точной и общепризнанной классификаціи кастъ никогда не

существовало. Во всякомъ случаѣ, подобная классификація не могла бы быть распространена на всю Индію. Самыя широкія границы, въ какихъ она могла бы быть примѣнена, это—границы отдѣльной провинціи, да и тутъ она встрѣтила бы непреодолимые препятствія; ибо одна и та же каста можетъ занимать различныя ступени іерархіи, смотря по занятіямъ ея членовъ, по мѣстности, въ которой они живутъ, и т. д. Другимъ и, вѣроятно, наиболѣе могущественнымъ факторомъ классификаціи кастъ служить степень ихъ враждебнаго отношенія ко всякой реформѣ и ихъ вѣрность старымъ заблужденіямъ—преждевременнымъ бракамъ дѣтей, запрещенію вдовамъ вторичнаго замужества.

Если вѣрить туземному общественному мнѣнію, то классификацію кастъ приходится строить на фактѣ ихъ происхожденія отъ той или иной изъ четырехъ кастъ, существовавшихъ нѣкогда, по древнему вѣрованію индусовъ. Относительно первыхъ трехъ кастъ, именуемыхъ кастами *twice-born* (дважды рожденныхъ), это несомнѣнно: на первомъ планѣ стоятъ брамины; за ними слѣдуютъ касты, происходящія отъ древнихъ *кшатриевъ* (воиновъ), а потомъ—представители *ваисиевъ* (класса торговцевъ и проч.). Что касается четвертой касты—*судра* и кастъ, являющихся въ наше время ея представителями, то ихъ положеніе въ кастовой іерархіи, смотря по той или иной мѣстности Индіи, сильно мѣняется.

Для опредѣленія іерархической позиціи кастъ, происходящихъ отъ судры, на сѣверѣ Индіи приходится принять во вниманіе слѣдующія обстоятельства: согласны ли нѣтъ брамины принимать отъ нихъ воду и нѣкоторые роды пищи? Вотъ самое капитальное обстоятельство; остальные имѣютъ только второстепенное значеніе. Какимъ ремесломъ занимаются онѣ? Оскверняетъ ли дважды рожденныхъ соприкосновеніе съ ними? Употребляютъ ли онѣ въ пищу—это было бы чудовищно—говядину? Ъдятъ ли онѣ, кромѣ того, червей извѣстныхъ сортовъ? Существеннѣйшій на сѣверѣ факторъ для опредѣленія іерархическаго мѣста касты—принятіе браминами воды изъ рукъ членовъ низшихъ кастъ,—на югѣ и на западѣ Индіи не имѣетъ значенія, такъ какъ высшія касты принимаютъ воду только или отъ членовъ своей собственной касты или отъ членовъ касты, стоящей выше ихъ. Въмѣсто этого фактора приходится уже обращаться къ другому—къ степени оскверняющаго вліянія одной касты на другую. Происходитъ ли

оскверненіе при непосредственномъ соприкосновеніи, или оно возможно также и на разстояніи? И на какомъ разстояніи—24, 36, 48, 64-хъ футовъ?

Въ Бенгаліи для составленія болѣе или менѣе приѣмлемой классификаціи кастъ былъ учрежденъ, въ связи съ переписью 1901 года, спеціальный комитетъ. Какъ ни скучно останавливаться на данныхъ, добытыхъ комитетомъ, къ тому же недостаточно полныхъ и ясныхъ, все же ихъ нельзя обойти молчаніемъ; безъ знанія этихъ деталей невозможно оцѣнить трудности, сопряженныя съ управленіемъ такою странюю, какъ Индія. Часть собственно Бенгаліи, на которую распространялись изслѣдованія упомянутаго комитета, представляетъ территорію съ 19 милліонами жителей. Они были распределены на семь классовъ. Первый классъ заключаетъ однихъ браминовъ, которыхъ немногимъ болѣе одного милліона жителей, или 6% всего населенія. Но эти брамины въ своемъ кастовомъ единствѣ представляютъ собою совокупность крайне разнообразныхъ элементовъ. Въ составъ ихъ входятъ въ одно и то же время и брамины самыхъ высшихъ кастъ, и брамины, которые сравнительно съ первыми занимаютъ мѣсто представителей низшихъ кастъ, и, наконецъ, брамины, способные осквернить даже эти низшія касты.

Въ составъ второго класса входятъ прежде всего раджу-путы, болѣе или менѣе подлинныя; затѣмъ—байдіа, спеціальность которыхъ врачебное искусство, и кіасты, писатели, бывшіе князѣи, смѣнившіе мечъ на перо.

Въ третій классъ (три милліона жителей) входятъ нѣсколько чистыхъ (clean) группъ и нѣсколько группъ ремесленниковъ—кондитеровъ, парфюмеровъ, скотопромышленниковъ, садовниковъ, горшечниковъ, парикмахеровъ.

Четвертый классъ составляютъ различныя касты (Châsi Kaibarttas, Goâlâs и проч.), отъ которыхъ можно принимать воду, но которые, въ отличіе отъ членовъ кастъ третьяго класса, не могутъ услуживать браминамъ высшихъ классовъ.

Пятый классъ состоитъ изъ различныхъ и смѣшанныхъ кастъ. Отъ нихъ высшіе классы не принимаютъ воды. Деревенскій парикмахеръ можетъ, не рискуя осквернить себя, брить ихъ, но не стричь имъ ногти и не присутствовать на ихъ свадьбахъ.

Шестой классъ (8 милліоновъ жителей) составляютъ касты, не употребляющія въ пищу мяса ни быковъ, ни

свиной, ни курь. Высшіе классы не принимаютъ отъ нихъ воды и обязываютъ ихъ обзаводиться особымъ парикмахеромъ, потому что общій парикмахеръ отказался бы брить ихъ. Однако, имъ разрѣшается пользоваться услугами сельской прачки.

Наконецъ, въ седьмой классъ входятъ касты оскверняющія, ибо употребляютъ всякаго рода нечистую пищу; имъ даже прачка отказывается служить. То т е м о мъ одной изъ этихъ кастъ служить собака, уважаемая за вѣрность при жизни, но считающаяся послѣ своей смерти животнымъ нечистымъ, негоднымъ для пищи.

Приведенныя данныя показываютъ полную невозможность установленія общей классификаціи для всей Индіи.

Каста оказываетъ свое дѣйствіе даже въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ, казалось бы, ему совсемъ не должно было быть мѣста. Бадонъ - Пуэль и нѣкоторые чиновники *settlement'a* (опредѣленіе цифры поземельнаго налога или, вѣрнѣе, части дохода [*Land revenue*], которую каждый собственникъ долженъ уплачивать государству) заявляли, что при исчисленіи налога въ нѣкоторыхъ областяхъ ¹⁾ приходилось считаться съ кастой земледѣльцевъ. Фермеръ, принадлежащій къ высшей кастѣ, вмѣсто того, чтобы самому работать, пользуется наемной рабочей силой; его домашній обиходъ стоитъ ему дороже; его затраты на исполненіе религіозныхъ обрядовъ болѣе обременительны. Въ результатъ всего этого—болѣе низкій уровень чистаго дохода сравнительно съ доходомъ члена низшей касты, и потому съ представителя высшей касты приходится взимать меньшую долю *land revenue*.

Съ нѣкоторыхъ поръ дѣлаются попытки къ насажденію въ Индіи коопераціи то въ области потребленія, то въ области кредита. На этотъ счетъ составилось все болѣе и болѣе распространяющееся мнѣніе, что эти попытки будутъ имѣть успѣхъ лишь въ томъ случаѣ, если онѣ будутъ ограничиваться предѣлами одной и той же касты или нѣсколькихъ кастъ, но тождественныхъ между собою.

Каста есть созданіе индуизма. Вначалѣ она была социальнымъ, а не религіознымъ институтомъ. Теоретически нѣтъ никакого противорѣчія между обращеніемъ индуса въ исламъ или христіанство и дальнѣйшей принадлежностью его къ прежней кастѣ. Практически же новообращенные

¹⁾ Дистриктъ Гонда.

члены низшихъ кастъ всегда встрѣчали тамъ громадныя затрудненія. Высшія касты остаются вѣрны индуизму.

Религін, имѣющія, какъ въ Индіи, столько точекъ соприкосновенія между собою, оказываются подъ неизбѣжнымъ взаимнымъ вліяніемъ. Индуизмъ или, по крайней мѣрѣ, социальный кодексъ индуса многимъ обязанъ исламу. Полагаютъ, что и исламъ въ свою очередь близокъ къ заимствованію у индуизма института касты. Съ перваго взгляда такое предположеніе какъ будто совершенно не вяжется съ ученіемъ ислама, съ равенствомъ всѣхъ правовѣрныхъ передъ Богомъ и его пророкомъ. Оно противорѣчитъ также честолюбивому стремленію къ быстрому возвышенію по ступенямъ социальной іерархіи, что такъ характерно для мусульманскаго общества. „Въ прошломъ году,—говоритъ мусульманская пословица,—я былъ ткачемъ; въ этомъ году я—шейхъ; въ будущемъ году, если Богу угодно будетъ, я сдѣлаюсь саіадомъ“. Однако, нельзя отрицать проникновенія нѣкоторыхъ обрядовъ высшихъ кастъ въ среду мусульманъ: представители высшихъ классовъ мусульманскаго общества,—иностранныя, какъ предполагаютъ, происхожденія: арабы, персы, афганцы,—очень охотно женятся на дѣвушкахъ низшаго класса, но своихъ дочерей они, если только не очень бѣдны, никогда не отдаютъ замужъ за людей низшаго общественнаго положенія.

Среди всѣхъ учрежденій индусскаго общества нѣтъ ни одного, которое по своей важности и по своимъ послѣдствіямъ могло бы сравниться съ кастой. Для средняго индуса каста это—настоящее отечество. У него никогда не возникало и мысли о томъ, чтобы его страна стала единымъ національнымъ организмомъ. Для него существуетъ только каста. Это его достояніе, его гордость. Своей кастой онъ гордится больше, чѣмъ своей семьей, славой своей семьи ¹⁾.

Реальнымъ препятствіемъ для развитія отношеній между англичанами и индусами была именно каста. Какое общеніе могло создаться между двумя человѣческими группами, изъ которыхъ одна ревниво скрываетъ своихъ женъ и дочерей отъ другой и отказывается садиться съ ней за общій столъ? Но не только въ этомъ сказывается вліяніе

¹⁾ См. Гюставъ Ле-Бонъ, «Les civilisations de l'Inde» (Парижъ, 1887).

касты. Она служитъ сильнѣйшимъ оплотомъ индуизма. Она именно является тормазомъ того, что мы называемъ прогрессомъ, а индусъ — гибелью своихъ вѣрованій и низверженіемъ своего общественнаго строя. Это обстоятельство служитъ крупнымъ препятствіемъ для дѣятельности любопытной партіи Соціальной Реформы. Во время своего путешествія я встрѣтился съ однимъ высшимъ сановникомъ, и онъ мнѣ разсказалъ о такомъ испытаніи, постигшемъ его въ жизни. Онъ былъ браминомъ, когда рѣшилъ вступить въ составъ *Brahmo Samaj* (общество реформы) ¹⁾. Какъ только его каста узнала объ этомъ, она тотчасъ же изгнала его изъ своей среды. Родители не отказывались видѣться съ нимъ, но съ соблюденіемъ тайны. *Vazir*, какъ именуютъ дѣловой міръ, по прежнему учтиво привѣтствовалъ его, такъ какъ онъ былъ судьей. Но со времени его вступленія въ члены общества отъ него отвернулись всѣ друзья, никто не посѣщалъ его, никто не дѣлилъ съ нимъ трапезы. Шестидесятилѣтній старикъ, онъ былъ человекомъ неподатливаго характера и остался непреклоннымъ, но его примѣръ служилъ урокомъ для младшихъ поколѣній. Долженъ, однако, замѣтить, что описанный мною случай имѣлъ мѣсто въ городѣ, посѣщаемомъ паломниками и населенномъ фанатиками.

Въ другой мѣстности, въ сѣверной части Пенджаба, одинъ представитель высшей касты, браминъ, явился предо мною образчикъ индуса, которому наскучили суровыя требованія касты, и который возсталъ противъ нихъ. Подобно многимъ изъ своихъ соотечественниковъ, онъ совершилъ путешествіе по Европѣ. По возвращеніи на родину, онъ узнаетъ о своемъ отлученіи отъ группы браминовъ, къ которой принадлежалъ. Однако, ему предложили примириться подъ условіемъ покаянія: онъ долженъ былъ тринадцать дней поститься и обрить себѣ волосы и бороду. Опальный браминъ съ негодованіемъ протестовалъ противъ подобнаго предложенія и отправился просить защиты въ Кавнпуръ, крупный центръ браминовъ—трузей прогресса. Оттуда онъ возвратился съ оправдательнымъ приговоромъ, подписаннымъ четырнадцатью браминами. Но на этомъ еще не кончились его прегрѣшенія. Онъ выдалъ замужъ свою дочь въ возрастѣ 18 лѣтъ; и его упрекали за то, что онъ не позаботился о ея замужествѣ раньше. Но и этого

¹⁾ См. дальше, 7. Соціальная реформа.

мало; въ супруги своей дочери онъ выбралъ молодого человѣка 22 лѣтъ, какъ и онъ, возвратившагося изъ Европы и, подобно ему, также оглученнаго.

Миѣ рассказывали объ одной деревнѣ въ Мадрасѣ, гдѣ брамины ведутъ, съ точки зрѣнія касты, прямо скандальный образъ жизни. Они пьютъ; ѣдятъ мясо. Члены ихъ секты, которымъ указываютъ на это, требуя изгнанія изъ касты грубыхъ нарушителей ея обычаявъ, отвѣчаютъ просто, что тѣ дѣлаютъ это негласно.

Нельзя сказать, что вѣра исчезаетъ. Такое утвержденіе было бы слишкомъ смѣло. Но тенденція къ уклоненіямъ отъ ея строгихъ требованій проявляется все чаще и явственнѣе. Я еще приведу и другія доказательства этому.

Таковы отдѣльныя черты этого оригинальнаго института. Онъ покоится на догматѣ, утверждающемъ, что различіе расъ и происхожденія ведетъ къ превосходству однихъ надъ другими и даетъ ему законное оправданіе. Христіанство, принципиально являющееся религіей равенства, не могло создать почву для развитія касты. Тѣмъ болѣе не можетъ усвоить этотъ институтъ французъ, пропитанный эгалитарными идеями. Но англичанинъ, по природѣ аристократъ и консерваторъ, можетъ принять его. Институтъ далъ ему нѣкоторые изъ практикуемыхъ имъ методовъ управленія.

Примѣчанія.

Примѣчаніе А (къ стр. 99): *Касты, ихъ подраздѣленія: брамины.*

Чтобы дать хотя бы приблизительное понятіе объ этихъ подраздѣленіяхъ и ихъ безконечной сложности, мы приведемъ нѣкоторыя подробности изъ очерка о государствѣ Майсуръ (Lewis Rice).

Во всей Индіи брамины связываютъ себя или съ Pancha Gauda (племя, живущее на сѣверъ отъ рѣки Кришны) или съ Pancha Dravida (племя, живущее на югъ отъ Кришны).

1) Pancha Gauda встрѣчаются подъ разными названіями: въ сѣверо-западныхъ провинціяхъ (нынѣ Соединенныя Провинціи) (Kanaukubja); въ Пенджабѣ (Sarasvata); въ Дели и Бенгаліи (Gauda); въ Бехарѣ (Maithila); въ Ориссѣ (Utkala).

2) Pancha Dravida также носятъ разныя названія: Karnataka или Kannada, Andhra или Telugu, Dravida или Tamil, Maharachtra или Maharashtra, Gourjara или Goudjerati.

Каждый браминъ, встрѣчаемый въ Майсурѣ, несмотря на то,

что всё эти племена смѣшаны уже съ давнихъ поръ, въ своей семьѣ сохранилъ языкъ той мѣстности, которая является родиной этой семьи.

Но это лишь одно первое дѣленіе. Браминны до безконечности раздѣляются на Gotras, родоначальниками которыхъ были семь древнихъ мудрецовъ. Отъ этихъ семи Gotras произошли безчисленные классы, которые отличаются между собою родословными или провага (pedigree); мужчина и женщина, принадлежащіе къ одной и той же gotra или провага, не могутъ вступить въ бракъ другъ съ другомъ.

Gotra напоминаетъ римское агнатическое родство, такъ какъ женщина посредствомъ брака присоединяется къ gotra своего супруга. Авторъ цитируемаго очерка, Lewis Rice, указываетъ на 69 Gotras для одного только государства Майсуръ.

Браминны подраздѣляются еще на Sakka или специальную вѣтвь (школу) Веды, которой каждый браминъ придерживается при исполненіи обрядовъ и жертвоприношеній: Rig-Vedis, Yajur-Vedis, Sama-Vedis. Въ Майсурѣ нѣтъ Atharva-Vedis.

Кромѣ того, каждый браминъ принадлежитъ къ одной изъ слѣдующихъ сектъ: Smarta, Madhva, Srivaichnava. Каждая изъ этихъ сектъ состоитъ изъ лицъ, изъ которыхъ одни занимаются только религіей и живутъ на счетъ благотворительности: Vaidikas; другіе—миряне: Laukikas. Въ одной и той же семьѣ можно встрѣтить и Laukikas и Vaidikas.

1) Smarta (отъ smriti, законъ религіознаго откровенія) чтятъ троицу—Браму, Сиву, Вишну—подъ мистическимъ названіемъ Ом. Всѣ три божества равны, но Сива все-таки признается предпочтительно предъ другими богами. Они послѣдователи Веданты, доктрины, отвергающей дуализмъ. Природа и Богъ суть едино: каждая вещь заключаетъ въ себѣ атомъ божества; сами они—часть Бога.

2) Madhva (отъ имени ихъ родоначальника)—дуалисты. Они чтятъ Вишну и Сиву, но преимущественно Вишну. Матерія и Богъ суть двѣ раздѣльныя субстанціи; ихъ сліяніе въ одно цѣлое произойдетъ лишь въ будущемъ. Существуютъ двѣ разновидности Madhva: одни допекаютъ богослуженіе только на санскритскомъ языкѣ, другіе только на мѣстномъ языкѣ, имъ понятномъ.

3) Srivaichnava чтятъ Вишну, поскольку онъ отождествляется съ своимъ товарищемъ Лакшми или Сри (отсюда и ихъ названіе). Они подраздѣляются только на двѣ секты: Teṅgali, или южную, и Vadagali, или сѣверную. Это самые строгіе браминны въ соблюденіи правилъ приготовленія пищи. Они считаютъ нужнымъ ставить щитъ, закрывающій ихъ пищу даже отъ другихъ браминовъ, членовъ ихъ семьи и ихъ секты.

Наконецъ, эти три главныя секты дѣлятся почти на 80 группъ. А затѣмъ идутъ еще безчисленные подраздѣленія. Но намъ приходится ограничиться сказаннымъ.

Примѣчаніе В (къ стр. 100): *Касты оскверняющія.*

Привожу въ видѣ примѣра точный переводъ отрывка изъ статьи, помѣщенной въ газетѣ «Times of India» за 1905 г.

«Въ нѣкоторыхъ предметяхъ Калькутты пытаются сохранить старый кастовый обычай, по которому Тиуас и лица низшей касты, идущія по большой дорогѣ, обязаны крикомъ предупредить

о себѣ лицъ высшихъ кастъ и посторониться на такое разстояніе, чтобы устранить возможность оскверненія. Само собою разумѣется, теперь и рѣчи быть не можетъ объ уваженіи къ подобному обычаю. И, тѣмъ не менѣе, до сихъ поръ бываютъ случаи, когда представители высшихъ кастъ настаиваютъ на уваженіи къ ихъ стариннымъ общественнымъ привилегіямъ. Вотъ одинъ изъ такихъ случаевъ.

«Говиндамъ, тіуа по своему кастовому положенію, писецъ въ пріютѣ для душевно-больныхъ, приноситъ жалобу на наяръ (члена высшей касты) за нанесеніе оскорбленія и брань въ публичномъ мѣстѣ. Обвиняемый и его жена, проходившіе близъ жалобщика, оскорбили его за то, что онъ не посторонился отъ нихъ на разстояніе, гарантировавшее ихъ отъ оскверненія.

«Кромѣ того, жалобщикъ принесъ еще жалобу Кнаппу, сборщику податей и судѣ, въ которой заявлялъ, что судья (туземный) города Калькутта повергъ его униженію въ засѣданіи суда. Вотъ образчикъ допроса на судѣ.

«Судья.—Почему вы не предупредили о себѣ крикомъ?»

«Жалобщикъ.—Я не вижу необходимости уступать дорогу наярмъ. Въ мѣстности, въ которой я живу, этотъ обычай не практикуется.

«Судья.—Если вы не видите этой необходимости для себя, то, можетъ-быть, это необходимо для нихъ? Развѣ вы не могли справиться у кого-нибудь о мѣстныхъ обычаяхъ?»

«Жалобщикъ.—Я нахожу, что мнѣ не было надобности сворачивать съ дороги.

«Судья.—То, что вы находите, это неважно. Вы видите, чего это вамъ стоило. Вы могли бы легко избѣжать нанесенныхъ вамъ побоевъ. Что же касается вашей обязанности уступать дорогу, то зайдите какъ-нибудь въ мой таломъ (жилище брамина), и тогда вы убѣдитесь въ ея существованіи».

5. Поселяне и горожане; занятія и ремесла.

Индія — страна земледѣльческая. Въ ней насчитывается 2.148 городовъ и 728.605 деревень; въ ея городахъ—29.240.000 жителей и въ деревняхъ—265.110.000. Средняя величина населенія деревни равняется 360 жит. Городомъ, по опредѣленію закона, считается поселеніе съ 5.000 жителей, а по нѣкоторымъ статистическимъ схемамъ — съ 2.000. Если принять послѣднюю цифру, то въ Индіи окажется около 15.000 городовъ. По переписи 1901 года, городовъ съ населеніемъ отъ 5.000 до 10.000 считается 1507; отъ 10.000 до 20.000—499; отъ 20.000 до 100.000—216 и 29 городовъ съ населеніемъ болѣе 100.000. Важнѣйшіе города: Калькутта, вмѣстѣ съ окрестностями насчитывающій 1.100.000 жителей; Бомбей—

776.000; Мадрась — 509.000; Гайдерабадь (Низамъ) — 448.000; Люкноу — 264.000; Рангунъ — 234.000; Дели — 208.000; Лагоръ — 202.000 жителей. Безспорно, города теперь заселяются въ ущербъ деревнямъ. Съ 1891 по 1901 г. городское населеніе возросло на 7,3%; населеніе же всей Индіи увеличилось только на 2,4%. Однако городской элементъ не составляетъ еще даже десятой доли общаго числа населенія; въ Англіи онъ составляетъ третью часть; въ Германіи — шестую; во Франціи — седьмую. Увеличивается населеніе, главнымъ образомъ, въ нѣсколькихъ крупныхъ городскихъ центрахъ; въ нѣкоторыхъ же городахъ средней величины населеніе уменьшается, отчасти подъ вліяніемъ неустойчиваго состоянія торговли, отчасти подъ вліяніемъ обременительной тяжести городскихъ налоговъ.

Въ 1901 году древняя провинція Бенгалія насчитывала 71 миллионъ крестьянъ на 75 миллионѣвъ всего населенія; Соединенныя Провинціи — 42.500.000 на 47.500.000; Мадрась — 34.000.000 на 38.000.000; Бомбей — 15.000.000 на 18.000.000; Пенджабъ — 18.000.000 на 20.000.000. Центральныя Провинціи сплошь деревенскія и земледѣльческія. Въ Бирмѣ, благодаря развитію торговаго мореплаванія, городской элементъ усиливается; въ ней два города имѣютъ болѣе, чѣмъ по 100.000 жителей; это — города Рангунъ и Мандалай, древняя столица (184 тысячи жителей); шесть городовъ — болѣе, чѣмъ по 20.000, и 38 городовъ — отъ 5.000 до 20.000; остальное пространство страны занято деревнями, изъ которыхъ 2.453 съ болѣе, чѣмъ 500 жителей въ каждой и 57.948 — съ меньшимъ числомъ жителей. Населеніе городовъ увеличивалось, исключительно благодаря эмиграціи изъ Индіи; численно усиливаются индусы и мусульмане, уменьшаются буддисты.

Деревня — это настоящій очагъ туземной жизни. Здѣсь только и можно найти подлинную Индію, свободную отъ соприкосновенія съ европейцемъ и отъ извращающаго его вліянія. Поэтому, кто хочетъ познакомиться съ подлинной Индіей, тотъ долженъ объѣхать деревни и селиться въ нихъ. Въ индійской деревнѣ двѣ-три сотни жителей, нѣсколько домовъ, вѣрнѣе, избъ или хижинъ, то тѣсно скученныхъ, то разбросанныхъ безъ всякаго плана; колодець, куда каждый день приходятъ граціозныя въ движеніяхъ женщины, съ поднятой рукой и кувшиномъ на плечѣ, запасаться водой для дома; общее пастбище, на которомъ пасется скотъ подъ наблюденіемъ одного пастуха; нѣ-

сколько деревьевъ, изъ которыхъ самое древнее, окруженное камнями, часто служитъ фетишемъ и предметомъ поклоненія; вокругъ него толпою кружатся молодые супруги и бесплодныя женщины; иногда имѣется и храмъ, очень бѣдный; тамъ и сямъ кучки кумушекъ, занятыхъ болтовней, голые и визжащія ребятишки; мужчины и женщины, возвращающіеся съ полей, расположенныхъ сейчасъ же за деревней.

На югѣ и на западѣ Индіи и Бирмы деревня это—*гаіуотварі*¹⁾; налогъ (*Land revenue*) взимается съ отдѣльныхъ земледѣльцевъ. Единственный административный глава деревни, обыкновенно, съ наслѣдственными должностными функциями, несетъ отвѣтственность за сохраненіе порядка и за уплату налоговъ и сборовъ правительству. Въ Соединенныхъ Провинціяхъ и въ Пенджабѣ наблюдается особый укладъ деревенской жизни. Здѣсь деревенская земля составляетъ (вѣрнѣе, составляла, такъ какъ теперь замѣчается тенденція къ индивидуализму) общее достояніе собственниковъ, солидарно отвѣтственныхъ передъ правительствомъ за уплату налога. Старшины, которыхъ часто нѣсколько въ одной деревнѣ (они представляютъ различные интересы), являются здѣсь продуктомъ новѣйшей организаціи, созданной правительствомъ. Раньше администрація была ввѣрена *рапшауатс*, или группамъ главъ семействъ.

Деревни того и другого типа имѣютъ къ своимъ услугамъ представителей разныхъ профессій. Число ихъ мѣняется, смотря по областямъ. Въ нѣкоторыхъ областяхъ, напримѣръ, въ Соединенныхъ Провинціяхъ, ихъ насчитываютъ около дюжины: почтарь и, вмѣстѣ съ тѣмъ, ночной сторожъ; полевой сторожъ; распредѣлитель водъ или счетчикъ (гдѣ существуетъ ирригація); горшечникъ, котляръ, прачка, плотникъ, бакалейный торговецъ, ростовщикъ; кромѣ того, бывають въ деревнѣ и такіе слуги, какъ танцовщица, парикмахеръ, исполняющій въ то же время роль посредника при устройствѣ Браковъ; астрологъ и открыватель водныхъ источниковъ. Бываетъ такъ, что одно лицо исполняетъ двѣ-три должности. Слугъ или чиновниковъ деревни приглашаетъ на службу и содержитъ вся община. Они не получаютъ денеж-

1) См. ниже, кн. II, гл. III. Земледѣльческіе классы и поземельный строй.

наго вознагражденія; работы свои они исполняютъ по каждому отдѣльному требованію и получаютъ ежегодную плату въ видѣ известной доли деревенскаго урожая и, сверхъ того, обувь, табакъ и одежду; или же ничтожный клочекъ земли, свободный отъ налоговъ¹⁾. Впрочемъ, строй деревенской жизни не подвергался точному статистическому обследованію и не даетъ однообразной картины. Въ Бенгаліи нѣтъ системы организованныхъ деревенскихъ общинъ, а въ восточной Бенгаліи и въ нѣкоторыхъ частяхъ Ассама, какъ и на западномъ берегу Мадраса, совсѣмъ нѣтъ деревень — люди живутъ тутъ въ хижинахъ, разбросанныхъ въ одиночку.

Деревня жалуется, что нѣкоторые изъ ея слугъ являются въ то же время и правительственными чиновниками; а правительство исключительно на нее возлагаетъ расходы по ихъ содержанию. Такъ, деревенскій счетчикъ (accountant или patwari) состоитъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, и при Department of land Records (отдѣленіе для производства оцѣнки земель); сторожитъ исполняетъ и полицейскія функціи. Вмѣсто того, чтобы вознаграждать за исполненіе этихъ функцій изъ своихъ собственныхъ средствъ, правительство находитъ удобнымъ оплачивать ихъ cesses, добавочными денежными долями, взимаемыми съ собственниковъ и арендаторовъ. Въ настоящее время правительство стремится отмѣнить эти cesses и замѣнить ихъ опредѣленнымъ, хотя и скромнымъ жалованіемъ.

Земледѣліе доставляетъ работу и средства къ жизни 191½ милліонамъ жителей деревень и городовъ, что составляетъ болѣе двухъ третей населенія; въ числѣ ихъ 52% собственниковъ-плантаторовъ, 12% поденщиковъ. Кромѣ собственно земледѣльческаго населенія, 15% жителей Индіи занято изготовленіемъ продуктовъ изъ сельскохозяйственныхъ матеріаловъ (пищевые продукты, напитки, ткани) и торговлей ими. Что земледѣліе привлекаетъ такой громадный контингентъ населенія, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго: индійцы споконъ вѣковъ были земле-

¹⁾ Во время голодовъ деревенскіе чиновники ничего не зарабатываютъ. Выдѣленные имъ участки земли ничего имъ не приносятъ. Чтобы удержать ихъ при исполненіи возложенныхъ на нихъ обязанностей и не дать имъ уйти на relief works (мастерскія, открытыя правительствомъ), имъ назначается dole, т.-е. даровой паекъ, на ряду съ дѣтьми и больными.

дѣльцами. Земледѣльческій трудъ знакомъ каждому члену индійской семьи съ малолѣтства; другой трудъ имъ почти неизвѣстенъ.

Послѣ земледѣлія самымъ распространеннымъ видомъ труда является трудъ землекопа и чернорабочаго; этимъ трудомъ заняты 18.000.000 жителей; затѣмъ идутъ слѣдующія занятія: изготовленіе пищевыхъ продуктовъ и напитков—17 милліоновъ; ткани и одежды—11 милліоновъ; домашняя прислуга и санитарная служба—10,7 милліоновъ; наука и искусство (т.-е., вѣроятно, просвѣщеніе всѣхъ видовъ, печать, театры, фокусники и пр.)—5 милліоновъ; торговля—4,2 милліона; металлы и драгоценные камни—3,7 милліона; работы изъ дерева, бамбука, бумаги—3,8 милліона.

Трудъ не является въ Индіи всеобщимъ закономъ; трудятся только $\frac{2}{3}$ мужчинъ и $\frac{1}{3}$ женщинъ. Женщины употребляются для земледѣльческихъ работъ—для молотбы зерна, для собиранія шелковичныхъ червей, для изготовленія бичевокъ и сѣтей; онѣ исполняютъ также обязанности повивальныхъ бабокъ и „татуировщицъ“.

Все возрастающее число лицъ привлекаетъ къ себѣ сфера административной дѣятельности. Въ ней занято 3.800.000 (по другимъ даннымъ — 5.000.000) туземцевъ: 2.900.000 въ собственно Британской Индіи и 890.000 въ Индіи туземныхъ князей. На этой темѣ я остановлюсь ниже. Она очень живо интересуется общественное мнѣніе какъ англійское, занимающее въ этомъ вопросѣ оборонительное положеніе, такъ и туземное, занявшее наступательную позицію. Предметомъ спора служить не численное распределеніе должностей между обоими элементами—англичане въ этомъ отношеніи составляютъ ничтожное меньшинство (10 на 1000), — а характеръ и значеніе этихъ должностей. Туземцы претендуютъ на самое широкое участіе въ занятіи высшихъ гражданскихъ должностей; англичане же сохраняютъ ихъ исключительно за собою ¹⁾. Собственно говоря, этотъ вопросъ интересуется незначительную часть туземнаго общества и не столько сыновей высшей аристократіи, сколько бенгальскую бабу, которымъ достались крохи со стола завоевателей. Остальные довольны и тѣмъ, что уже

¹⁾ См. дальше. кн. II, гл. III. Участіе туземцевъ въ администраціи.

теперь имъ предоставлено: государственныя должности, предоставленныя имъ, какъ бы скромны онѣ ни были, получаютъ въ ихъ глазахъ важное значеніе. И встрѣчался со многими семьями среднихъ классовъ, и всѣ онѣ, даже семьи высшихъ кастъ, домогаются для своихъ и, по возможности, для всѣхъ своихъ дѣтей правительственныхъ должностей — крупной должности для особенно даровитыхъ, помельче — для менѣе способныхъ. И усердное посѣщеніе школъ и колледжей, и упорный трудъ для успѣшной сдачи экзаменовъ, и крайняя учтивость, и утонченная любезность, и вкрадчивая лесть въ отношеніяхъ къ сильнымъ міра сего — все это направлено къ одной цѣли: къ приобрѣтенію права или къ обезпеченію себѣ шансовъ на занятіе должности. И справедливость требуетъ признать, что на среднихъ и низшихъ должностяхъ, которыми и ограничиваются домогательства огромнаго большинства туземцевъ, послѣдніе оказываютъ англичанамъ, особенно въ области правосудія и счетоводства, весьма важныя услуги.

Впрочемъ, англичане открыли туземцамъ путь не только къ административной дѣятельности. Они открыли новыя области для приложенія силъ 3.000.000 туземцевъ, насаждая земледѣльческую культуру и промышленность. На чайныхъ плантаціяхъ занято 1 миллионъ человекъ; на желѣзныхъ дорогахъ — 500.000; въ почтовомъ вѣдомствѣ — 150.000; на кофейныхъ плантаціяхъ — 160.000; въ торговлѣ и фабричномъ производствѣ — 1.300.000; изъ нихъ 350.000 занято въ бумаго-ткацкомъ производствѣ и 130.000 въ джутовомъ производствѣ. И это только первый шагъ.

До сихъ еще поръ Индія въ большинствѣ случаевъ держится системы наслѣдственности профессиональныхъ занятій. Въ наше время эта система сталкивается съ серьезными препятствіями. Съ одной стороны, образованіе открываетъ новые широкіе горизонты для приложенія чело-вѣческихъ силъ (административная дѣятельность, промышленность); съ другой — развитіе путей сообщенія убиваетъ устарѣвшіе традиціонныя промыслы и вызываетъ къ жизни цѣлый рядъ другихъ. Подъ вліяніемъ этого двойного ряда обстоятельствъ расшатываются и падаютъ какъ сама система наслѣдственности, такъ нѣкоторыя устарѣвшія профессіи. Ручной ткачъ, побѣжденный (не вездѣ, однако) манчестерскимъ или бомбейскимъ ткачемъ, уже не заставитъ своего сына перенять по наслѣдству его ремесло. Точно такъ же и бра-

минь, который въ состоянїи дать сыну *университетское образованіе и проложить ему путь въ адвокатуру, въ медицину и т. п., гдѣ онъ будетъ имѣть заработокъ въ 10, въ 100 разъ больше заработка брамина, не заставитъ его сдѣлаться священникомъ. Тѣмъ не менѣе каста настолько могущественна и обычай настолько силенъ, что въ большинствѣ профессій по прежнему продолжаетъ дѣйствовать система наслѣдственности. Она дѣйствуетъ даже въ племенахъ преступниковъ ¹⁾. Эти племена преступниковъ, разумѣется, составляютъ исключеніе. Однако характеристика туземнаго общества, хотя бы въ тѣхъ общихъ чертахъ, въ какихъ она представлена нами, была бы неполной и не совсѣмъ точной, если бы мы обошли ихъ совершенно молчаніемъ.

Этихъ племенъ не слѣдуетъ смѣшивать съ болѣе или менѣе прочно организованными шайками бездомныхъ воровъ или убійцъ, оперирующихъ почти по всей Индіи. Они представляютъ собою нѣчто иное; это дѣйствительно сплоченныя племена, населяющія опредѣленную территорію, открыто занимающіяся своими профессіями то полезными, какъ ремесло плетельщика корзинъ, то терпимыми, какъ занятія рассказчиковъ интересныхъ происшествій, фокусниковъ, разносчиковъ и т. п. Къ этимъ главнымъ занятіямъ своимъ члены преступныхъ племенъ добавляютъ еще другія, соответствующія ихъ вкусу, и дѣйствуютъ, то единично выступая, напримѣръ, въ роли отравителей, то организованными группами, въ видѣ шайки похитителей скота, *dasoits* (то же, что пираты во французскихъ колоніяхъ, или разбойники на большой дорогѣ во Франціи, хорошо извѣстные уголовному кодексу).

Племена преступниковъ встрѣчаются подъ всѣми широтами: въ Мадрасскомъ президентствѣ — *Erukulas* или *Kaikaries*, оперирующіе на полуостровѣ; въ Соединенныхъ Провинціяхъ — *Barwars* (въ дистриктѣ Гонда), *Naburahs* (въ дистриктѣ Морабада), *Saipahs* (въ Джнси и Лалитнаурѣ), *Doms* — почти повсюду; въ Пенджабѣ, гдѣ они настолько многочисленны, что для нихъ потребовалось специальное законодательство; *Hurs* — въ Синдѣ и т. д.

Характерная особенность этихъ племенъ — наслѣдственность ихъ призванія, и при томъ почти непреодолимая.

¹⁾ См. прим., стр. 126.

Администрація, которой они извѣстны, старается порвать соединяющія ихъ связи. Она слѣдитъ за ними черезъ посредство своихъ превосходныхъ trackers (сыщиковъ) и пытается раздачей имъ земли въ чужихъ для нихъ мѣстахъ отвлечь ихъ изъ привычныхъ имъ мѣстностей. Когда она захватываетъ нѣкоторыхъ членовъ этихъ племенъ, то приговариваетъ ихъ къ высшей мѣрѣ наказанія и, если возможно, никогда не освобождаетъ ихъ, ибо ей извѣстно, что съ момента освобожденія они тотчасъ же возобновляютъ свой преступный образъ жизни.

Иногда администрація (вспоминая французскаго Видока) пробуетъ утилизировать и ихъ выдающіяся способности въ интересахъ общества. Въ Центральныхъ Провинціяхъ она часто поручала членамъ этихъ племенъ наследственные функціи, Kotwar (нѣчто въ родѣ сторожа, караульнаго, полицейскаго и т. п.). И, кажется, опытъ имѣлъ успѣхъ. Но общественное мнѣніе не сочувствуетъ этому, и, какъ мы уже знаемъ по примѣру съ паріями, повидимому, даже недовольно попытками администраціи въ этомъ направленіи. Избранное индусское общество относится къ нимъ, по меньшей мѣрѣ, равнодушно. Уже одно это обрекаетъ попытки администраціи на неудачу. Опытъ Европы показалъ, что въ этой области положительные результаты могутъ быть достигнуты только при поддержкѣ частной инициативы. Только частная инициатива поощряетъ бдительность правительствъ, побуждаетъ ихъ къ дѣйствію, намѣчаетъ имъ путь, оказываетъ помощь, а иногда принимаетъ на себя исполненіе деликатнаго порученія, для успѣха котораго необходимы качества, весьма часто отсутствующія у административныхъ органовъ—вѣра и настойчивость.

Примѣчанія.

Примѣчаніе къ стр. 125: *Племена преступниковъ.*

Въ Синдѣ на образованіе этихъ бандъ оказываетъ свое вліяніе религія, или лучше сказать, фанатизмъ. Тамъ каждый мусульманинъ есть мюридъ, т.-е. сторонникъ пира (ревнителя благочестія, фанатика и т. п.). Группа сторонниковъ пира называется Salim jamait или «разумный отрядъ приверженцевъ». Нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ Синдѣ насчитывалось 12 пировъ. Виднѣйшій среди нихъ, пиръ Кингри, имѣлъ не менѣе 200.000 сторонниковъ. Нѣкоторые изъ послѣднихъ признали его отрядъ слишкомъ многочисленнымъ и отдѣлились. Отдѣлившіеся были Hours или Lougs; они приняли имя Fagakwalas, т.-е. «отдѣляющіеся отъ массы».

Отдѣлившись отъ главнаго ядра, они объединились въ сильно сплоченную группу; вождь ихъ сталъ богомъ, они—факирами; они связаны тѣсной и полной солидарностью и безусловнымъ повиновеніемъ. Все у нихъ общее, даже жены. Центръ ихъ находится въ джунгли Махи Дандъ. Число ихъ опредѣляется въ 5—6 тысячъ человѣкъ, раздѣленныхъ на 12 talucas.

Число совершенныхъ ими преступленій громадно. Оперируя шайками въ 30—40 вооруженныхъ человѣкъ, они совершаютъ кражи, грабежи, убійства. Они всегда ускользаютъ отъ преслѣдованій, благодаря соучастію другихъ хуровъ (hours). Ихъ духовные вожди въ этомъ отношеніи не пользуются никакимъ вліяніемъ; общественное же мнѣніе (племени) оказываетъ имъ поддержку. Эти изгои окружены ореоломъ почета. Красивѣйшія женщины оспариваютъ другъ у друга честь принадлежать имъ. Во славу ихъ онѣ слагаютъ гимны. Послѣ ихъ смерти онѣ возводятъ ихъ въ героевъ. Каждый сельскій или окружной начальникъ, преслѣдующій ихъ, каждый сыщикъ, слѣдящій за ними и выдающій ихъ убійцѣ, осуждается ими на смерть; и этотъ приговоръ приводится въ исполненіе самымъ быстрымъ и самымъ рѣшительнымъ способомъ. Поэтому никто не отваживается вредить имъ. Сыщики всегда отговариваются потерей слѣдовъ. Если же одинъ изъ разбойниковъ и попадетъ въ руки властей, то остальные не жалѣютъ крупныхъ суммъ (иногда до 10.000 рупій) на приглашеніе самаго лучшаго защитника.

И практически судъ ничего съ ними не можетъ сдѣлать. Англо-индійскіе суды очень строго относятся къ вопросу о доказательствахъ. Они требуютъ показаній свидѣтелей-очевидцевъ. Но ни одинъ свидѣтель не осмѣливается говорить во вредъ обвиняемому. Одинъ изъ этихъ хуровъ, Доріаханъ, который уже 25 лѣтъ велъ преступную жизнь, могъ быть арестованъ и осужденъ лишь послѣ того, какъ онъ совершилъ убійство среди бѣла дня, на глазахъ толпы. Но даже и въ этомъ случаѣ свидѣтели говорили столь нерѣшительно, что его можно было осудить лишь на пожизненную ссылку. Въ 1895 г. банда нѣкоего Вачу, во время ярмарочнаго разгара въ Бахрамбори, начала стрѣлять въ полицію и убила четырехъ человѣкъ. Дѣло кончилось оправданіемъ.

Полиція и армія также безсильны въ борьбѣ съ этими разбойниками. Въ 1896 г. въ районѣ ихъ операций находились три роты лучшихъ туземныхъ полковъ, 1 эскадронъ кавалеріи, всего 400 человѣкъ дѣйствительной службы; всѣ эти вооруженные люди неоступно слѣдили за ними, собственно говоря, осаждали ихъ въ теченіе многихъ мѣсяцевъ и безъ всякаго результата.

Такое положеніе вещей, наконецъ, встревожило исполнительную и судебную власти. Онѣ предложили рядъ энергичныхъ мѣръ: введеніе въ этихъ округахъ исключительныхъ законовъ Пенджаба о преступныхъ племенахъ; массовыя ссылки отъ 150—200 семействъ хуровъ для поселенія ихъ въ Соединенныхъ Провинціяхъ или въ Гуджератъ; принудительное поселеніе остальныхъ бандъ въ другихъ пунктахъ Сянда подъ надзоромъ полиціи въ усиленномъ комплектѣ. Тамъ предполагалось раздать имъ участки земли для обработки и предоставить нѣкоторыя льготы.

Я не знаю, какова дальнѣйшая судьба этихъ предположеній.

6. Экономическое положеніе ¹⁾.

Органы индійской администраціи не даютъ намъ пока еще того статистическаго матеріала, который, даже при его ошибочности, позволяетъ все же составить себѣ нѣкоторое болѣе или менѣе вѣрное представленіе объ экономическомъ положеніи страны. По вопросамъ о дробленіи собственности, о капиталѣ, вложенномъ въ земледѣліе, о личномъ и національномъ доходѣ, органы туземной администраціи имѣютъ, можетъ — быть, столь же достовѣрныя свѣдѣнія, какъ и администрація европейскихъ странъ, но они опубликовываютъ ихъ лишь случайно и въ далеко неполномъ видѣ. Поэтому изученіе вопроса во всемъ его объемѣ оказывается, я не рѣшусь сказать — невозможнымъ, но, во всякомъ случаѣ, связаннымъ съ большими затрудненіями.

Однако, извѣстно, что земля раздроблена на мелкіе участки. Она, — объ этомъ я буду говорить ниже ¹⁾, — принадлежитъ, смотря по провинціямъ, или землевладѣльцамъ, обыкновенно, крупнымъ, иногда же среднимъ и мелкимъ землевладѣльцамъ (*landlords, zamindars*), которые сдаютъ ее арендаторамъ (*tenants*), или же крестьянамъ-собственникамъ (*ryots*), которые обрабатываютъ ее обыкновенно собственнымъ трудомъ, но часто клочекъ своей земли сдаютъ въ аренду крестьянамъ, еще болѣе бѣднымъ. Размѣръ участка отдѣльнаго собственника составляетъ нѣсколько акровъ (1 акръ равняется 40½ арамъ). Крохотное поле, раздѣленное на болѣе или менѣе правильные четырехугольники; домъ, чаще хижина; пара быковъ и колодезь, изъ котораго, съ помощью спеціальнаго приспособленія, вода распредѣляется по искусно проведеннымъ полевымъ бороздамъ, — вотъ внѣшняя картина хозяйства, еле обеспечивающаго жизнь огромнаго большинства крестьянъ. Главный

¹⁾ Для общей картины туземнаго общества мы даемъ здѣсь лишь самый краткій очеркъ экономическаго и социальнаго положенія туземцевъ. Онъ не замѣняетъ собою очерка, который мы представимъ ниже, о социальныхъ реформахъ, пропагандируемыхъ цѣлой партіей, а также очерка во второмъ томѣ, посвященнаго управленію и финансамъ, отвѣчающаго на вопросы: Богата ли Индія? Можетъ ли она вынести бремя уличиваемыхъ ею налоговъ?

²⁾ См. ниже, кн. II, гл. III.

вопросъ, который при этомъ напрашивается, таковъ: въ состоянн ли при такихъ условіяхъ крестьяне въ урожайные годы сберечь запасы, которые дали бы имъ возможность справиться съ затрудненіями неурожайныхъ годовъ? Этотъ вопросъ обсуждался въ комиссіяхъ о голодѣ, но не получилъ окончательнаго рѣшенія. Однако, путешествующаго по Индіи не можетъ не удивить странный контрастъ, бросающійся въ глаза. Почва далеко не отличается плодородіемъ; обитатель ея имѣетъ угрюмый видъ; нищета поразительная и, тѣмъ не менѣе, повсюду, даже въ районахъ, близкихъ къ голоду, можно замѣтить новые дома, новыя и почти комфортабельныя помѣщенія, немало драгоцѣнностей на женщинахъ и дѣтяхъ ¹⁾).

Торговля до сихъ поръ играетъ ничтожную роль. Тѣмъ не менѣе, нельзя игнорировать ея относительнаго значенія. Торговый обмѣнъ Индіи съ за-границей превысилъ сумму въ 5 миллиардовъ франковъ; въ такой же, по меньшей мѣрѣ, суммѣ долженъ былъ выразиться и внутренній обмѣнъ. Съ открытіемъ желѣзныхъ дорогъ и установленіемъ быстрого сообщенія между Европой и Индіей, торговый обмѣнъ распространился отъ периферіи къ центру и вовлекъ въ свой оборотъ значительную долю населенія. Всѣ крупныя дѣла сосредоточены еще въ рукахъ европейцевъ, главнымъ образомъ — англичанъ, встрѣчающихся теперь, впрочемъ, все усиливающуюся конкуренцію со стороны нѣмцевъ и парсовъ; но въ ту же сферу торговыхъ сношеній устремляются греки ²⁾, и уже вступаютъ индусы, обнаруживающіе изворотливость и инициативу, обезпечивающія имъ въ будущемъ широкій успѣхъ. Какой-нибудь маклеръ, не умѣющій подписать своего имени, принимаетъ на себя операціи, затрогивающія интересы крупныхъ банковъ и способныя повести ихъ къ краху. Промышленность (хлопокъ, джутъ, индиго), особенно въ Калькуттѣ и въ Бомбей, начинаетъ опоясывать города кольцомъ доменныхъ печей. Ее питаютъ европейскіе и туземные капиталы. Торговля и промышленность, конечно,

¹⁾ Объ этомъ будетъ подробно сказано въ другомъ томѣ въ связи съ вопросомъ о земледѣліи.

²⁾ Греція въ торговой сферѣ представлена крупнейшей торговой фирмой братьевъ Ралли, имѣющей 150 европейскихъ и 6000 туземныхъ агентовъ. Завѣдующій торговой конторой Ралли считается во всей Индіи очень видной персоной, и рекомендательное письмо, выданное правленіемъ фирмы цѣнится такъ же высоко, а въ иныхъ мѣстахъ даже выше, чѣмъ такое же письмо вице-короля.

оказываютъ свое вліяніе на земледѣліе, вызываютъ къ жизни новыя культуры, снабжаютъ земледѣльцевъ сѣменами, денежными авансами и проч. Въ разныхъ мѣстахъ учреждаются общества для покровительства и развитія той или иной отрасли промышленности и земледѣльческой культуры, связанной съ ней. Специальныя учрежденія, лабораторіи распространяютъ посредствомъ бюллетеней полезныя свѣдѣнія о наиболее выгодныхъ способахъ производства. Словомъ, Индія идетъ по пути къ крупнои промышленности и широкой спекуляціи.

Но все, сказанное выше, относится только къ побережнымъ пунктамъ, расположеннымъ по сосѣдству съ портами, къ крупнымъ городамъ и ихъ окрестностямъ, къ переднему плану картины, которая тускнѣетъ, по мѣрѣ удаленія въ глубь страны. Тамъ господствуютъ еще мелочная торговля и мелкая промышленность: скромныя мастерскія для очистки или прессовки хлопка, для выжиманія сахарнаго тростника, для дубленія и обработки кожи; безчисленныя и жалкія лавчонки и ларки съ жареной рыбой, кусками сахарнаго тростника, фруктами, овощами, дровами и кизякомъ, свѣжей травой для лошадей, лимонадомъ, мукой и крупой, эмалированной посудой и игрушками, разными тканями, цвѣтами и браслетами изъ цвѣтовъ, постелями и цыновками, фесками и тюрбанами, туфлями, драгоценностями, мѣдными издѣліями и т. д. Какъ и у насъ, въ опредѣленные дни ярмарки привлекаютъ въ города и деревни много народа изъ окрестностей.

Когда на разсвѣтѣ выходишь за городъ, въ которомъ должна происходить ярмарка, то можно видѣть, какъ на протяженіи многихъ верстъ, слѣсными и мѣрными шагами, со всѣхъ сторонъ стекаются десятки и сотни людей, особенно женщинъ, съ босыми ногами и подтыканными юбками, съ поднятыми на голову корзинами или лотками, нагруженными всякаго рода продуктами: дровами, кизякомъ, разной зеленью, которые дадутъ имъ доходъ въ нѣсколько анна (16 анна=1,65 рупій). Въ мѣстностяхъ, болѣе зажиточныхъ, босыхъ женщинъ замѣняютъ запряженныя *carts* (телѣжки). Каждый городъ или мѣстечко устраиваетъ свою очередную ярмарку или свой базарный день (послѣдній—каждую недѣлю). Иногда ярмарка совпадаетъ съ паломничествомъ; въ такихъ случаяхъ на первый планъ выступаютъ интересы не торговли, а религіи, политики, развлеченій и полиціи.

Если бы Индія обладала почвой, даже болѣе плодородной, пѣдрами, болѣе богатыми всякаго рода минералами, то и тогда она не могла бы развить всѣхъ своихъ ресурсовъ при той расслабляющей апатіи, съ которой населеніе относится къ труду. Праздность—это худшее изъ золъ ея. Процентъ праздно-шатающихся нищихъ изумителенъ. Картина, представляющаяся наблюдателю, съ перваго взгляда можетъ его обмануть. Каждый, повидимому, обнаруживаетъ полную готовность принять участіе въ общей работѣ. На самомъ же дѣлѣ большинство занято празднымъ созерцаніемъ работы одного человѣка. Согласно распространенной шуткѣ, изъ пяти, повидимому, работающихъ, одинъ ничего не дѣлаетъ, одинъ отдыхаетъ, одинъ смотритъ на нихъ и одинъ помогаетъ имъ. Каждый старается сбросить съ себя тяжесть работы. Земля, даже въ провинціяхъ съ мелкой собственностью (*goutwari*), переходитъ черезъ руки цѣлаго ряда арендаторовъ, изъ которыхъ лишь одинъ обрабатываетъ ее, остальные же уплачиваютъ причитающуюся съ нихъ долю арендной платы. И послѣ этого всѣ дружнымъ хоромъ обвиняютъ правительство во взиманіи съ нихъ чрезмѣрнаго поземельнаго налога.

Если заглянуть рано утромъ въ лавки и мелкія мастерскія, то тамъ всегда можно увидѣть рабочихъ, стоящихъ безъ всякаго дѣла, въ ожиданіи прихода хозяина, который долженъ распределить между ними работы. Въ Бирмѣ, напримѣръ, на шелковомъ базарѣ большинство лавокъ открывается не раньше 10 часовъ, а закрывается въ 4½ час. Въ той же Бирмѣ по улицамъ бродятъ сотни праздныхъ людей въ лохмотьяхъ и выпрашиваютъ подаваніе; и въ то же время вѣдомство общественныхъ работъ съ бюджетомъ въ 10 милліоновъ рупій не можетъ найти на мѣстѣ необходимыхъ для него рабочихъ рукъ, развѣ только, если предложена будетъ чудовищная заработная плата, наполовину уменьшающая, по сравненію съ Бенгаліей, доходность предпріятій. На помощь праздности приходятъ религіи. Индусы и мусульмане, буддисты и христіане всегда имѣютъ про запасъ какой-нибудь праздникъ, сокращающій число рабочихъ дней. Конторы, мастерскія, школы всегда имѣютъ достаточно поводовъ для закрытія своихъ учреждений. Индіи недостаетъ конкордатовъ, заключенныхъ съ Римомъ послѣдовательно Генрихомъ IV, Людовикомъ XIV и Наполеономъ для уменьшенія праздничныхъ дней. И послѣ этого эти праздные люди удивляются

и обижаются, когда передъ ними восхваляютъ трудолюбіе китайцевъ и инициативу японцевъ.

На упреки, обращаемые къ рабочему, онъ могъ бы отвѣтить указаніемъ на примѣръ капиталистовъ. Какой же примѣръ онъ видитъ тамъ? Землевладѣлецъ, если онъ на мѣстѣ, ведетъ широкую жизнь: охотится, играетъ, спекулируетъ землею, разоряется изъ-за честолюбія, дѣлаетъ займы на покрытіе своихъ чрезмѣрныхъ расходовъ и передаетъ всѣ свои имѣнія ростовщику, который собираетъ жатву, складываетъ ее въ амбары, распродаетъ, самъ ведетъ вѣдомость доходовъ и расходовъ и эксплуатируетъ арендаторовъ. И это еще не все; кромѣ платы арендныхъ денегъ, несчастный крестьянинъ несетъ барщину, исправляетъ дороги, загоняетъ дичь на охотѣ; а когда онъ отказывается отъ исполненія подобныхъ обязанностей, онъ рискуетъ навлечь на себя обвиненіе въ какомъ-нибудь преступленіи, которое готовы подтвердить подъ присягой двадцать несомнѣнныхъ преступниковъ.

Безпечная непредусмотрительность—явленіе у индійцевъ столь же общее, какъ и лѣность. Сберегательныя кассы въ странѣ съ трехсотмилліоннымъ населеніемъ имѣютъ у себя на храненіи всего 100 милліоновъ рупій. Во всѣхъ классахъ общества наблюдается самая беззаботная неразсчетливость въ веденіи своихъ дѣлъ,—начиная отъ мелкаго крестьянина, продающаго зерно, выданное въ ссуду на обмененіе, и кончая крупнымъ собственникомъ, находящимся во власти ростовщика; отъ молодого человѣка, который обзаводится семьей, не считаясь съ размѣрами своего участка и не заботясь о томъ, хватитъ ли собираемыхъ съ него запасовъ на содержаніе семьи, и до отца семейства, который для традиціонныхъ празднествъ по случаю помолвки, свадьбы, обрѣзанія, похоронъ, совершенія культа предковъ, судебного процесса, объявляемаго имъ безпроигрышнымъ, и на самомъ дѣлѣ, проигрываемаго, отъ времени до времени занимаетъ 100 рупій у ростовщика, который, изъ уваженія къ нему самому, а также къ его отцу, къ его сыновьямъ, могущимъ родиться отъ второго брака, къ его семьѣ, его полю, его стаду, соглашается ссудить ему такую сумму и беретъ съ него только 1 анна съ рупіи въ мѣсяць (75%). При этомъ всѣ сгибаются подъ бременемъ многочисленныхъ семей, состоящихъ изъ отца, матери, братьевъ, незамужнихъ сестеръ, свойственниковъ,

почти сплошь праздныхъ и умирающихъ отъ голода, наконецъ, родственниковъ, которые помогаютъ въ занятіяхъ человѣку съ широкимъ будущимъ и которыхъ этотъ человѣкъ, ставъ профессоромъ или знаменитымъ адвокатомъ; долженъ кормить, въ свою очередь, или дѣлиться съ ними своими доходами. Въ обществѣ съ такими нравами и привычками невозможно прочное, устойчивое существованіе. Малѣйшее непредвидѣнное бѣдствіе нарушаетъ равновѣсіе бюджета и ввергаетъ человѣка въ бездну нищеты.

Зло достигло такихъ размѣровъ, что власти, наконецъ, встревожились и рѣшили принять нѣкоторыя мѣры, направленные, однако, не противъ ростовщика ¹⁾, а противъ расточителей. Въ 1870 году магараджа Джейпура учредилъ *panchayat* изъ главныхъ представителей различныхъ кастъ и классовъ съ цѣлью урегулировать и сократить расходы, связанные съ заключеніемъ браковъ. Органъ бомбейскихъ властей, „*Gazette*“, въ номерѣ отъ 31 января 1889 года, даетъ списокъ правилъ, изданныхъ съ цѣлью ограниченія брачныхъ расходовъ въ племени *Leva-Kunbis*, гдѣ имѣлось, главнымъ образомъ, въ виду положить конецъ практикѣ дѣтоубійства. Въ томъ же 1889 году государство Бунди учредило комитетъ, облеченный правомъ регламентировать расходы на брачныя и похоронныя церемоніи раджпутовъ. Другой комитетъ, названный по имени одного изъ чиновниковъ при генераль-губернаторѣ въ Раджпутанѣ, *Walter-Krit-Saha*, былъ учрежденъ среди благородныхъ раджпутовъ; имъ были изданы правила ²⁾ относительно расходовъ на брачныя и свадебныя торжества. Отчетъ 1905 года сообщаетъ, что изъ 4.000 свадебъ и 1.000 помолвокъ болѣе трехъ четвертей были совершены согласно предписаннымъ правиламъ.

¹⁾ Было бы ошибкой и несчастьемъ заставить населеніе предположить, что правительство одобряетъ идею крестоваго похода противъ займодавцевъ. Займодавцы, очевидно, столь же необходимы индійскому земледѣльцу, какъ и сѣмя, которое онъ сѣетъ, или какъ дождь, падающій съ неба и орошающій его поле. Безъ нихъ самое земледѣліе, вѣроятно, оказалось бы невозможнымъ. (Законъ 1879 г., вызванный аграрными беспорядками въ Деканѣ; дебаты въ совѣтѣ вице-короля).

²⁾ Эти правила касаются также и брака: ими запрещаются ранніе браки мальчиковъ и дѣвочекъ, поздніе браки вдовъ съ малолѣтними; они стремятся опредѣлить брачный возрастъ для дѣво-

Наконецъ, соціальныя конференціи, происходившія въ теченіе этихъ послѣднихъ лѣтъ, поставили на очередь соціальную и экономическую реформу, формулировавъ рядъ совершенно опредѣленныхъ и многозначительныхъ пожеланій ¹⁾.

Будущее покажетъ, насколько эти усилія увѣнчаются успѣхомъ. А пока больше всѣхъ благоденствуютъ въ Индіи (см. дальше главу „Земледѣльческіе классы и поземельный строй“) займодавцы. Среди нихъ на первомъ планѣ стоятъ Каттукотан Чети въ Мадурѣ, операціи которыхъ распространяются не только на Мадрасское президентство, но и на Бенгалію, Бирму и до Сингапура. Въ Соединенныхъ Провинціяхъ по новѣйшему изслѣдованію оказалось, что 78% земель арендаторовъ (tenants) были заложены и три четверти арендаторовъ (tenants) были обременены долгомъ, превышавшимъ годовую сумму арендной платы. Средняя величина процента была номинально 25%, фактически же гораздо больше, ибо онъ изъ года въ годъ начислялся на весь первоначально занятый капиталъ безъ предварительнаго вычета произведенныхъ частичныхъ платежей. Разъ въ годъ, обыкновенно, производился расчетъ между должникомъ и кредиторомъ—послѣ сбора жатвы. Должникъ платитъ натурой; кредиторъ продаетъ продукты по цѣнѣ, какая ему заблагоразсудится, и вырученную сумму удерживаетъ въ счетъ причитающагося ему долга.

Послѣ всего сказаннаго мы можемъ назвать Индію страной нищеты, ростовщической эксплуатаціи и ненависти. Собственность не обезпечена, сокровища зарываются

чекъ четырнадцатью годами, для мальчиковъ — восемнадцатью: запрашиваютъ имѣющимъ дѣтей вдовцамъ послѣ сорокалѣтняго возраста вступать въ бракъ.

1) Приведемъ нѣсколько образчиковъ подобныхъ пожеланій:

«Распространеніе идеи бережливости».

«Сокращеніе расходовъ на брачныя и другія церемоніи соотвѣтственно достатку брачующихся».

«Образованіе съ этой цѣлью комитета съ подчиненными ему подкомитетами для каждой касты для пропаганды въ нихъ идеи уменьшенія расходовъ на брачныя церемоніи».

«Рекламирование примѣровъ подчиненія совѣтамъ распорядковъ».

«Указаніе цифръ дѣйствительныхъ расходовъ на брачныя церемоніи въ данной кастѣ».

«Собіраніе предварительныхъ свѣдѣній о вступающихъ въ бракъ и склоненіе ихъ къ уменьшенію расходовъ».

въ землю; она и теперь еще представляется наиболее надежнымъ денежнымъ сундукомъ, наиболее неприступной кассой. Ростовщикъ каждый день ждетъ, что съ него сразу потребуютъ тѣ счета, которыхъ онъ никогда не возвращалъ. Въ прежнее время онъ былъ совершенно спокоенъ ¹⁾; теперь же онъ находится въ вѣчной тревогѣ. Домъ его накрѣпко запертъ двойнымъ замкомъ; воры, а также его должники, грозятъ его имуществу и жизни. Чувствуя себя въ постоянной опасности, онъ считаетъ себя счастливымъ, когда ему во-время удастся бѣжать. Развѣдчики, подкупленные слуги, женщины, пытаемые на медленномъ огнѣ, указываютъ на потайныя мѣста, гдѣ скрыты драгоценности и документы. Документы—счета и расписки—сжигаются; драгоценности распродаютъ или плавятся. Послѣ этого наступаетъ передышка, пока не явятся полиція и новый ростовщикъ.

Въ такомъ положеніи находится значительная часть даже Британской Индіи.

7. Соціальная реформа.

Мы видимъ, что строй этого общества, какимъ онъ выступилъ передъ нами послѣ произведеннаго нами анализа, не соотвѣтствуетъ уже духу своего времени. Индія современная, вопреки своей волѣ вовлеченная въ круговоротъ міровой жизни, задыхается въ тѣсныхъ пеленкахъ, которыми была стянута старая замкнутая Индія. Она нуждается въ реформахъ. Она ихъ настоятельно требуетъ и ея требованіямъ идутъ навстрѣчу. Къ сожалѣнію, партія реформистовъ въ Индіи не такъ многочисленна, рѣшительна и энергична, какую была такая же партія въ Европѣ во времена Лютера, во Франціи передъ революціей. Она имѣетъ въ своихъ рядахъ лишь ничтожную группу образованныхъ и убѣжденныхъ людей, теряющуюся среди невѣжественной массы, скованной цѣпями традиціи; нѣсколько краснорѣчивыхъ ораторовъ, безсильныхъ передъ огромной инертной толпой. И сторонники реформы не

¹⁾ Богачи-туземцы разоряются со времени прибытія европейцевъ. Причина этого являлся въ томъ, что при господствѣ законности, они уже не въ состояніи, какъ это практиковалось раньше, насильно вернуть себѣ все, переплаченное ростовщику.

могут тутъ разсчитывать на поддержку какой-либо отдѣльной части населенія, которой реформа принесла бы болѣе осязательную и непосредственную пользу. Реформа будетъ для всѣхъ одинаково полезна, но полезные результаты ея окажутся лишь постепенно, съ теченіемъ времени. Къ тому же она требуетъ слишкомъ много инициативы и энергій; индусы же извѣстны своей апатіей и неподвижностью. Отсюда понятно, почему до сихъ поръ мы слышали только много словъ, но видѣли мало дѣла даже со стороны наиболѣе пламенныхъ реформаторовъ.

Впрочемъ, партія Реформы ставитъ передъ собою огромную и опасную задачу. Дѣло идетъ о реформѣ касты, т.-е. того именно института, который создалъ своеобразный обликъ индусскаго общества и держитъ его въ своихъ тискахъ. Каста сковываетъ жизнь такими правилами, что всякое развитіе общественности и соціального прогресса становится немыслимымъ. Нѣкогда сжиганіе вдовъ, а въ настоящее время ранніе браки дѣтей, запрещеніе вторичнаго замужества для вдовъ, затворничество и невѣжество женщинъ, наследственность профессій и воспрещеніе далекихъ путешествій,—таковы нѣкоторыя изъ предписаній касты, убивающія чувства альтруизма, солидарности и патриотизма. Кромѣ того, она имѣетъ опору и санкцію въ религіи; она связываетъ народъ, столь гордый древностью своего происхожденія, авторитетомъ священныхъ книгъ. Такимъ образомъ, чтобы сломить инертность народа, необходимо прежде всего доказать, что священные тексты не только не противорѣчатъ реформѣ, но, наоборотъ, допускаютъ толкованіе, вполне благоприятное ей; а затѣмъ необходимо также убѣдить и единственную касту, способную дать примѣръ, обязательный для другихъ, т.-е. касту браминовъ, и народъ, расположенный на низахъ общественной лѣстницы: доказать первой, что всякая реформа является для нея чистымъ выигрышемъ, а другому,—что ему терять нечего; наконецъ, для борьбы со старымъ традиціоннымъ духомъ необходимо обратиться съ призывомъ къ молодой націоналистической партіи, которая служитъ однимъ изъ проявленій духа „Молодой Индіи“, и показать ей, что Индія не можетъ стать единымъ народомъ или возстановить свое національное и при томъ великое національное единство, прежде чѣмъ не приступитъ къ проведенію соціальной реформы.

Попытки въ этомъ направленіи предпринимались уже

съ давнихъ поръ и наиболѣе пылкими реформаторами, и самымъ виднымъ человѣкомъ ихъ партіи, г. Чандаваркаромъ, прославившимся своими дарованіями еще до того, какъ онъ достигъ почетной репутаціи въ качествѣ судьи верховнаго суда въ Бомбеѣ.

Чтобы быть людьми, и людьми, способными къ прогрессу, нужно, — говорилъ онъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ, — совершать путешествія по разнымъ странамъ; крылатъ себя надеждой и почерпать въ ней радость обновленія; запасаться опытомъ вдали отъ родины и размышлять надъ окружающимъ при возвращеніи; усваивать идеи и извлекать изъ нихъ полезные выводы; завоевывать рынки и накапливать богатства. Но каста запрещаетъ путешествія ¹⁾. Чтобы составить семью, необходимо жениться и, хотя бы въ преклонныхъ лѣтахъ, вступить въ новый бракъ для обезпеченія потомства, продолжающаго родъ исчезнувшихъ предковъ. Но что сказать о тѣхъ, которые, дойдя уже до престарѣлаго возраста, и окруженные мужскимъ потомствомъ, берутъ себѣ еще новую жену, иногда дѣвочку? Для образованія настоящей семьи нужны два равныхъ по умственному развитію существа. Но мы удерживаемъ, сознательно удерживаемъ женщину въ состояніи невѣжества. Наконецъ, для образованія государства, для созданія націи необходима, вмѣстѣ съ семьей, и семейная жизнь, какъ основа жизни общественной. Но у насъ существуетъ лишь „жизнь касты“.

Впрочемъ, здѣсь выраженіе „жизнь касты“ совсѣмъ не подходитъ. Индусъ ведетъ обособленную и замкнутую жизнь. Его обособленность, которую хотѣли объяснить, какъ проявленіе эгоизма, онъ называетъ индивидуализмомъ. И въ пользу этого индивидуализма онъ въ обрывкахъ изъ западной науки (главнымъ образомъ, изъ Герберта Спенсера, скорѣе перелистываемаго, чѣмъ читаемаго), находитъ нужные ему аргументы. Но Западъ, стремясь къ счастью отдѣльнаго индивидуума, вмѣстѣ съ тѣмъ, стремится и къ счастью всего общества. Индуизмъ предпочелъ бы иной девизъ: „ничего не дѣлать въ союзѣ съ обществомъ“.

Приведемъ нѣкоторыя изъ руководящихъ идей индуса; онѣ не отличаются ни широтою, ни благородствомъ.

¹⁾ Многіе туземные принцы отказались отъ поѣздки въ Англію на коронаціонныя торжества.

Въ семьѣ власть принадлежитъ мужчине. Женщина остается въ полномъ пренебреженіи ¹⁾. Единственно, чѣмъ она можетъ привлечь къ себѣ вниманіе мужчины, — это своими талантами или своею граціей. Индусы до сихъ поръ еще остаются при тѣхъ понятіяхъ, которыя господствовали два съ половиною вѣка тому назадъ, въ эпоху Мольера и Боссюэта. До сихъ поръ еще съ трудомъ добиваются отъ присяжныхъ засѣдателей обвинительнаго вердикта мужу, убившему свою жену.

Въ теченіе длиннаго ряда вѣковъ существовалъ обычай, по которому вдова должна была сжигать себя на кострѣ вмѣстѣ съ останками мужа (*s u t t e e*). Этотъ обычай не восходитъ, какъ полагали индусы, ко временамъ ведъ, ибо въ *Atharva Veda* упоминается объ условіяхъ, при которыхъ вдова могла вступить въ новый бракъ. Но все же обычай этотъ имѣетъ давнее происхожденіе; Александръ Македонскій нашелъ его въ Пенджабѣ. Онъ господствовалъ еще въ началѣ XIX вѣка ²⁾. Въ мемуарахъ генерала Слимана можно прочесть трогательный рассказъ о его попыткѣ помѣшать одной вдовѣ въ Соединенныхъ Провинціяхъ умереть на кострѣ своего мужа; ни строгостью, ни хитростью не могъ онъ отвратить ее отъ этого намѣренія. Въ 1829 году лордъ Вильямъ Бентинкъ добился запрещенія этого обычая. И, несмотря на непрестанную борьбу противъ этого обычая, возможно, что и въ настоящее время изрѣдка еще происходятъ факты саможженія (въ Центральныхъ Провинціяхъ у *хондовъ*).

¹⁾ Послѣ смерти королевы Викторіи, повергнувшей въ трауръ всю Индію, туземцы, особенно мусульмане, рассчитывали на крупныя перемены. Они ждали уничтоженія парламента. Ибо парламентъ хорошъ лишь во времена господства женщинъ, не знающихъ какъ вести дѣла. Учрежденія леди Дюфферинъ, всѣ эти больницы для женщинъ, повидимому, также считались обреченными на гибель. Наконецъ, одинъ мусульманинъ задалъ вопросъ: «Будете ли вы по прежнему кланяться женщинамъ?—Почему же нѣтъ?—О, мы думали, что вы кланяетесь имъ лишь потому, что случай ввѣрилъ управление вашей страной женщинамъ».

²⁾ Вотъ какое фантастическое происхожденіе приписываетъ этому обычаю одинъ французскій путешественникъ XVII в., Жанъ Мокель, въ своей книгѣ: «*Voages en... Indes Orientales*», Руанъ, 1645 г. «Этотъ обычай, говоритъ онъ, былъ введенъ однимъ древнимъ царемъ, который, замѣтивъ, что женщины отравляли своихъ мужей для того, чтобы выходить за другихъ, издалъ повелѣніе, коимъ предписывалось женамъ сжигать себя вмѣстѣ съ умершими мужьями; только жены, имѣвшія дѣтей, могли оставаться въ живыхъ, но не могли вторично выходить замужъ».

Обычай, разрѣшающій отцамъ освобождаться помощью убійства отъ своихъ новорожденныхъ дочерей, практиковался до послѣдняго времени, почти до нашихъ дней,—и не только въ Раджпутанѣ, но и въ Катъяворѣ, въ Соединенныхъ Провинціяхъ, въ Пенджабѣ и въ Пограничной Провинціи. Обычаю этому слѣдовали отцы, принадлежащіе не къ какому-нибудь дикому племени, а къ средѣ, живущей правильной и даже культурною общественною жизнью, каковы прославленные раджпуты, цвѣтъ индусской аристократіи. Нѣкоторыя племена, какъ *Leva Kunbis* въ Бомбей, вѣроятно, и теперь еще слѣдуютъ ему.

Чтобы съ корнемъ вырвать этотъ обычай, пришлось провести въ 1870 году специальный законъ ¹⁾, всегда имѣвшій успѣхъ тамъ, гдѣ онъ примѣнялся со всею строгостью. Въ нѣкоторыхъ провинціяхъ ведется бойкая торговля дѣвушками. На сѣверной границѣ и на югѣ Индіи ихъ покупаютъ по 70—100 рупій иногда для женитьбы, большей частью чтобы сдѣлать изъ нихъ танцовщицъ и проститутокъ. Нравы въ Индіи не хуже, чѣмъ въ другихъ мѣстахъ. Правда, семья, закрывая

¹⁾ Этотъ законъ явился нарушеніемъ политики невмѣшательства индійскаго правительства въ частную и общественную жизнь населенія. Но правительство было убѣждено въ поддержкѣ со стороны общественного мнѣнія. Убійство поворожденныхъ дѣвочекъ оправдывалось двумя соображеніями. Раджпуты, обычаи которыхъ служатъ закономъ въ этихъ провинціяхъ, не могутъ жениться ни внѣ своей касты, ни внутри своего клана (*Sert*) (см. выше—каста). Вслѣдствіе этого браки рѣдки и очень многія дѣвочки, не представляющія особаго интереса для жениховъ, не находили себѣ мужей, что налагало пятно безчестія на ихъ отца. Во избѣжаніе этого, отецъ въ древнія времена предпочиталъ избавляться отъ нихъ съ помощью убійства. Позднѣе этотъ обычай получилъ всеобщее распространеніе, имѣя за собою авторитетъ традиціи. Около 1850 г. замѣтили, что въ нѣкоторыхъ дистриктахъ, особенно въ дистриктѣ Манипури, въ Соединенныхъ Провинціяхъ, не было ни дѣвушекъ, ни выдачь ихъ замужъ съ очень давнихъ временъ. Произведена была анкета, и причина этого явленія была открыта. Тогда рѣшили (въ 1870 г.) издать законъ для борьбы съ этимъ зломъ. И вопреки распространенному мнѣнію, что законы не улучшаютъ нравовъ, правительство съ чувствомъ удовлетворенія могло констатировать полный успѣхъ закона. Примѣненіе закона основано на статистикѣ—на статистикѣ родившихся и умершихъ, прибывшихъ и выбывшихъ въ каждой деревнѣ. Если данныя свидѣлствуютъ, что число дѣвочекъ въ какой-нибудь деревнѣ значительно ниже числа мальчиковъ, то къ ней сейчасъ же примѣняется законъ. Область его примѣненія съ каждымъ годомъ сокращается, и въ настоящее время случаи его примѣненія крайне рѣдки.

на все глаза, крѣпко хранить свои тайны, а дѣвушки получаютъ очень слабое нравственное воспитаніе и къ 15—20 годамъ оказываются уже много испытанными. Но въ то же время дѣвушки и женщины находятся подъ очень бдительнымъ надзоромъ, а мужчины, нѣсколько апатичные, не практикуютъ того своеобразнаго спорта, который называется флиртомъ, волокитствомъ, оболъщеніемъ, и въ которомъ европеецъ не имѣетъ себѣ соперниковъ. Поэтому проституція въ этомъ обществѣ играетъ свою роль. Европейскіе офицеры получаютъ извѣстнаго рода предложенія черезъ посредство угодливыхъ посредницъ, нѣсколько не стѣсняющихся тѣмъ, что онѣ сами матери. На улицахъ, въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ встрѣчаются очень приличные, богато разодѣтыя женщины, профессія которыхъ не возбуждаетъ никакихъ сомнѣній. Киплингъ въ своей повѣсти: „On the City Wall“ описываетъ обаятельное, живущее въ полномъ довольствѣ созданіе, сильно напоминающее античныхъ куртизанокъ. Это со-всѣмъ особый міръ — міръ разводовъ, похищеній, оболъщеній и своеобразной торговли.

Нѣкоторыя движенія женской души не могутъ имѣть мѣста въ такомъ обществѣ, какъ индійское. Ревность, по-видимому, должна быть совершенно чужда женщинамъ въ томъ обществѣ, гдѣ двоеженство не считается преступленіемъ. Мужчина, который можетъ, по праву, одновременно заключать нѣсколько брачныхъ союзовъ, не можетъ быть названъ двоеженцемъ въ преступномъ смыслѣ этого слова. Только женщина, становясь двумужницей, совершаетъ преступленіе. Но эти преступленія рѣдки. Если же они и случаются, то чаще всего это происходитъ тогда, когда замужня женщина увлечена настойчивымъ ухаживаніемъ своего оболъстителя и поощряется къ уступчивости своей матерью, соблазненной какимъ-нибудь подаркомъ. По той же причинѣ не могутъ быть очень часты проявленія чувства ревности со стороны жены и преступленія, которыя оно влечетъ за собою. Однако на Андаманскихъ островахъ, служащихъ мѣстомъ ссылки, встрѣчается немало женщинъ, осужденныхъ за мужеубійство: онѣ не могли снести униженія, когда мужа ихъ ввели къ себѣ въ домъ новыхъ женъ.

Преступленіе, подъ вліяніемъ господствующихъ въ Индіи обычаевъ болѣе всего распространенное,—это дѣтубійство. Одна категорія женщинъ гораздо чаще, чѣмъ

въ Европѣ, рискуетъ стать жертвой этого преступленія,— категория малолѣтнихъ вдовъ, которымъ, по правиламъ касты, запрещено вторичное замужество.

Во время посѣщенія Андаманскихъ острововъ, я спросилъ одного чиновника: „Есть ли здѣсь среди осужденныхъ женщины высшаго класса?“ — „Ни одной,—отвѣтилъ онъ,—въ Индіи съ помощью денегъ всего можно добиться; всегда легко найти добровольца, готоваго принять на себя за деньги чужое преступленіе: бездѣтнаго старика, который замѣститъ главу семьи; нищенку, которая приметъ на себя вину какой-нибудь дамы. Соответственно этому организуютъ и подставныхъ свидѣтелей“.

Какъ и вездѣ, въ Индіи имѣются въ сущности два общества—бѣдныхъ и богатыхъ. Но нигдѣ эта разница такъ рѣзко не выражена, какъ въ Индіи, и особенно среди женщинъ. Характерное выраженіе эта разница получаетъ въ системѣ *purdah*. *Purdah* это—завѣса, покрывало. Женщинъ держатъ отдѣльно отъ мужчинъ; онѣ могутъ показываться только въ семьѣ. Опредѣленіе отношеній „семьи“ къ системѣ *purdah* служитъ предметомъ споровъ. Мусульмане научили индусовъ устройству отдѣльныхъ жилыхъ помѣщеній для женщинъ. И тамъ, гдѣ мусульмане не пользуются господствующимъ положеніемъ, покрывало и женская половина часто еще неизвѣстны и слабо примѣняются. Мусульмане насмѣхаются надъ той долей свободы, которую индусы оставляютъ еще своимъ женщинамъ¹⁾. Такимъ образомъ, монастырскій режимъ окружаетъ своихъ затворницъ все болѣе тѣснымъ кольцомъ. Можно ли себѣ представить что-нибудь болѣе печальное и гибельное по своимъ послѣдствіямъ! Но *purdah* примѣ-

¹⁾ Одинъ видный мусульманинъ сдѣлалъ мнѣ слѣдующее заявленіе: Туземцы, особенно мусульмане, чувствуютъ себя очень счастливыми подъ британскимъ господствомъ. Они требуютъ отъ британскаго правительства только двухъ вещей:

1. Чтобы оно оказывало имъ уваженіе; уваженіемъ они дорожатъ гораздо больше, чѣмъ деньгами. И оно имъ оказывается.
2. Чтобы не дѣлалось ничего такого, что могло бы идти въ разрѣзъ съ *purdah system*. *Purdah*—слово арабское и въ фигуральномъ и широкомъ смыслѣ означаетъ женщину, которая не видитъ ни одного мужчины, за котораго она не можетъ выйти замужъ. Она можетъ видѣть своего отца, своихъ братьевъ, своего дядю, своего племянника, но она не можетъ видѣть братьевъ своего мужа, ни одного юноши старше 12-ти лѣтъ. Индусы болѣе терпимы; они не знаютъ *purdah system*. Они находятся отъ нея на тысячи верстѣ.

няется только среди богатыхъ слоевъ общества. Мыслимо ли жить изолированной отъ мужчинъ жизнью, когда приходится работать въ полѣ или въ мастерской! Поэтому женщины неимущихъ классовъ свободны отъ подчиненія системѣ *purdah*. Тѣмъ не менѣе, онѣ носятъ вуаль, откидываемую во время работы и опускаемую только при приближеніи мужчинъ, которыхъ онѣ не должны видѣть. Кто эти мужчины? Иногда это туземцы, мнѣнїемъ которыхъ онѣ единственно и дорожатъ; иногда это нескромные европейцы.

Степень обязательности *purdah* и изолированности мѣняются въ зависимости отъ возраста и общественнаго положенія женщины. Богатыя дѣвушки подчинены этой системѣ чаще, чѣмъ бѣдныя. Женщина могла не соблюдать *purdah*, когда ея мужъ былъ бѣденъ, и подчиняется ей, когда онъ приобретаетъ богатство и соответствующее положеніе. Она могла соблюдать *purdah* при однихъ обстоятельствахъ и пренебрегать ею въ другихъ. Жена хорошо извѣстнаго индійскаго князя придерживается *purdah* въ своемъ государствѣ, но свободно показывается въ обществѣ, когда она путешествуетъ по Европѣ вмѣстѣ со своимъ супругомъ. Нужно быть поистинѣ богачомъ, чтобы строго соблюдать эту систему въ пути, на желѣзной дорогѣ и особенно на омовеніи во время паломничествъ. Въ общемъ—это своеобразная система монастырской кельи, примѣняемая къ повседневной жизни. Были придуманы особыя мѣры для судебной процедуры, для свѣщанія, для школьнаго обученія, для гостепрїимства, для свѣтскихъ прїемовъ въ интересахъ дамъ, соблюдающихъ *purdah*. Въ Дели во время дурбарской коронаціи 1902 года устроенъ былъ специальный лагерь для туземной аристократіи, жены которыхъ были *purdah*.

Это обособленіе женщины привело здѣсь, какъ всюду, къ самымъ гибельнымъ послѣдствіямъ. Женщины, изолированныя отъ остальнаго общества, не оказываютъ на него своего вліянія, всегда благотѣльнаго, какъ свидѣтельствуемъ объ этомъ исторія. Въ то же время сами онѣ ниже того уровня, на которомъ могли бы стоять, какъ жены и матери. Ниже физически—за отсутствіемъ всякой работы, морально—за недостаткомъ образованія. Онѣ остаются невѣжественными и легкомысленными и становятся хитрыми, лживыми и злобными. Онѣ часто служатъ причиною разоренія своихъ мужей.

Партія пресвѣщенныхъ индійцевъ протестуетъ про-

тивъ этой системы. Но до сихъ поръ только одни пары рѣшаются показывать своихъ женъ въ обществѣ, въ школахъ, въ больницахъ ¹⁾. Однако, внутри *Zeana* начинается движеніе. Образовались индускіе клубы для женщинъ, гдѣ происходятъ встрѣчи всѣхъ религій и всѣхъ классовъ обществъ и гдѣ, такимъ образомъ, *rigdahladies* получаютъ возможность пріобщаться къ области мужскихъ интересовъ. Открывается уже доступъ для женщинъ къ нѣкоторымъ почетнымъ профессіямъ: профессіямъ повивальныхъ бабокъ, врачей и даже (напримѣръ, миссъ Корнелія Сорабджи) юридическихъ совѣтницъ для женщинъ.

Другой, столь же печальный обычай, господствующій въ индускомъ обществѣ, это—преждевременные браки дѣтей. Этотъ обычай также служитъ монополіей богатыхъ и высшихъ кастъ, и господствуетъ этотъ предрасудокъ только въ опредѣленныхъ районахъ. Въ южной части Индіи число женъ-дѣтей не особенно велико; но въ Берарѣ шестая, а въ Бехарѣ пятая часть дѣвочекъ въ возрастѣ ниже 10 лѣтъ уже состоятъ въ замужествѣ. Подъ замужествомъ мы понимаемъ здѣсь, за исключеніемъ нѣкоторыхъ частей Бенгаліи, состояніе, связывающее узами брака, а не фактическое супружество. Такого рода браки особенно господствуютъ въ классѣ браминовъ, для которыхъ они еще недавно составляли богатый источникъ доходовъ. Нѣкоторые брамины, кулинъ-брамины въ Бенгаліи—обычай этотъ вымираетъ—женились на 40, 50, 100 женахъ, иногда женахъ-сестрахъ (кулинизмъ).

Причинъ столь страннаго института множество; впрочемъ, въ разныя эпохи онѣ бываютъ различны. Въ древнія времена, когда война была хроническимъ явленіемъ и разрушеніе городовъ, грабежъ и раздѣлъ женщинъ или обращеніе въ рабство составляли ея обычныя послѣдствія, торопились выдавать замужъ своихъ дочерей въ расчетѣ, что замужество обезпѣнитъ дѣвушекъ въ глазахъ побѣдителя, который отнесется къ нимъ съ пренебреженіемъ ²⁾.

¹⁾ Но не на сценѣ. Антрепренеры, ангажировавшіе парсійскихъ актрисъ, были отвергнуты своими единовѣрцами.

²⁾ Факты изъ этой области относятся къ не очень далекимъ временамъ. Раджпуты триста лѣтъ тому назадъ перебили своихъ дѣвушекъ, чтобы избавить ихъ отъ моголовъ; такъ же поступили во многихъ мѣстахъ и китайцы во время англійской и англо-французской кампаніи 1842 и 1859 г.

Другой причиною могло быть желаніе заранѣе обезпечить себѣ шансы, хотя бы и отдаленные, на оставленіе послѣ себя потомства. Въ настоящее время этотъ обычай можно толковать различно. Заключение браковъ дѣло довольно сложное. Дѣвичество дочерей для ихъ отца является безчестіемъ. Препятствіемъ къ замужеству въ очень многихъ случаяхъ служитъ недостатокъ денежныхъ средствъ. Въ Бирмѣ дѣвушки работаютъ, чтобы скопить себѣ приданое. Въ Индіи онѣ прибѣгаютъ иногда для сокрытія стыда дѣвчества къ симуляціи брака ¹⁾. Въ Калькуттѣ существуетъ рынокъ жениховъ, на которомъ сыновья высшихъ классовъ, особенно браминовъ (а также лауреаты университетовъ), расцѣниваются довольно дорого. При такихъ условіяхъ происходитъ одно изъ двухъ: брамины, какъ брачныя кандидаты, женятся (или, вѣрнѣе, женились) настолько часто, насколько это только возможно, такъ какъ бракъ для нихъ—выгодная статья дохода, а во избѣжаніе семейныхъ осложненій, они выбираютъ себѣ жень-дѣтей; или же, въ качествѣ священниковъ, они поощряютъ къ бракамъ другихъ, такъ какъ каждая брачная церемонія также служитъ для нихъ источникомъ дохода.

Наконѣцъ, есть еще одна причина этихъ преждевременныхъ браковъ: невѣстка должна жить у своей свекрови, и ее принимаютъ въ домъ съ ранняго возраста, чтобы легче было подчинить ее требованіямъ домашней дисциплины. Какъ только дѣвушка помолвлена, она покидаетъ домъ своей матери и переходитъ въ домъ свекрови, и уже не можетъ оттуда выйти даже для того, чтобы посѣтить родителей на праздники, безъ особаго позволенія, которое иногда дорого оплачивается.

Результаты этихъ своеобразныхъ браковъ крайне гибельны. Нерѣдко они кончаются болѣзнями, а часто и смертью молодой женщины. Отъ такихъ браковъ происходитъ хилое потомство; они ведутъ къ несчастной семейной жизни, къ побѣгамъ, хотя и весьма рѣдкимъ, несчастныхъ жертвъ, связанныхъ брачными узами противъ собственной воли. Но немногіе изъ туземцевъ отваживаются открыто бороться съ гибельнымъ обычаемъ, или, по крайней мѣрѣ,

¹⁾ На западномъ берегу танцовщицы выходятъ замужъ за бога, за идола, за мечъ; въ иныхъ кастахъ дѣвушки выходятъ за кинжалъ, за стрѣлу, за дерево, чтобы передъ своимъ творцомъ не появиться въ состояніи дѣвчества. Нѣкоторые изъ нихъ даже выдаютъ замужъ послѣ своей смерти.

согласовать свою жизнь со своими словами ¹⁾). Индійское правительство было озабочено изысканіем мѣръ борьбы съ обычаемъ преждевременныхъ браковъ. Въ 1892 г. оно провело законъ „о согласіи“, опредѣляющій возрастъ, ниже котораго брачное сожителство не можетъ быть осуществлено. Въ то же время оно, говорятъ, подготовляло проектъ по деликатному вопросу о „Возстановленіи супружескихъ правъ“, который ни къ чему не привелъ. Законъ 1892 года также остался мертвой буквой.

Въ государствѣ Майсуръ съ давняго времени установленъ минимальный брачный возрастъ въ 10 лѣтъ, все еще, конечно, слишкомъ незначительный. Его примѣру послѣдовало государство Барода. Глава послѣдняго (Gaekwar) относится отрицательно къ этой практикѣ, и въ 1892 году предложилъ проектъ закона объ отмѣнѣ минимальнаго брачнаго возраста. Послѣдняя народная перепись, 1906 г., все еще констатируетъ огромное число браковъ среди дѣтей; она насчитываетъ 21.431 жену и 14.000 мужей въ возрастѣ ниже 10 лѣтъ; 3.534 жены и 2.297 мужей въ возрастѣ ниже пяти лѣтъ. Зло очень велико и уменьшеніе его почти незамѣтно. Однако есть основаніе предполагать, что общественное мнѣніе, втайнѣ, по крайней мѣрѣ, на сторонѣ реформаторовъ: обычай осужденъ и съ теченіемъ времени, очень долгаго времени, исчезнетъ.

Одинъ изъ главныхъ аргументовъ противъ дѣтскихъ браковъ состоитъ въ томъ, что большинство изъ нихъ быстро разрушается смертью одного изъ дѣтей-супруговъ, и что во многихъ кастахъ (особенно, хотя и не исключи-

¹⁾ Въ Гуджератѣ, въ Бомбейской провинціи, брачный возрастъ дѣвушкамъ высшихъ классовъ въ среднемъ обыкновенно опредѣляется десятью годами. Въ послѣднее время свадьбы очень часто устраиваются позже, когда невѣста достигаетъ 13 и болѣе лѣтъ.

Это — результатъ просвѣтительныхъ и реформистскихъ вѣяній. Даже классы наиболѣе консервативныя склоняются къ этому новому порядку. Эта реформа становится предметомъ обсужденія и восторженной одобреніе во всей Индіи. Но все-таки случается, что даже самыя рѣшительныя ея сторонники останавливаются передъ оппозиціей своей касты. Одинъ человекъ, заслуживающій полнаго довѣрія, рассказалъ мнѣ въ Мадрасѣ слѣдующій анекдотъ. Его главный служащій какъ-то заявилъ ему: «Мы покліялись другъ другу не выдавать замужъ нашихъ дочерей до 14 или 15 лѣтъ». Нѣсколько времени спустя онъ выдалъ свою дочь въ восьмилѣтнемъ возрастѣ. На насмѣшливое замѣчаніе патрона по этому поводу служащій отвѣтилъ: «Меня исключили изъ касты, и лица, съ которыми я принялъ общую клятву, выступили противъ меня».

тельно, въ кастахъ высшаго разряда) вдовы лишены права на вторичное замужество. Причина подобнаго запрещенія недостаточно извѣстна. Вначалѣ догматъ безсмертія души, лежащій въ основѣ всѣхъ индійскихъ религіозныхъ системъ, одинаково противился вторичному браку какъ мужчинъ, такъ и женщинъ. Позднѣе женщины были подчинены обычаю самосожженія послѣ смер.и мужа, и только менѣе ста лѣтъ тому назадъ поставленъ былъ вопросъ о вторичномъ замужествѣ вдовъ, который и былъ рѣшенъ священниками въ отрицательномъ смыслѣ. Пожизненное вдовство добросовѣстные туземцы считаютъ адомъ. Состоя подъ суровою властью своей свекрови, являясь предметомъ страстныхъ желаній мужчинъ, живущихъ съ нею подъ однимъ домашнимъ кровомъ, вдова высшей касты обречена на жизнь женщины цѣломудренной, какъ монахиня, и изнуряемой трудомъ, какъ рабыня. Многія изъ нихъ увѣряютъ, что предпочли бы этой адской жизни сожженіе. Трудно избавиться такой женщизнѣ отъ этого невыносимаго гнета; если бы мужчина, равнаго съ ней общественнаго положенія, рѣшился жениться на ней, то онъ лишился бы всѣхъ своихъ правъ. Облегченія она можетъ ждать единственно отъ перемѣнъ въ общественныхъ нравахъ.

Идею о реформѣ нравовъ въ этомъ направленіи пустилъ въ обращеніе челоувѣкъ высшей касты, пандитъ Ишваръ Чандра Видьясагаръ (Океанъ знанія) ¹⁾. Подъ вліяніемъ своей матери онъ заинтересовался судьбой дѣтей-вдовъ и началъ изучать священныя книги, чтобы почерпнуть изъ нихъ аргументы въ защиту жертвъ жестокаго обычая. И онъ нашель то, чего искалъ; онъ нашель стихъ, *Parashar Smriti*; ставшій съ тѣхъ поръ знаменитымъ; въ немъ содержится дозволеніе вдовамъ вторично выходить замужъ при соблюденіи извѣстныхъ условій. По его просьбѣ, индійское правительство издало законъ 25-го іюня 1856 года, въ силу котораго вторичный бракъ женщины пользовался такимъ же покровительствомъ закона, какъ и всякій другой бракъ. Онъ самъ имѣлъ мужество женить своего сына на вдовѣ. Съ тѣхъ поръ въ различныхъ

¹⁾ Ишваръ или Исваръ Чандра Видьясагаръ—одинъ изъ видныхъ санскритологовъ эпохи и начальникъ санскритскаго колледжа въ Калькуттѣ. Онъ скончался нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Онъ, обыкновенно, говорилъ: «Мы обязаны англичанамъ тремя благодѣяніями—хлѣбомъ, почтой и бракомъ для вдовъ».

пунктахъ страны образовались общества, ставящія себѣ задачею проведеніе въ жизнь указанной реформы. Говорятъ, что она завоевала нѣкоторое (очень незначительное) сочувствіе даже у браминовъ ¹⁾. Но какъ и большинство другихъ законовъ, законъ 1856 года не далъ ожидавшихся отъ него практическихъ послѣдствій. Высшіе классы по прежнему противятся вторичному замужеству вдовъ, и ораторы на „Соціальныхъ конференціяхъ“ высказываются осторожно по этому вопросу. Указываютъ на отдѣльные случаи, которые можно пересчитать по пальцамъ. Чандаваркаръ во время соціального конгресса въ Мадрасѣ насчиталъ ихъ 30 за весь предшествующій годъ. Борьба,—говорилъ онъ,—тѣмъ болѣе трудна, что со стороны женщинъ мы не встрѣчаемъ поддержки. Но это не важно. За насъ духъ времени и обстоятельства, и преодолѣть ихъ нашимъ противникамъ становится все труднѣе и труднѣе.

Таковы тѣ общественныя извы, которыя стремится уничтожить партія Соціальныхъ Реформъ. Если мы прибавимъ, что въ кругъ вопросовъ, занимающихъ партію, входятъ еще такіе, какъ запрещеніе новаго брака для вдовцовъ, перешедшихъ за сорокапятилѣтній возрастъ и имѣющихъ уже сына отъ перваго брака; воздержаніе, имѣющее скорѣе гигиенической характеръ; чистота, предписываемая преимущественно, какъ религіозное требованіе,—то мы получимъ полное представленіе о той сферѣ интересовъ, во имя которыхъ борется названная партія. Какой исходъ можно предсказать ея борьбѣ?

Шестидесятъ лѣтъ тому назадъ Слиманъ (это было въ эпоху нападокъ на сожженіе) замѣтилъ, что предрасудки быстро исчезаютъ въ Индіи. Я не раздѣляю этого оптимизма. Англо-индійское правительство нынѣ менѣе крѣпко, чѣмъ раньше, и ему болѣе, чѣмъ когда-либо, приходится считаться съ могущественнымъ общественнымъ мнѣніемъ Индіи. Ему и думать теперь нечего о томъ, чтобы диктовать свою волю. Сожженіе все-таки было актомъ, имѣвшимъ внѣшнее, видимое выраженіе публичнаго характера. Браки же дочерей, вторичное замужество вдовъ, обособленіе женщины,—все это факты интимной жизни, ускользающіе отъ вниманія правительства. Законы 1850 г., о возрастѣ супружескаго сожителства, и 1856 г., о бракахъ

¹⁾ Одинъ браминъ, судья верховнаго суда въ Калькуттѣ, Ашутосъ Мукерджи, вызвалъ громадную сенсацию, женивъ своего сына на вдовѣ.

вдовъ, остаются поэтому мертвой буквой. Партія Соціальной Реформы въ этомъ случаѣ можетъ рассчитывать только на свои собственные силы.

Что Индія стоитъ на пути прогресса, этого отрицать нельзя. Но ея прогрессъ выражается, главнымъ образомъ, въ области матеріальной жизни. Индіецъ пользуется телеграфомъ, желѣзной дорогой, университетомъ; онъ измѣнилъ свой костюмъ. Мусульманинъ снимаетъ свои туфли въ мечети и появляется въ ботинкахъ въ нашихъ гостиницахъ. Индусъ въ кисейной туникѣ самъ управляетъ своимъ элегантнымъ шарабаномъ, обѣгая на немъ по кругу скаковое поле. Набабы и раджи дѣлаются „шофферами“ и отправляются въ автомобиляхъ на охоту. Студенты, сдавшіе экзамены въ Куперъ-Хиллѣ, получаютъ званія телеграфистовъ, инженеровъ, лѣсничихъ. Они читаютъ и бѣгло говорятъ на англійскомъ языкѣ. Въ нѣкоторыхъ изъ своихъ городовъ, вплоть до самаго центра страны, они организовали соответствующія ихъ спеціальностямъ учрежденія со всѣми техническими усовершенствованіями: водопроводы, канализацію, уничтоженіе мусора, перевозимаго по Дековильскому трамваю въ центральное мѣсто, гдѣ онъ сжигается, и т. д., и т. д. Все это признаки многообѣщующіе. Но внутренняя, моральная личность индійца остается неизмѣнной. Единственный способъ вывести ее изъ состоянія неподвижности, это—способъ, недавно примѣненный Чандаваркарромъ: освятить реформы авторитетомъ священныхъ текстовъ. Въ этомъ отношеніи его рѣчь—*Children of light*, подкрѣпленная примѣрами, извлеченными изъ *Saṇātana Dharma*, является образцомъ пронизательности и краснорѣчія. Будемъ,—говорилъ онъ,—дѣтьми свѣта и истины, но истины и свѣта въ духѣ нашего времени. И то, чего требуетъ духъ времени, онъ ищетъ въ откровеніяхъ древнѣйшихъ и авторитетнѣйшихъ религіозныхъ текстовъ.

Онъ, очевидно, помнитъ пріемъ, оказанный столь уважаемому человѣку, какъ Малабарі, у котораго, какъ парса, отрицали право говорить отъ имени индусовъ. Онъ видѣлъ, что англійскіе законы и правосудіе часто своею неловкостью безсознательно служили орудіемъ, враждебнымъ соціальной реформѣ¹⁾; онъ видѣлъ протесты, под-

¹⁾ Англо-индійскіе законъ и юстиція считаютъ своимъ долгомъ соображаться съ предрасудками большинства, его религіозными

нимавшіеся среди индусовъ противъ непопулярнаго реформистскаго движенія, слишкомъ рѣзко расходившагося съ вѣковыми традиціями, развѣнчивавашаго ихъ жизненный и религіозный идеаль, и переносившаго на социальную почву агрессивные методы политической борьбы Національнаго конгресса; онъ знаетъ, со словъ самого Гаеквара изъ Бароды, что и въ настоящее время наибольшимъ уваженіемъ пользуются люди, строго слѣдующіе древнѣйшимъ обычаямъ и обрядамъ. Онъ не желаетъ соединяться съ партіей, извѣстной подъ названіемъ Молодая Индія, и отчасти благодаря своей осторожной тактикѣ, отчасти благодаря неразрываемой имъ связи съ прошлымъ, которое служить для него предметомъ гордости, присущей всей его расѣ, Чандаваркаръ искусно и благоговѣйно объединяетъ дѣло настоящаго съ прошлымъ, суживая, вмѣстѣ съ тѣмъ, область реформы, насколько это требуется особенностями его тактики.

Такимъ образомъ, въ настоящее время реформа имѣетъ свою программу, свой методъ и своихъ вождей.

Программа состоитъ изъ трехъ частей и требуетъ:

Въ области общественныхъ отношеній: права на отдаленныя путешествія; уничтоженія браковъ между дѣтьми (нѣкоторые къ этому прибавляютъ—и брака пожилого вдовца, имѣющаго сына); права вдовъ на вторичное замужество; введенія режима воздержанія и добрыхъ нравовъ.

Въ области экономической: подготовки къ промышленной и коммерческой профессіямъ, и прогрессивнаго развитія національнаго богатства путемъ приложенія капиталовъ и личной энергіи, независимо отъ какихъ-либо политическихъ соображеній.

Въ области религіозной: преданности индусской рели-

обычаями и проч. Но вотъ нарождается новая секта, отвергающая часть этихъ обычаевъ. Напр., отвергаетъ ту или иную формальность, союдаемую большинствомъ, какъ необходимую принадлежность брачнаго обряда. Если бы въ это не вмѣшивались англичане, то, вѣроятно, новая секта, въ концѣ концовъ, заставила бы большинство признать законность своихъ браковъ и безъ соблюденія обычныхъ формальностей. Но англійское правосудіе не желаетъ ссориться съ этимъ большинствомъ. Вслѣдствіе этого оно отказывается въ своей санкціи домогательствамъ новой секты и не признаетъ ихъ браковъ, совершаемыхъ по упрощенной формѣ. Оно, такимъ образомъ, становится воперекъ пути реформистскимъ тенденціямъ. Можно указать десятки примѣровъ подобнаго же рода.

гій, очищенной отъ наносныхъ и чуждыхъ ей элементовъ, составляющихъ въ настоящее время тормазъ для реформы; борьбы съ обрашеніями въ христіанскія религіи— въ католицизмъ и протестантизмъ.

По установившемся въ настоящее время методу, реформа проводится сперва въ предѣлахъ кастъ и, прежде всего, кастъ высшихъ, дважды рожденныхъ, примѣръ которыхъ побуждаетъ къ подражанію; затѣмъ въ области взаимныхъ отношеній между кастами съ цѣлью установленія общественныхъ связей (совмѣстныхъ трапезъ, браковъ) между тѣми категоріями индусовъ, которыя такихъ связей до сихъ поръ не имѣли.

Разъ удастся привлечь къ дѣлу реформы индусскую религію, будутъ приняты мѣры и для привлеченія другихъ религій, особенно ислама; только съ помощью мусульманъ можно будетъ добиться улучшенія воспитанія и общественнаго положенія *purdah ladies*, этого института мусульманскаго происхожденія, который индусы согласятся измѣнить и уничтожить не иначе, какъ по примѣру послѣдователей ислама.

Разрѣшивъ эти вопросы (сколько времени понадобится на это?), можно будетъ уже приступить къ разрѣшенію вопроса о сношеніяхъ съ европейцами. Такимъ образомъ, будетъ создано національное общество въ полномъ смыслѣ этого слова, свободное отъ всякой примѣси чуждыхъ ему элементовъ, отъ всякой примѣси эгоизма. Будетъ уничтожена ненависть между расами и отчужденность между сектами; взаимныя отношенія проникнутся тѣмъ духомъ широкой терпимости, доброжелательства и взаимнаго пониманія, который подготовитъ почву для образованія національнаго единства.

Это реформистское движеніе началось не со вчерашняго дня. Оно зародилось болѣе пятидесяти лѣтъ тому назадъ. Въ теченіе долгаго времени индусы и мусульмане, самостоятельно и своими особыми способами, стремились дѣйствовать въ пользу реформы; и въ каждой религіи оказалось по два центра дѣятельности, вполне сходныхъ по духу и тенденціямъ своимъ: у мусульманъ — организація, извѣстная подъ названіемъ „Алигарское движеніе“, по имени знаменитаго мусульманскаго колледжа въ Алигарѣ, и секта *Ahmadiyah*; у индусовъ — *Brahmo Samaj* и *Arya Samaj*. Алигарское движеніе и *Brahmo Samaj* своимъ происхожде-

ніемъ обязаны либераламъ; Arya Samaj и Ahmadiyyah—реакціонерамъ и обскурсантамъ.

Ahmadiyyah—движеніе чисто реакціонное. Его инициаторъ Мирза Гуламъ Ахмедъ, которому теперь 60 лѣтъ, занимаетъ должность старшины въ деревнѣ Куадіанъ, въ Пенджабѣ. Семья его, по происхожденію изъ Самарканда, переселилась въ Индію нѣсколько столѣтій тому назадъ, и осталась вѣрна правительству во время мятежа 1857 года. Мирза Ахмедъ началъ свою проповѣдь въ 1880 году. Политически онъ считаетъ себя вполне благонадежнымъ и безусловно лойяльнымъ по отношенію къ британскому правительству, а секта покорно слѣдуетъ указаніямъ своего вождя. Однако. одинъ-два раза администраціи приходилось имѣть дѣло съ этой сектой. Ея тактика носить скорѣе агрессивный характеръ, и сравнительно съ численнымъ составомъ вліяніе ея несоразмѣрно велико. Последняя народная перепись насчитываетъ 1.100 взрослыхъ послѣдователей секты, что составитъ около десятка тысячъ членовъ обоого пола; по даннымъ же ея собственныхъ изданій, число это опредѣляется отъ 50.000 до 70.000 человекъ. Секта владѣетъ собственной типографіей, бібліотекой, двумя газетами, изъ которыхъ одна издается на англійскомъ языкѣ — „Религіозное Обзорѣніе“, другая—на языкѣ урду, „Al Nakam“. Ея книги и газеты проникаютъ въ Персію, Аравію, Афганистанъ, Сирію и Египетъ. Основное положеніе ея пророка гласитъ: „Міръ еще не имѣлъ своего мессію; Иисусъ Христосъ не умеръ на крестѣ; онъ посѣтилъ Индію и умеръ въ возрастѣ 120 лѣтъ въ Кашмирѣ, гдѣ показываютъ въ Сринагарѣ его гробницу (гробницу мѣстной святыни, Юсъ-Асафъ). Мессія—это Ахмедъ; онъ—мессія и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Махди; онъ обладаетъ даромъ пророчества. Но правовѣрные мусульмане объявляютъ его обманщикомъ, а тѣхъ, кто слѣдуетъ его ученію,—еретиками. Движеніе замретъ или разовьется, въ зависимости отъ личныхъ качествъ преемника, котораго назначить себѣ Ахмедъ“¹⁾.

Другое реакціонное движеніе, но индусское—Arya Samaj, зародилось въ Катіаварѣ, въ Бомбейской Провинціи, и получило свое дальнѣйшее развитіе въ Соединенныхъ Провинціяхъ и въ Пенджабѣ. Начало ему было поло-

¹⁾ Подробнѣе объ этой сектѣ см. вышедшую въ нашей серіи книгу: I. Гольдцигеръ, Исламъ.

жено однимъ браминомъ, по имени Даянандъ Сарасвати. Въ 1901 году это движеніе опредѣляло число своихъ сторонниковъ въ 92.000 человекъ, изъ которыхъ $\frac{2}{3}$ приходилось на Соединенныя Провинціи и $\frac{1}{3}$ на Пенджабъ. Рекрутируются они, главнымъ образомъ, среди образованныхъ классовъ. Движеніе выступило подъ знаменемъ реформы и либерализма. Что оно носитъ реформистскій характеръ—это безспорно; но реформа затрогиваетъ, прежде всего, область теологій и религій: она требуетъ бѣльшей чистоты догмы (возвращеніе къ Ведамъ и отрицаніе идолопоклонства) и больше аскетизма въ жизни; фактически же оно пропитано духомъ фанатизма и обскурантизма. Индійская національная партія относится съ уваженіемъ къ этому движенію. Одинъ членъ Национальнаго Конгресса недавно основалъ фондъ для путешествій въ 2000 рупій въ память главы секты.

Последнее изъ четырехъ реформистскихъ движеній, *Brahmo Samaj*, численно менѣе замѣтно, чѣмъ разсмотрѣнные нами выше, но оно вызываетъ въ обществѣ больше толковъ. Объясняется это, прежде всего, тѣмъ, что центромъ своимъ оно выбрало Калькутту, а кромѣ того, и тѣмъ, что оно связало свое дѣло съ партіей Соціальной Реформы. Инициаторомъ этого движенія былъ браминъ высшей касты Рамъ Мохунъ Рой (позведенный позднѣе въ санъ раджи императоромъ Моголомъ, котораго англійское правительство еще терпѣло въ Дели). Рой родился въ 1774 году близъ Хугли, въ дистриктѣ Бурдвалъ, въ Бенгаліи. Онъ изучилъ языки, которые позднѣе должны были ему сослужить большую службу въ его изслѣдованіяхъ въ области религій: санскритскій, персидскій, арабскій, еврейскій, греческій; а изъ разговорныхъ языковъ въ Индіи онъ изучилъ тѣ, которые ему были наиболѣе полезны для распространенія его ученія. Состоя на службѣ у англійскаго правительства, онъ въ 1829 году положилъ начало *Brahmo Samaj* и тотчасъ же началъ свою проповѣдническую дѣятельность.

Ученіе его, во всякомъ случаѣ, обладаетъ достоинствомъ ясности. Образование, даваемое англо-индійскими университетами, носитъ чисто-свѣтскій характеръ; оно совершенно игнорируетъ область религій. Это объясняется тѣмъ, что правительство не въ состояніи ни учить всѣмъ религіямъ, ни остановить своего выбора на одной изъ нихъ. Но какъ бы ни были чисты его намѣренія, результатъ

тотъ, что по выходѣ изъ университета студенты имѣютъ очень скудное представленіе о религіи. Они эволюционизируютъ, говорятъ они, въ сторону пантеизма; большинство же впадаетъ въ атеизмъ, не сознавая въ этомъ. Рой считалъ общество, чуждое религіи, погибшимъ. Съ другой стороны, идолопоклонство, практикуемое индуизмомъ, онъ признавалъ совершенно безсильнымъ для борьбы съ этой эволюціей. Онъ поставилъ себѣ задачей не основаніе новой религіи, но возстановленіе древней религіи индусовъ. Это онъ и называлъ *Brahmo Samaj*, что значитъ—церковь, или общество Браммы, единеніе почитателей истиннаго и единаго Бога.

Такимъ образомъ, основной первоначальной идеей *Brahmo Samaj* была религіозная реформа. Очень благоразумно, какъ нынѣ поступаетъ и Чандаваркаръ, связалъ Рой свое дѣло съ индуизмомъ. „Онъ,—какъ говорилъ одинъ изъ его учениковъ,—сохранилъ священную нить брамина“. Онъ не вносилъ въ свое ученіе никакихъ чуждыхъ элементовъ. Онъ цѣликомъ выводилъ его изъ Ведъ и Упанишадовъ. Оно было возвратомъ къ монотеистическимъ доктринамъ (которыя являются и доктринами Ведъ и Упанишадовъ) и отъ которыхъ уклонились подъ вліяніемъ Пурановъ. Пураническое извращеніе Ведъ и Упанишадовъ вначалѣ привело къ пантеизму; затѣмъ извращеніе Пурановъ повело къ идолопоклонству, а вскорѣ и къ атеизму. Рой обращался къ древнѣйшимъ вѣкамъ, желая вернуть свой народъ къ единому Богу. Отсюда—*Brahmo Samaj*. Онъ началъ проповѣдь своего ученія, привлекъ къ себѣ друзей и учениковъ и обратился къ обычнымъ для пророковъ новаго ученія способамъ его распространенія: собесѣдованіямъ и увѣщаніямъ въ кругу своихъ друзей и своихъ родственниковъ; лекціямъ среди учениковъ; диспутамъ со своими противниками; публичной проповѣди своего ученія. И трудно сказать, каковъ былъ бы успѣхъ его пророческой миссіи (онъ уѣхалъ въ Лондонъ и тамъ велъ крайне суровый образъ жизни, что сообщало его ученію высокую авторитетность), если бы въ 1833 году онъ не скончался. Преемниками его были: Дебендранатъ Тагоръ, скончавшійся въ 1872 году, и Кешубъ Чундеръ Сенъ. Эти именно лица сдѣлали изъ *Brahmo Samaj* религію и общество социальной реформы. До того времени новая вѣра исповѣдывалась ея адептами только на словахъ и совершенно

игнорировалась обществомъ. Каждый, называвшій себя *Brahmo* въ собраніи своихъ единомышленниковъ, возвращаясь въ свою семью, вынужденъ былъ подчиняться всѣмъ обычаямъ и обрядамъ индусовъ. Только въ 1843 г. на торжественномъ собраніи было предложено и *sredo* этого ученія и его публичное исповѣданіе: „Исповѣдую ведическую вѣру“.

Какъ общество социальной реформы, *Brahmo Samaj* выступило въ 1829 году съ адресомъ, обращеннымъ къ лорду В. Бентинку, по поводу мѣръ, принятыхъ противъ обычая сожженія вдовъ. Въ 1860 г. оно, подъ руководствомъ Кешуба, отважилось на борьбу съ кастой (организация *Sangata Sabha*). Наконецъ, оно начало борьбу за улучшеніе положенія женщины и противъ браковъ дѣтей. Именно *Brahmo Samaj* побудило англо-индійское правительство издать законъ, отъ котораго ждали уничтоженія этого рода браковъ. Выработанный въ 1872 г. сэромъ Джемсомъ Стефеномъ, законъ ставилъ для этихъ браковъ условія, которыя имѣли цѣлью сдѣлать ихъ возможно болѣе рѣдкими; условія эти состояли въ слѣдующемъ: Будущіе супруги не должны быть: 1) связаны уже брачными узами; 2) родственниками въ запрещенной степени родства; 3) моложе — мужчина 18 лѣтъ, женщина — 14 лѣтъ; 4) связаны запретомъ родителей, если имъ менѣе 21 года. Къ сожалѣнію, законъ ни словомъ не упоминалъ о Богѣ. Члены общества *Brahmo Samaj*, ради которыхъ онъ былъ изданъ, не отнеслись къ нему съ единодушнымъ сочувствіемъ. Нѣкоторые протестовали противъ него. Законъ вмѣсто того, чтобы носить названіе закона о бракахъ брамо, сдѣлался закономъ о бракахъ туземцевъ и остался безъ всякаго примѣненія.

Эта неудача — это дѣйствительно была неудача, — можетъ-быть, и не скомпрометировала бы еще будущности *Brahmo Samaj*. Но вскорѣ произошла неудача болѣе серьезная. Глава секты, Кешубъ Чундеръ Сень, обнаруживавшій столько энтузіазма и таланта, добившійся въ Лондонѣ, въ 1870 году, крупнаго личнаго успѣха у лорда Лоуренса, декана Вестминстерскаго аббатства, и проч., имѣлъ слабость въ 1878 году, послѣ того, какъ уже зарекомендовалъ себя передовымъ бойцомъ партіи Соціальной Реформы и горячимъ сторонникомъ закона противъ браковъ дѣтей, выдать свою дочь, не достигшую еще и

14 лѣтъ, за сына магараджи Кугъ-Бехара, имѣвшаго всего 15 лѣтъ отъ роду. Вначалѣ фактъ этотъ опровергался, но, наконецъ, истина подтвердилась. Это было скандаломъ и несчастіемъ. Съ тѣхъ поръ *Brahmo Samaj* растрачиваетъ свои силы на внутренніе раздоры, породившіе полный расколъ. Въ 1891 году *Brahmo Samaj* насчитывала 3.050 членовъ; въ 1901 году ихъ было немногимъ больше, около 4.000. Очень многіе члены, быть-можетъ, не отваживаются открыто исповѣдывать свою религію; это признакъ упадка. И если бы не высокое общественное положеніе и моральное вліяніе членовъ организаціи, то послѣднюю можно было бы признать мертвой. Но она сохранила свою вліятельную роль, хотя и въ иной формѣ. Она вошла въ составъ партіи Соціальной Реформы и, какъ будто, растворилась въ ней.

Эта послѣдняя партія насчитываетъ въ своихъ рядахъ нѣсколько наиболѣе выдающихся людей туземнаго общества, кромѣ тѣхъ, о которыхъ я уже упоминалъ. Таковы: Телангъ, бывшій членъ верховнаго суда, дѣятель, которому, какъ и Кешубу, можно было бы поставить въ упрекъ противорѣчіе между словомъ и дѣломъ; Ранадъ, также членъ бомбейскаго верховнаго суда, авторъ не лишенныхъ научной цѣнности сочиненій по политической и общественной экономіи; Чандаваркаръ, членъ того же суда, умный, практическій, способный, краснорѣчивый, пользующійся большимъ уваженіемъ среди англичанъ (которымъ онъ при лордѣ Сандхерстѣ оказалъ поддержку въ одномъ деликатномъ дѣлѣ), и, несмотря на оппозицію передовой фракціи, оказывающей огромное вліяніе на своихъ единомышленниковъ; Малабари, ученый, философъ, человекъ умѣренный; но, какъ парсъ, онъ не имѣетъ, къ сожалѣнію, вліянія на правовѣрныхъ индусовъ, а съ другой стороны, не пользуется достаточнымъ вліяніемъ и въ англійской средѣ; Гокхаль, браминъ изъ Пуны, бывшій профессоръ въ колледжѣ Фергюсона, нынѣ членъ законодательнаго совѣта при вице-королѣ, краснорѣчивый ораторъ, опасный полемистъ, просвѣщенный мыслитель, съ безстрастнымъ лицомъ и горячимъ сердцемъ, реформаторъ и неукротимый патриотъ, которому, быть-можетъ, суждено когда-нибудь попасть въ Вестминстерскій парламентъ, въ качествѣ истиннаго *member for India* (представителя отъ Индіи), и многіе другіе.

Чтобы опредѣлить, каковы шансы партіи Реформы,

отмѣтимъ въ заключеніе, что индусы нашего времени могутъ быть раздѣлены на три категоріи:

1) Индусы-реформаторы, привязанные къ своей религіи, къ своей расѣ, къ своей странѣ. Они полагаютъ, что, не разрушая существующаго, необходимо проникнуться стремленіемъ къ тому, чего сумѣлъ добиться Западъ, и освободить Востокъ отъ отрицательныхъ особенностей религіознаго и социальнаго фактора (такихъ нѣсколько сотъ и въ ихъ числѣ Бандхаркаръ и Чандаваркаръ).

2) Индусы, быстро эволюціонировавшіе и въ своей эволюціи ушедшіе уже довольно далеко; они настолько просвѣщенные люди, что ихъ почти нѣликомъ можно отнести къ школѣ англійской мысли — философской, политической и социальной. Ихъ современный идеалъ — насадить въ своей странѣ совершенно новыя учрежденія по образцу англійскихъ, а ихъ конечная цѣль сводится къ изгнанію англичанъ, къ освобожденію страны отъ ихъ власти, по крайней мѣрѣ, къ замѣщенію должностей лицами ихъ партіи (такихъ нѣсколько тысячъ).

3) Индусы, замкнувшіеся въ самихъ себя (такихъ миллионы). Какова бы ни была степень ихъ образованія, они нѣликомъ проникнуты однимъ чувствомъ — чувствомъ преклоненія передъ Индіей, ея прошлымъ, ея догматами, идеями и т. д. (иные изъ нихъ нарушаютъ строгія предписанія религіи, ѣдятъ, напримѣръ, кушанья, приготовленныя нечистыми, но скрываютъ это).

Эти численныя отношенія (сотни, тысячи, миллионы), какъ неопредѣленны они ни были бы, позволяютъ намъ предсказать вѣроятную судьбу партіи Соціальной Реформы. Элементы, поддерживающіе ее, составляютъ незначительную количественную величину. Элементы, отвѣживающіеся ее защищать открыто, — величина въ количественномъ отношеніи совершенно ничтожная. Не часто можно указать на иноземца, являющагося инициаторомъ мѣры, клонящейся къ социальному прогрессу. Среда связываетъ имъ руки. Роль инициаторовъ уничтожила бы ихъ вліяніе. Они могли бы работать въ пользу реформы только подъ видомъ представителей большинства. Но большинство не на сторонѣ реформы, а высшіе классы относятся къ ней враждебно. Поэтому-то реформаторамъ и недостаетъ мужества ¹⁾.

¹⁾ Можетъ-быть, имъ недостаетъ и еще кое-чего, кромѣ мужества. Однажды я спросилъ высшаго чиновника, завѣдующаго ссыл-

Есть одна группа лицъ, которая могла бы сдѣлать очень много. Это—туземные князья. Большинство изъ нихъ принадлежитъ къ той же религіи, что и ихъ подданные. Ихъ выдающееся социальное положеніе облагаетъ ихъ неоспоримымъ авторитетомъ. Они могли бы дѣйствительно повести успѣшную борьбу съ предрасудками; но, къ сожалѣнію, они рабски подчиняются имъ. За немногими исключеніями, князья представляютъ собою то, что есть наиболѣе ретрограднаго въ Индіи.

Партія Соціальной Реформы можетъ рассчитывать только на будущее торжество всеобъѣдающей истины.

8. Политическая реформа: ея требованія и стремленія; Национальная партія.

Партія Соціальной Реформы — не единственная организація, поставившая себѣ цѣлью обновленіе Индіи. Существуетъ еще Национальная партія, которая въ области политической одушевлена не менѣе серьезными задачами. Болѣе шумная и активная, эта партія насчитываетъ въ своихъ рядахъ, кромѣ нѣсколькихъ видныхъ дѣятелей Соціальной Реформы, также и лицъ, принадлежащихъ, подобно ея членамъ, къ высшимъ кастамъ и къ богатымъ и культурнымъ классамъ населенія: крупныхъ собственниковъ, студентовъ и профессоровъ, юристовъ, требующихъ въ политической области немедленнаго осуществленія нѣкоторыхъ улучшеній, къ которымъ реформисты желали бы

кой на Андаманскихъ островахъ: «Имѣются ли здѣсь лица, заботящіеся о моральномъ воспитаніи ссыльных?»—На этотъ вопросъ мнѣ былъ данъ такой отвѣтъ: «Нѣтъ, и по многимъ причинамъ. Прежде всего, здѣсь находятся послѣдователи самыхъ разнообразныхъ религій: мусульмане, индусы, буддисты и т. д. Потребовалось бы поэтому не мало руководителей. Къ тому же, я не знаю, нашлось ли бы достаточно число способныхъ туземцевъ, которые, принявъ на себя подобную роль, воспользовались бы своимъ положеніемъ для какъ-нибудь иныхъ цѣлей, кромѣ цѣли наживы на счетъ пайка заключенныхъ». Я не ручаюсь за точность самаго факта, а лишь за точность словъ.

приступить лишь послѣ реформы общественныхъ правовъ. Реформисты предполагаютъ, путемъ медленной работы, выдѣлить элементы національнаго единства и изъ среды созданной, такимъ образомъ, націи, впоследствии извлечь элементы будущаго національнаго правительства. Национальная партія, въ свою очередь, становится подъ знамя идей социальной реформы; но она полагаетъ, что эти идеи могутъ найти благоприятную для себя почву лишь среди націи, достигшей известной степени могущества. При нынѣшнемъ положеніи дѣла необходимо, въ первую очередь, добиться политическихъ завоеваній, интересующихъ, прежде всего, классы, изъ представителей которыхъ рекрутируются члены партіи. Когда они добьются большей политической власти, они смогутъ распространить блага новаго порядка и на народныя массы. Въ европейцѣ-ислѣдователѣ подобная партія съ перваго же раза возбуждаетъ къ себѣ полную симпатію. Она—дѣятельница освобожденія, провозвѣстница свободы; она встрѣчается на протяженіи всей исторіи, у всѣхъ націй; въ ея сторону невольно направляются и энтузіазмъ, и чувство признательности ¹⁾. Но если присмотрѣться къ ней ближе и прослѣдить процессъ ея эволюціи и ея тактику, то известная доля возбужденной ею симпатіи отпадаетъ.

Она представляетъ собою, главнымъ образомъ, партію теоретиковъ, кабинетныхъ ученыхъ, повидимому, очень далекихъ отъ текущихъ потребностей широкихъ массъ. Писатели и ораторы, гордые и своей образованностью, и своей кастой, презрительно относящіеся къ толпѣ, очень мало и крайне рѣдко соприкасающіеся съ интересами народной жизни, — таковъ ея составъ; они знакомятся съ положеніемъ дѣлъ лишь по документамъ, собираемымъ и издаваемымъ той самой англо-индійской администраціей, которую они обвиняютъ въ эгоизмѣ, угнетеніи и невѣжествѣ; ни поведеніе, ни рѣчи ихъ не внушаютъ довѣрія. Справочный матеріалъ, ими лично собираемый и полагаемый ими въ основу своихъ теоретическихъ выводовъ, не всегда надеженъ; ихъ историческая критика, — если только

¹⁾ См. объ этомъ замѣчательную и снабженную документальными данными книгу выдающагося французскаго автора, посѣтившаго Индію въ 1900—1901 г., Эрнеста Парію: *l'Inde Contemporaine et le mouvement national*, Парижъ, изд. Алькана, 1 т.

туть можно говорить о критикѣ, — часто страдает крупными пробѣлами; наконецъ, средства, предлагаемыя ими для оздоровленія администраціи или финансовъ, поражаютъ своимъ ребячествомъ. Что касается ихъ отношенія къ зависящему отъ нихъ классу населенія, то большинство помѣстій заминдаровъ въ Бенгаліи, этой цитадели Національной партіи, лучше всего свидѣтельствуютъ о томъ, что они не только не внесли никакого улучшенія въ положеніе земледѣльцевъ, но и не облегчили ихъ страданій. Всѣ они почти сильно разбогатѣли на счетъ Permanent Settlement (см. дальше: Земледѣльческіе классы и поземельный строй), и понадобился цѣлый рядъ законовъ, чтобы принудить ихъ предоставить своимъ арендаторамъ ничтожную часть незаслуженной и самопроизвольно возрастающей прибыли (родъ unearned increment). Мелкіе земледѣльцы Бенгаліи принадлежатъ къ разряду крестьянъ, экономическое положеніе которыхъ самое жалкое во всей Индіи. Въ крупныхъ помѣстьяхъ, собственники которыхъ ведутъ жизнь, полную роскоши въ столицахъ Азіи и Европы, вы не найдете, за немногими исключеніями, никакихъ просвѣтительныхъ и культурныхъ учрежденій, субсидируемыхъ землевладѣльцами, ни школъ, ни больницъ, ни канализаціи, ни дорогъ, ни общественныхъ работъ.

Присмотримся ближе къ партіи и проникнемъ въ ряды ея дѣятелей. На первомъ планѣ стоятъ люди, заслуживающіе всяческаго уваженія; большинство изъ нихъ — члены партіи Соціальной Реформы; они одушевлены возвышенными идеями, одарены горячими сердцами и, — безразлично, бѣдны ли они или богаты, — чужды какихъ бы то ни было эгоистическихъ вожелѣній; все ихъ поведеніе диктуется чувствомъ самаго безкорыстнаго патріотизма; они всѣ способны на акты самопожертвованія, а нѣкоторые изъ нихъ ради блага родины не останутся даже передъ преступленіемъ. За ихъ спинами скрывается толпа людей, лишенныхъ мужества, но обуреваемыхъ хищническими аппетитами, неудачники въ наукѣ или въ жизни, жадно выжидающіе момента дѣлежа добычи. Именуя себя Національной, эта партія представляетъ собою въ дѣйствительности организацію привилегированныхъ лицъ, въ сущности чуждую той націи, именемъ которой она прикрывается и которая, прежде всего, была бы призвана пожать плоды побѣды.

Но это еще не все. Національная партія состоитъ не исключительно, но, главнымъ образомъ, изъ индусовъ, націоналистическій духъ которыхъ выражается въ возрожденіи и усиленіи индуизма. Такимъ образомъ, эта „Національная партія“, на ряду съ индійскимъ патриотизмомъ, культивируетъ, прежде всего, индускій націонализмъ, къ которому ни мусульмане, ни буддисты не могутъ примкнуть безъ серьезныхъ оговорокъ. Въ своемъ настоящемъ видѣ Національная партія и теперь уже стѣсняетъ англичанъ. Она не грозитъ непосредственной опасностью, но, во всякомъ случаѣ, представляетъ собою явленіе, съ которымъ приходится считаться. Если бы англичане были народомъ идеалистовъ, то передъ ними была бы легкая и превосходная задача. Они избрали бы своимъ девизомъ: Индія для индійцевъ, и этимъ преградили бы путь Національной партіи. Они и теперь выступаютъ передъ этой партіей въ роли защитниковъ общихъ интересовъ Индіи; однако позиція, занятая ими, не ясна. Въ эпоху апостольства Малькольма и Мунстюарта Эльфинстона (1830 г.), а также позднѣе, въ 1858 году, въ моментъ громадной опасности, пробудившей общественную совѣсть, было время, когда англичане смотрѣли на свое пребываніе въ Индіи, какъ на временное, и миссіей своей считали воспитаніе народа — созданіе націи и ее подготовленіе къ отдаленной цѣли самоуправленія ¹⁾. Послѣ осуществленія этой миссіи, на что потребовалось бы 100 или болѣе лѣтъ, они должны были бы удалиться, предоставивъ этой цвѣтушей и славной дочери своего генія ея собственнымъ историческимъ судьбамъ.

Съ такой программой, сильные вѣрою въ свою правоту, въ чистоту своихъ намѣреній, англичане способны были бы сломить всякое честолюбивое упорство, разоблачить всѣ интриги ничтожной кучки привилегированныхъ честолюбцевъ. Они мало-по-малу создали бы кадръ способныхъ людей съ запасомъ политическаго и администра-

¹⁾ Послѣ мятежа (Mutiny) 1857 г. сэръ Гербертъ Эдвардсъ, одна изъ крупныхъ англо-индійскихъ фигуръ, герой Пенджаба и Mutiny, требовалъ, чтобы готовились къ дар ванію Индіи свободы, оставивъ за собою лишь наблюденіе за способами ея примѣненія. Въ конференціи, организованной въ Манчестерѣ въ 1860 или 1861 г., онъ говорилъ: «Если бы туземцы почувствовали когда-нибудь утомленіе отъ нашего господства, то мы не должны были бы стремиться къ его сохраненію. Англія должна была бы, прежде всего, постараться приучить Индію къ свободѣ и затѣмъ даровать ей ее».

тивнаго опыта, которымъ и можно было бы предоставить все остальное (ибо рѣчь идетъ не о томъ, чтобы привить 300 милліонамъ обитателей Индіи духъ самоуправленія). Этихъ избранныхъ людей англичане вербовали бы тамъ, гдѣ находили бы ихъ, не только среди бенгальцевъ и бабу, выставляющихъ на видъ свою невѣроятную способность все понимать и все усваивать, но среди всей націи, среди всѣхъ классовъ, среди всѣхъ расъ и религій, среди мыслителей и практическихъ дѣятелей, лишь бы только они обладали чувствомъ отвѣтственности и долга, лишь бы они обнаруживали поменьше жадности къ захвату должностей и окладовъ, и больше думали о значеніи полномочій, которыми они облечены, и о пользѣ, которую они могутъ принести, занимая эти должности. При такомъ образѣ дѣйствій, добросовѣстно выполняемыхъ, англичане могли бы воспитать съ теченіемъ времени кадръ дѣйствительно даровитыхъ и многочисленныхъ туземныхъ администраторовъ; они подготовили бы и національное воспитаніе массъ, въ нѣдрахъ которыхъ скристаллизовалось бы чувство національнаго единства; при такихъ условіяхъ наступилъ бы моментъ, когда необходимость прекращенія англійскаго господства ясно и окончательно была бы сознана, и на смѣну ему явилась бы индійская эра, какъ завершеніе славнаго и благороднаго дѣла.

Но эта программа недолго занимала англичанъ, а нынѣ и совсѣмъ забыта. Впрочемъ, и теперь еще встрѣчаются очень рѣдкіе ея сторонники, какъ, напримѣръ, сэръ Генри Коттонъ, предсѣдательствовавшій на Национальномъ конгрессѣ 1904 года. Но англійское общественное мнѣніе и въ Индіи, и въ метрополиі не допускаетъ въ настоящее время этой политики самоустраненія. Связи, соединяющія Англію съ Индіей, очень сильны. Индія—это одинъ изъ устоевъ, на которыхъ покоится величіе Британской имперіи. Добровольно отъ него она не откажется. Но никому не слѣдуетъ пускаться въ область пророчествъ при сужденіяхъ на эту тему, тѣмъ болѣе иностранцу.

Въ своемъ настоящемъ положеніи Национальная партія стремится къ двоякой задачѣ: завоевать себѣ симпатіи общества и дѣлать вылазки противъ правительства. Для достиженія этой двойной задачи она пользуется троякаго рода средствами: печатью, провинціальными конференціями и Национальнымъ конгрессомъ.

Печать, хотя она и не насчитываетъ еще и ста лѣтъ

существованія, представляет собою растущую силу, съ которой приходится считаться. Вначалѣ она служила орудіемъ просвѣщенія и популяризаціи. Первая туземная газета была основана въ 1818 году миссіонерами Серампура; она называлась „Зеркаломъ ума“ („*Sumasar Durgun*“). Генераль-губернаторъ, лордъ Гастингсъ, отнесся весьма сочувственно къ этому начинанію. Онъ ожидалъ отъ него пробужденія сознанія туземцевъ. Онъ даже уничтожилъ, къ великому негодованію Суда Директоровъ, предварительную цензуру. Во времена Виктора Жакмона (1829 г.) въ Калькуттѣ издавались: „*John Bull*“, „*Narakan*“ (Вѣстникъ), „Восточно-индійская газета“, „Правительственная газета“, „Литературная газета“ и, кромѣ того, нѣсколько газетъ на бенгальскомъ и индустанскомъ нарѣчійхъ. Печать, особенно англо-индійская, была, какъ и во времена лорда Гастингса, несмотря на возстановленіе цензуры, столь же свободна, какъ и въ Англии. Во времена Маколея она произносила крайне суровые приговоры надъ дѣятелями и мѣрами администраціи. Но благоразумныхъ людей эти приговоры смущали такъ мало, что въ 1835 г. Маколей снова отмѣнилъ цензуру. Достигнуто это было однако не безъ труда. Онъ долженъ былъ выдержать цѣлую борьбу и въ Калькуттѣ, и въ Лондонѣ; и съ 1836 года англо-индійскія газеты на него же такъ рѣзко нападали, что онъ долженъ былъ запретить сестрѣ читать ихъ. Однако это нисколько не измѣнило ни занятой имъ позиціи, ни его личныхъ взглядовъ ¹⁾. Онъ находилъ удовлетвореніе въ

¹⁾ Въ 1835 г. Маколей сообщалъ, что газеты, читаемыя туземцами, рукописныя, и доставилъ подробныя свѣдѣнія объ ихъ размѣрахъ и количествѣ. «Газеты печатныя не распространяются почтою, и на какомъ бы индійскомъ языкѣ онѣ ни были составлены, тиражъ ихъ не превышаетъ 300 экземпляровъ. Рукописныя же газеты имѣютъ огромное вліяніе». И въ 1836 г. онъ къ этому добавлялъ: «Въ Индіи пресса—оружіе сравнительно слабое. Она приноситъ гораздо меньше добра и гораздо меньше зла, чѣмъ въ Европѣ. Иногда она освѣдомляетъ правительство о существованіи золь, о которыхъ безъ нея оно ничего не узнало бы. До извѣстной степени она оказываетъ благотворное вліяніе на государственныхъ чиновниковъ. Она способствуетъ даже сохраненію чистоты администраціи. Съ другой стороны, искажая намѣренія, которыми продиктованы были извѣстныя мѣры, льстя предрасудкамъ элементовъ, поддерживающихъ ихъ, она вызываетъ легкое возбужденіе въ очень небольшой части населенія».

тщеславномъ сознаниі, что Индія была „единственной страной въ мірѣ, гдѣ при деспотичномъ правительствѣ печать свободна“.

Естественно, что событія 1857 года измѣнили настроеніе правителей и направили законодательство по иному пути. Пресса была подчинена болѣе строгому режиму. Въ 1876 году лордъ Литтонъ полагалъ, что наступилъ моментъ для урегулированія отношеній между прессой и правительствомъ въ либеральномъ духѣ. Но изданный законъ плохо примѣнялся; метрополія требовала его отмѣны. Несмотря на это, пресса, которая, надо сказать, не лишена талантовъ, пользуется еще въ Индіи, по мнѣнію очень многихъ лицъ, черезчуръ широкой свободой, съ которой она обращается безтактно, неискусно и безъ всякой выгоды для себя. Сотрудники газетъ, вынужденные говорить обо всемъ и недостаточно подготовленные къ этой сложной задачѣ, пишутъ неумѣло и грубо. Нигдѣ нельзя было бы найти такого бездоказательнаго верхоглядства ¹⁾, какъ въ этихъ газетахъ. Несчастье въ томъ, что туземная пресса вынуждена держаться націоналистическаго направленія, подѣ страхомъ растерять всѣхъ своихъ читателей, поддерживать всѣ нападки, направленныя противъ правительства и противъ англичанъ. Вслѣдствіе этого, тактика почти всѣхъ органовъ печати агрессивна. Ко всему относятся они съ осужденіемъ, съ недовѣріемъ, съ насмѣшкой. Индійское правительство не обращаетъ на это никакого вниманія, если не считать репрессій самаго послѣдняго времени, принятыхъ имъ въ виду крайне несдержанной полемики и политики активныхъ выступленій; англійскому же читателю не составляетъ никакого труда отличить истину отъ лжи, законное недовольство отъ легкомысленнаго и злонамѣреннаго обвиненія. Полезную роль информатора, которую хотѣлъ сообщить ей Маколей, она не умѣла использовать.

¹⁾ Лордъ Керзонъ, не боявшійся журналистовъ, но имѣвшій достаточно основаній для своего нерасположенія къ нимъ, говорилъ: «Индійскій журналистъ съ претензіей на образованность соединяетъ естественную склонность къ грубой брани. Онъ не понимаетъ своихъ противниковъ, да и не пытается понять ихъ; онъ игнорируетъ ихъ. Онъ предпочитаетъ оскорблять ихъ. И его забавное пониманіе вещей внушаетъ ему наивную увѣренность, что грубость можетъ примирить его съ благовоспитанными, а глупость—съ умными людьми». См. примѣч. о Партіи воинствующихъ въ Индіи.

Конечно, на этомъ общемъ темномъ фонѣ встрѣчаются и свѣтлыя исключенія; можно указать на такихъ образованныхъ и корректныхъ туземныхъ журналистовъ, какъ умершій нѣсколько лѣтъ тому назадъ Кабраджи, изъ „Rast Gaftar“, и на такія солидныя изданія, какъ „Indian Spectator“, „Hindoustan Review“, „Indian People“, пользующіяся уваженіемъ среди разсудительныхъ индійскихъ читателей.

Это печальное, и, къ сожалѣнію, шаткое состояніе прессы, не можетъ не тревожить и туземное и англійское общественное мнѣніе. Въ нѣкоторыхъ областяхъ туземцы рѣшили даже учредить комитеты изъ вліятельныхъ и почетныхъ лицъ для наблюденія за прессой и для установленія нормальныхъ отношеній между ней и администраціей. Но это ни къ чему не ведетъ. Сами же англичане колеблются въ выборѣ приемовъ борьбы. Они колеблются между системой предостереженій, соединенной съ приостановленіемъ изданія,—системой, извѣстной во Франціи въ эпоху имперіи и вполнѣ осужденной,—и системой правительственной, или инспирируемой прессы, которая излагала и защищала бы мнѣніе, виды и акты администраціи. Правительство Индіи и провинціальныя правительства имѣютъ въ настоящее время свои *Gazettes*, но это чисто официальные изданія, печатающія свѣдѣнія лишь о повышеніяхъ, отставкахъ, правительственныхъ рѣшеніяхъ и проч. ¹⁾ Наконецъ, указываютъ еще на третью систему, которая обязывала бы газеты принимать и безъ замедленія публиковать всякое правительственное сообщеніе. Съ этою цѣлью въ каждой провинціи должно было бы быть учреждено бюро прессы для наблюденія за туземной печатью, для исправленія ея вольныхъ или невольныхъ ошибокъ и для отвѣта на ея критическую оцѣнку, основанную на фактическомъ матеріалѣ. Понятно, печатая эти сообщенія, газета указывала бы и на ихъ источникъ.

Въ настоящемъ своемъ видѣ туземная пресса является трибуной для самой широкой пропаганды идей партіи Соціальной Реформы и Національной партіи. Это — темы, живо интересующія общественное мнѣніе. Туземная пресса

¹⁾ Въ настоящее время учрежденъ такъ называемый «Издательскій Столъ»: въ каждомъ вѣдомствѣ прессѣ сообщаютъ свѣдѣнія о рѣшеніяхъ правительства и другихъ актахъ, имѣющихъ общій интересъ. Это нововведеніе до извѣстной степени полезно.

даетъ отчетъ о конференціяхъ этихъ двухъ партій, о ежегодно собирающихся провинціальныхъ конференціяхъ, объ очень многочисленныхъ мѣстныхъ конференціяхъ, на которыхъ обсуждаются очередные вопросы (воспитаніе, налоги, кадастръ, юстиція, раздѣленіе властей и проч.); она печатаетъ пожеланія и резолюціи и, даже, что особенно цѣнится, приводитъ *in extenso* рѣчи председателей и выдающихся ораторовъ. Въ числѣ этихъ ораторовъ находятся всѣ тѣ лица, которыхъ встрѣчаютъ на торжественныхъ засѣданіяхъ Национальной партіи, на Национальномъ конгрессѣ, на сѣздѣ во время Рождественской недѣли; это—политики и реформаторы: индусы, парсы (въ небольшомъ числѣ) и мусульмане со всей Индіи. Это—англичанине, нѣкогда Брэдло, теперь сэръ Генри Коттонъ, сэръ Уэддербернъ, Юмъ и др., и индійцы—Дадабхай Наораджи, одно время бывший членомъ парламента въ Лондонѣ, Боннерджи, сэръ Мета, Бозъ, Лалъ Могунъ Гозъ, неудачный кандидатъ въ 1884 году въ Гринвичѣ на законодательныхъ выборахъ; Чандаваркаръ, Гокхаль и др.

Во время каждой сессіи заранее опредѣляется мѣсто будущаго собранія. Въ удачно выбранный моментъ какой-нибудь выдающійся представитель организациі выпускаетъ воззваніе къ обществу. Въ городѣ, избранномъ для засѣданій конгресса, въ Лагорѣ, Бомбей, Мадрасѣ, Бенаресѣ и т. д., образуется комитетъ для подготовленія сѣзда, для сбора средствъ, для размѣщенія гостей, мужчинъ и женщинъ, индусовъ и мусульманъ, парсовъ, европейцевъ, сотнями и тысячами сѣзжающихъ со всей Индіи и особенно изъ провинціи, назначенной мѣстомъ конгресса. Среди нихъ находятся (или, вѣрнѣе, находились) делегаты, облеченные официальнымъ мандатомъ ¹⁾. Открывая конгрессъ, мѣстный комитетъ привѣтствуетъ присутствующихъ. Затѣмъ назначенный президентъ читаетъ свою рѣчь. Она очень длинна, такъ какъ программа неограничена—обстоятельство, ослабляющее вліяніе конгресса. Въ этой программѣ можно все найти: и перечисленіе всѣхъ бѣдствій, отъ которыхъ страдаетъ или страдала Индія; цѣлый

¹⁾ Посылка делегатовъ съ официальными мандатами, повидимому, теперь не практикуется. До сихъ поръ число делегатовъ по провинціямъ было: отъ Бенгаліи 75, отъ Мадраса 50, отъ Бомбея 50, отъ Соединенныхъ Провинцій 35, отъ Пенджаба и пограничной Провинціи 25, отъ Бирмы 15 и 75 дополнительныхъ делегатовъ отъ провинціи, гдѣ засѣдаетъ конгрессъ.

рядъ упрековъ, посылаемыхъ по адресу правительства; всевозможные виды недовольства, испытываемаго ею. Это относительно англичанъ; что же касается индійцевъ, то имъ неизмѣнно приходится выслушивать лишь комплименты по адресу вождей партіи, лестный отчетъ объ ихъ дѣйствіяхъ и выраженіе все тѣхъ же пожеланій и многообѣщающихъ предсказаній.

Отмѣтимъ интересную подробность, которая должна была бы подсказать конгрессистамъ немного больше скромности и больше благодарности: идеи, излагаемыя на этомъ конгрессѣ,—европейскаго происхожденія, и языкъ, обычно употребляемый на немъ, также европейскій. Именно англійская мысль и англійская рѣчь служатъ этимъ людямъ, столь различнымъ и по происхожденію, и по языку, орудіемъ для взаимнаго пониманія. Ораторы конгресса ссылаются на авторитетъ и комментируютъ идеи мировыхъ мыслителей. Иная рѣчь, пересыпанная именами: Гиббона, Наполеона, Фаусетта, Лабори, Виргилія, Джона Гарайта, Юма, Дарвина, Спенсера ¹⁾, Геккеля, Паскаля, Тьера, безчисленными пословицами, историческими изреченіями, представляетъ собою настоящій наборъ словъ, о которомъ затрудняешься сказать, внушенъ ли онъ оратору его наивнымъ простодушіемъ, или же тщеславнымъ желаніемъ блеснуть своей эрудиціей. И все-таки среди этой мѣшанины вспыхиваютъ порывы неподдѣльнаго краснорѣчія и страстнаго патріотизма, и слышатся жалобы, имѣющія законное основаніе.

Было бы интересно дать историческій очеркъ этихъ конгрессовъ; это было бы немного скучно, зато мы получили бы яркое свидѣтельство непоколебимой энергіи Національной партіи. Но это завело бы насъ слишкомъ далеко. Послѣдній конгрессъ 1908 года, отчетъ котораго находится въ нашихъ рукахъ, долженъ быть выдѣленъ изъ

¹⁾ Гербертъ Спенсеръ оказалъ и до сихъ поръ оказываетъ крупное вліяніе на индійскую мысль. Въ 1904 г. одинъ членъ Національной партіи учредилъ въ его память, по случаю первой годовщины его смерти, шесть стипендій, по 2000 рупій каждая, для поѣздокъ молодыхъ людей въ Англію съ цѣлью пополненія своего образованія и подготовленія къ либеральнымъ профессіямъ. Единственное условіе, которое при этомъ ставилось, это—обязательство никогда не поступать на службу англо-индійскаго правительства, такъ какъ независимость является необходимой предпосылкой продуктивной реформаторской дѣятельности. Подобные факты дѣлаютъ честь Національной партіи.

ряда других конгрессовъ. На этомъ конгрессѣ возникли разногласія между умѣреннымъ большинствомъ, состоящимъ изъ лицъ, лойяльныхъ по отношенію къ британскому правительству, и крайними партіями, враждебными ему. Умѣренные, составляющіе большинство и включающіе въ себѣ нѣсколько политическихъ дѣятелей, признаваемыхъ въ Индіи передовыми, собираются образовать особую организацію. Ихъ программа сводится къ уступкѣ Индіи *Self Government's*, на подобіе Канады и Австраліи,—уступкѣ, которая могла бы быть постепенно добыта конституціонными средствами.

Національный конгрессъ собирается ежегодно въ теченіе 24 лѣтъ уже (1908 г.). И если послѣ этого хотѣли бы опредѣлить его практическое значеніе и оцѣнить добытые результаты въ видѣ вотированныхъ законовъ, проведенныхъ реформъ, мѣръ, удовлетворяющихъ общественное мнѣніе, то результаты эти оказались бы ничтожными. Почему?—Я уже говорилъ, что Національная партія представляетъ собою въ странѣ лишь незначительное меньшинство; что она не является выразительницей истинно-національныхъ интересовъ ¹⁾; что народная масса индифферентна къ ея дѣятельности и,—прибавляютъ противники,—ничего общаго не имѣетъ съ ея задачами. Но это объясненіе безрезультатности работъ конгресса недостаточно; существуютъ еще другія. Еще до раскола между умѣренными и крайними, уже давно подготовлявшагося, конгрессъ пытался раздѣлиться сначала на два лагеря: на Старую Индію и Молодую Индію. Представители Молодой Индіи являются реформаторами, воспитанными въ школѣ англійскихъ радикаловъ, желающими прогресса во что бы то ни стало, хотя бы онъ не отвѣчалъ современному состоянію Индіи. Пред-

¹⁾ Одинъ мусульманинъ, отказавшійся присутствовать на конгрессѣ и съ сожалѣніемъ взиравшій на участіе въ работахъ конгресса его единовѣрцевъ, высказалъ мнѣ слѣдующее: «Этотъ конгрессъ не имѣетъ національнаго характера; это классовый конгрессъ, мало интересующійся потребностями и нуждами народной массы, но много вниманія посвящающій интересамъ своего класса. О выгодахъ своего класса онъ именно и заботится; ему стремится онъ обезпечить всѣ высшія должности, лучше оплачиваемыя; онъ включаетъ въ свою программу нѣсколько общихъ вопросовъ (голодь, положеніе князей и т. д.) только для того, чтобы замаскировать свои эгоистическія стремленія. Впрочемъ, я долженъ сказать, что среди массы конгрессистовъ есть не мало исключеній, и признаю, что тамъ оказываются огромные таланты».

ставители Старой Индіи, составляющіе огромное большинство страны, въ общемъ являются преемниками старой аристократіи или *Gentry*, привязанной къ религіознымъ и національнымъ традиціямъ. Они желали бы реформъ, медленно подготовляемыхъ и осторожно проводимыхъ. Они не питаютъ довѣрія къ политическимъ агитаторамъ. „Это,— говорятъ они,—люди новые, которые желаютъ стать хозяевами положенія“.

Такова первая причина безсилія; а вотъ и другія: религіозныя и провинціальныя распри, личное соперничество, борьба между кандидатами въ президенты, принимающая крайне рѣзкія и острыя формы, неизвѣстныя даже въ Европѣ; благоразумная осторожность, удерживающая многихъ лицъ отъ присоединенія къ конгрессу,—какъ, напримѣръ, нѣкоторыхъ видныхъ людей, которые были бы способны на умѣренную агитацію, но боятся слишкомъ рѣзкихъ выступленій ¹⁾); туземные купцы, не желающіе себя скомпрометировать въ глазахъ правительства, и т. д.

Въ продолженіе четырехъ или пяти первыхъ сессій тѣсный союзъ членовъ организаціи, умѣренность и практичность ихъ пожеланій внушали извѣстныя надежды на успѣхъ, не оправдавшіяся, однако. Съ теченіемъ времени домогательства сдѣлались чрезмѣрными; интересы меньшинства были принесены въ жертву; возникли разногласія, и хотя мусульмане въ настоящее время снова привлекли къ конгрессу индусовъ, но прежній энтузіазмъ угасъ.

Основную причину этого неуспѣха слѣдуетъ искать въ перемѣнѣ позиціи англійскаго правительства. Лордъ Дюфферинъ вначалѣ покровительствовалъ Національному конгрессу. Онъ считалъ весьма полезнымъ съ его помощью создать противовѣсъ той неофициальной части англо-индійскаго общественнаго мнѣнія, которое такъ рѣзко высказалось во времена лорда Рипона по поводу билля Ильберта (см. дальше Юстиція). Но позднѣе онъ замѣтилъ, что конгрессъ пошелъ по пути, котораго онъ не могъ одобрить;

¹⁾ Госъ, президентъ Національнаго конгресса въ Мадрасѣ (1903 г.), говоритъ, что онъ стоялъ въ сторонѣ отъ политики (устрашенный, безъ сомнѣнія, позиціей, занятой людьми въ родѣ Тилака.— См. наше примѣчаніе о Революціонной партіи въ Индіи, стр. 183), это дало ему возможность игнорировать «котерпій и клики, которые приносятъ столько зла, вводя раздоры въ среду политическихъ дѣятелей».

онъ ѣшиль его своей поддержки, а за нимъ ушли и весь штатъ чиновниковъ и, на долгое время, самая значительная часть мусульманъ. Эта перемѣна позиціи выразилась не столько въ придиркахъ и преслѣдованіяхъ, сколько въ равнодушіи, въ уклоненіи отъ содѣйствія. Засѣданіе Національнаго конгресса и его дебаты свободны, болѣе свободны, чѣмъ у какого-либо изъ туземныхъ вассальныхъ князей. Ораторы хорошо знаютъ, что они свободно могутъ расточать свое краснорѣчіе и негодованіе; имъ ничто не угрожаетъ. Но конгрессъ стоитъ на одной сторонѣ, а правительство—на другой.

Я не хочу сказать, что правительству нечего бояться; наоборотъ, можно утверждать, что эта борьба должна все болѣе и болѣе ослаблять его. И это неизбѣжно, какой бы тактики оно ни держалось. Покровительствуя конгрессу, какъ оно это дѣлало вначалѣ, правительство волей-неволею было бы увлечено за тѣ предѣлы, за которые оно не хотѣло переходить. Отказывая ему въ своемъ содѣйствіи и занимая враждебную позицію, оно беретъ на себя неблагоприятную роль противника народнаго дѣла, которое въ своихъ поискахъ за помощью направилось за море и прибрѣло тамъ новую силу. Дѣло Національнаго конгресса въ этомъ второмъ фазисѣ находилось подъ руководствомъ нѣсколькихъ лицъ, которыя покровительствовали ему съ самаго начала. Они оказали ему неоцѣнимую услугу, внушивъ ему тактику, единственно способную обезпечить ему успѣхъ. Они привлекли на сторону національныхъ партій англійскихъ радикаловъ, съ готовностью, конечно, выступившихъ на защиту „правъ человѣка“. Безъ сомнѣнія, имъ индійцы обязаны тѣмъ, что на Національномъ конгрессѣ въ качествѣ его предсѣдателя принялъ участіе Брадло. Имъ обязаны они тѣмъ, что либеральное общественное мнѣніе заинтересовалось требованіями и стремленіями, которыя въ глазахъ англо-индійцевъ, ближе знакомыхъ съ мѣстными людьми и ихъ настроеніемъ, съ господствующимъ духомъ туземцевъ и ихъ извѣянами, считаются или преждевременными, или ничѣмъ не оправдываемыми, но въ глазахъ европейца, склоннаго къ обобщеніямъ и скороспѣлымъ сужденіямъ, признаются пріемлемыми и заслуживающими поддержки. Въ нынѣшнемъ парламентѣ трудовая партія готова оказать поддержку агитаціи Національнаго конгресса, о чемъ свидѣтельствуетъ недавняя поѣздка въ Индію одного изъ вождей этой партіи, Кейръ Гарди, и поѣздка зимою 1909 г.

другого члена трудовой партіи, Макдональда. Въ то же время и сама Національная партія дисциплинировалась. Она работает, она изучаетъ вопросы, она издаетъ записки; она организуетъ по всей Индіи „крестовые походы“. Она завербовала много цѣнныхъ членовъ. Безъ сомнѣнія, она вынуждена мириться съ сотрудничествомъ нѣкоторыхъ посредственныхъ личностей, способныхъ лишь мѣшать ей и компрометировать ее. Въ послѣдніе годы Тилакъ и Бабу Бешинъ Чандра Палъ въ Бенгаліи организовали революціонную партію, приемы которой дискредитировали даже людей, болѣе умѣренныхъ. Но Національный конгрессъ мало-по-малу выдвинулъ на первый планъ дѣятелей, которые своимъ моральнымъ авторитетомъ, пламеннымъ краснорѣчіемъ или обдуманнми сужденіями сумѣли привлечь къ нему новыхъ сторонниковъ и сообщить ему тѣ черты серьезности и настойчивости, которыя вызываютъ невольное уваженіе.

Можно повторять, сколько угодно, что правительство ни въ чемъ не уступить; что „оно ничего не сдѣлаетъ для людей, не являющихся избирателями“; правительство уже уступаетъ: прослѣдите за бюджетными дебатами въ Provinciахъ и Калькуттѣ, и вы увидите, какъ туземные члены систематически нападаютъ, критикуютъ извѣстные факты, обличаютъ извѣстныя злоупотребленія и, въ концѣ концовъ, вырываютъ у администраціи реформы (хотя и немного) или мѣры, которыя она должна была бы ввести по собственной инициативѣ и тѣмъ самымъ заслужить уваженіе въ глазахъ населенія.

Можно, сколько угодно, говорить: мы здѣсь представляемъ Англію, а Англія, какая бы изъ ея партій ни стояла у власти, консервативная или радикальная, будетъ держаться одной и той же политики. Это заблужденіе. Развѣ мы не видимъ, что лордъ Морлей, министръ Индіи, въ согласіи съ лордомъ Минто, генераль-губернаторомъ, благоразумно вступаютъ на путь, который долженъ доставить новое удовлетвореніе туземцамъ? Стоитъ прочитать только нынѣшнее предложеніе объ увеличеніи состава законодательныхъ совѣтовъ и объ усиленіи ихъ представительнаго характера; объ учрежденіи совѣщательныхъ комитетовъ нотаблей для ознакомленія правительства съ ихъ мотивированными мнѣніями о проектируемыхъ мѣрахъ; о включеніи двухъ туземныхъ членовъ въ составъ состоящаго при министрѣ совѣта; объ устраненіи, по крайней

мѣрѣ, для начала, отъ судебныхъ функцій нѣкоторыхъ сборщиковъ налоговъ и другихъ чиновниковъ съ исполнительной властью, что является однимъ изъ самыхъ раннихъ требованій конгресса; наконецъ, о назначеніи королевской комиссіи централизаціи для изслѣдованія вопроса о предоставленіи болѣе широкихъ правъ окружнымъ совѣтамъ и муниципалитетамъ; о возможности возрожденія въ извѣстныхъ предѣлахъ сельскаго самоуправленія; объ урегулированіи отношеній между британскими чиновниками и туземнымъ населеніемъ при помощи совѣщательныхъ комитетовъ при комиссарахъ и сборщикахъ. Все это—рядъ уступокъ, соответствующихъ предъявленнымъ требованіямъ. Повидимому, сама метрополія окажетъ Національной партіи ту помощь, въ которой она нуждается для того, чтобы сломить сопротивленіе индійскаго правительства.

Если сверхъ всякаго чаянія конгрессъ потерпѣлъ бы неудачу въ своей честолюбивой задачѣ, то не дѣло, защищаемое имъ, было бы причиною его гибели, а онъ самъ былъ бы причиною гибели своего дѣла. На этомъ полѣ битвы все сводится къ вопросу о тактикѣ. Но современная его тактика, имѣя то безспорное преимущество, что она склонила на его сторону вліятельную часть общественнаго мнѣнія метрополіи, представляется нелѣпой потому, что она оттолкнула безъ всякой выгоды для дѣла симпатіи англо-индійцевъ и особенно симпатіи тѣхъ высшихъ чиновниковъ, которые оказываютъ вліяніе на министра въ Лондонѣ при рѣшеніи текущихъ вопросовъ. Конгрессъ совершаетъ ошибку, дѣйствуя на подобіе парламентскаго учрежденія. Онъ—ничто, онъ даже не совѣщательный комитетъ; онъ не имѣетъ основанія сравнивать себя, какъ это часто дѣлаютъ нѣкоторые члены, съ ирландцами; онъ не располагаетъ тѣми 80 голосами, которые, по своему усмотрѣнію, иногда перемѣщаютъ большинство на ту или другую сторону и тѣмъ заставляютъ правительство считаться съ ними.

Самый существенный недостатокъ Національной партіи заключается въ отсутствіи чувства мѣры и справедливости. Все, что сдѣлано англичанами, въ ихъ глазахъ не заслуживаетъ похвалы. За ними нѣтъ, молъ, никакихъ заслугъ: все, что они могли сдѣлать хорошаго, они должны были сдѣлать. Эти чрезмѣрные нападки не только раздражаютъ администрацію, но парализуютъ въ ней всякое желаніе сосредоточивать свое вниманіе на дѣйствительно жизнен-

ныхъ вопросахъ. Въ послѣднее время враждебныя рѣчи ораторовъ крайней партіи отрезвили даже англійскихъ радикаловъ. Конгрессъ своими эксцессами нѣсколько напоминаетъ тѣ порочныя эпохи древнихъ цивилизацій, когда люди не считали нужнымъ сдерживать бурныхъ порывовъ своихъ страстей. Общественная мысль обращается на нѣсколько дней къ народному дѣлу, чтобы затѣмъ въ остальную часть года совсѣмъ больше имъ не заниматься. Въ извѣстный моментъ совершается обычная церемонія словоизвержений и проклятій; но прошелъ этотъ моментъ,—и никто уже не даетъ себѣ труда даже вспоминать о немъ. Такъ не устраняются торжественныя и корректныя засѣданія крупной партіи, дѣйствующей во имя блага страны. Одинъ изъ наиболѣе проникательныхъ друзей партіи конгресса, Юмъ, въ письмѣ, написанномъ въ 1904 году, совѣтовалъ ей занять иную позицію, усвоить иную тактику. „Довольно несправедливыхъ нападокъ,—говорилъ онъ ей,—признайте то, что было сдѣлано хорошаго, и громко провозгласите объ этомъ. Это я говорю, имѣя въ виду наши отношенія съ правительствомъ. Что касается насъ самихъ, то довольно бесплодныхъ споровъ и расслабляющаго соперничества; нужна дружная и солидарная работа, строго расчитанная и постоянная дѣятельность. Безъ размышленія отдавайте дѣлу ваше время, ваши деньги, ваше сердце“.

Не иностранцу рѣшать вопросъ о томъ, окажутся ли индійцы настолько мудры и тверды, чтобы воспользоваться этими совѣтами. Иностранецъ можетъ только замѣтить, что Національная партія далеко не представляетъ собою выраженія единодушнаго общественнаго мнѣнія индійскаго народа. Она, конечно, не представляетъ собою того аморфнаго и неуловимаго элемента страшной массы милліоновъ, волнуемой лишь вопросомъ о сегодняшнемъ и завтрашнемъ кускѣ хлѣба. Безъ сомнѣнія, конгрессъ, несмотря на свои узкія классовыя тенденціи, работаетъ и для этой массы и въ ея интересахъ. Но она объ этомъ ничего не знаетъ. Она отлично видѣла, какъ проводились реформы въ области налоговъ, ирригаціи, просвѣщенія и т. д. Но эти реформы ведутъ свое начало съ далекихъ временъ; онѣ вводились и до конгресса, вводятся и послѣ него. И не безъ основанія заслугу этихъ реформъ она приписываетъ тѣмъ сборщикамъ (податей), которые въ ея глазахъ воплощаютъ правительство Индіи.

Избранная, просвѣщенная часть общества, которая

была бы способна каждому воздать должное и оцѣнить его заслуги, исчисляется въ нѣсколько десятковъ тысячъ, но и между ними существуютъ разногласія. Между индусами и мусульманами нѣтъ никакихъ точекъ соприкосновенія. Индусъ это—купецъ, буржуа, чиновникъ, человекъ науки, склонный къ просвѣщенію, способный отличиться на экзаменахъ, готовый упорной борьбой завоевать себѣ мѣсто и положеніе. Мусульманинъ это—человекъ дѣйствія, аристократъ, довѣряющій болѣе здравому смыслу, чѣмъ наукѣ, качествамъ расы, закрѣпленнымъ наслѣдственностью; онъ обыкновенно неспособенъ состязаться на экзаменахъ; онъ предпочитаетъ иной критерій для заслугъ и рассчитываетъ, что англичане воздадутъ ему должное и обезпечатъ ему его долю ¹⁾). Исторія учитъ, что его сужденія справедливы и надежды его основательны, поэтому онъ все больше отдѣляется отъ индусовъ, по мѣрѣ того, какъ обнаруживаются ихъ домогательства. Напрасно ссылаются на то, что нѣкоторые мусульмане присоединились къ Національной партіи и приняли участіе въ работахъ конгресса; какъ классъ, мусульмане больше боятся индусовъ, чѣмъ презираютъ англичанъ.

Программа Національнаго конгресса съ теченіемъ времени мѣнялась; то нерѣшительная, то смѣлая, она выступала порой съ ярко выраженными требованіями, порой—съ робкими заявленіями. Конгрессъ требовалъ то минимальныхъ уступокъ, то неограниченныхъ привилегій. Было время (1886—1887 гг.), когда онъ съ особенной энергіей добивался представительнаго строя со всѣми его послѣдствіями ²⁾, чтобы обезпечить себѣ рѣшительное вліяніе на

¹⁾ См. дальше, кн. II, гл. VII: Участіе туземцевъ въ управленіи своей страной.

²⁾ Право посылать представителей Индіи въ британскій парламентъ служило и служить еще до сихъ поръ предметомъ пламенныхъ желаній и самыхъ настойчивыхъ требованій передовыхъ партій въ Индіи. «Индіа,—сообщалось въ январѣ 1901 г. въ газетѣ Тилака «Mahatta»,—рассчитываетъ, что Англія предоставитъ ей право представительства въ британскомъ парламентѣ».

Гокхале также требовалъ для Индіи права имѣть своихъ депутатовъ. Нынѣ онъ довольствуется требованіемъ допущенія индійцевъ въ совѣтъ, состоящій при министрѣ для Индіи; это требованіе уже удовлетворено, что является крупнымъ успѣхомъ.

Фактически индійцы могутъ входить и входить въ составъ парламента, но какъ представители англійскихъ, шотландскихъ и ирландскихъ округовъ. Такимъ образомъ, Дадабхай Наораджи, почтенный лидеръ Національной партіи, въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ

исполнительную и законодательную власть. Это было бы настоящей революціей. До сихъ поръ онъ добился, — и это вовсе не такъ мало, — лишь допущенія въ законодательные совѣты членовъ, избранныхъ окружными совѣтами, муниципалитетами и университетами, съ правомъ участія въ обсужденіи имперскаго и провинціальныхъ бюджетовъ (безъ права, впрочемъ, вносить въ нихъ какія-либо измѣненія) и съ правомъ постановки вопросовъ правительству.

Если бы расположить рядомъ программы различныхъ конгрессовъ, то получился бы длиннѣйшій и безсвязный списокъ требованій. Каждый президентъ считаетъ своимъ долгомъ предложить вниманію публики какое-нибудь новое требованіе, но во всѣхъ программахъ содержится нѣчто общее, воспроизводимое на всѣхъ его сессіяхъ; это — *Chahiers* индійской буржуазіи. Во время конгресса въ Бенаресѣ, предсѣдательствовавшій на немъ Гокхале (*Gokhale*), несомнѣнно, одинъ изъ лучшихъ ученыхъ въ индійскихъ университетахъ, человекъ большой эрудиціи и глубокаго ума, большого ораторскаго таланта и тактической ловкости формулировалъ „ближайшія требованія“. Послѣ обычныхъ жалобъ, послѣ изъясненія своего вѣрнопопданничества, послѣ воззванія къ свободѣ, которая одна только можетъ сдѣлать людей гражданами, способными жить въ условіяхъ представительнаго режима; послѣ принципиальнаго заявленія о способахъ употребленія правительствомъ бюджетныхъ средствъ въ интересахъ воспитанія народа въ духѣ самоуправленія; послѣ выраженной сотни разъ повторявшихся уже требованій болѣе широкой системы образованія и болѣе широкаго участія въ управленіи страной; послѣ обычныхъ протестовъ противъ владычества чуждаго племени, ослабляющаго интеллектуальную силу и разрушающаго нравственные устои туземнаго населенія; послѣ шаблонныхъ нападокъ на экономическій режимъ, который довелъ Индію до обнищанія и повысилъ цифру смертности съ 24 на 1.000 въ 1882 году, до 34 на 1.000 въ 1904 году, ораторъ закончилъ свою рѣчь предъявленіемъ слѣдующихъ „ближайшихъ требованій“:

1) Обезпеченіе населенію Индіи все болѣе широкаго участія въ завѣдываніи и управленіи его собственными

состоялъ представителемъ отъ Финсбэри, а сэръ Боунагри — отъ Бетналь Грина. Я думаю, что Гокхале когда-нибудь также попытается счастья въ избирательной кампаніи. Это будетъ выдающійся парламентарій, съ которымъ придется считаться.

дѣлами; для этого необходима реформа законодательныхъ совѣтовъ, назначеніе индійцевъ въ совѣтъ при министрѣ для Индіи и въ индійскіе исполнительные совѣты; постепенная замѣна европейскихъ чиновниковъ въ государственныхъ учрежденіяхъ чиновниками индійскими;

2) Улучшеніе административныхъ пріемовъ; для этого необходимо раздѣленіе властей, особенно исполнительной и судебной; реформа полиціи и т. д.;

3) Согласованіе внутренней политики страны съ нашими финансовыми ресурсами и облегченіе податного бремени; для этого необходимо сокращеніе военныхъ расходовъ и уменьшеніе доли доходовъ государства съ земли;

4) Улучшеніе положенія народной массы; для этого необходимо самое широкое развитіе первоначальнаго образованія; облегченіе доступа къ промышленному и техническому образованію; развитіе мѣръ общественной гигіены и облегченіе задолженности крестьянъ.

Конечно, президентъ позаботился объявить, что все это вопросы, предлагаемые на обсужденіе конгресса, и темы, которыя послужатъ пищею для предстоящей агитаціи въ странѣ. Позволительно однако думать, что эта программа слишкомъ обширна и что конгрессъ, охватывая слишкомъ много, еще надолго осужденъ на безсиліе. Гокхале хорошо сдѣлалъ бы, если бы прошелъ школу Гамбетты и научился бы систематизировать вопросы по отдѣльнымъ серіямъ.

Это движеніе Національной партіи является въ Индіи единственнымъ орудіемъ агитаціи въ прогрессивномъ направленіи; но это не единственное движеніе. На ряду съ нимъ существуетъ другое движеніе, но направленное въ противоположную сторону, хотя и не враждебное ему. И то, и другое одинаково отрицательно относятся къ англійской администраціи. Но тогда какъ Національный конгрессъ заимствуетъ свои средства исцѣленія отъ зла изъ опыта Запада, другое движеніе требуетъ возврата къ древнимъ учрежденіямъ Индіи, столь легкомысленно покинутымъ западниками.

Нѣкогда существовала—объ этомъ я уже говорилъ и еще буду говорить—любопытная и практичная общинная организація: сельская община. Во главѣ такой общины находился своеобразный совѣтъ пяти уважаемыхъ лицъ, облеченный исполнительной и судебной или, вѣрнѣе, посреднической властью, называвшійся *p a n c h a u a t*. Почти

вездѣ англичане довели эту организацію до полного упадка ¹⁾).

Рапсхауатс почти исчезли. Въ настоящее время въ деревняхъ имѣются чиновники, представляющіе собою нѣчто совсѣмъ иное, и судьи, неспособные, подобно рапсхауатс, входить во всѣ подробности крестьянской жизни. Но вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ авторитетные люди утверждаютъ, что эти совѣты или рапсхауатс тамъ, гдѣ они еще существуютъ, оказываютъ неоцѣнимыя услуги и продолжали бы ихъ оказывать, если бы они были восстановлены.

Подобное мнѣніе объ общинной организаціи заставило общество выдвинуть рядъ болѣе или менѣе искусныхъ плановъ ея возрожденія. Въ одномъ мѣстѣ желали представить рапсхауат'у двоякую роль: роль безвозмезднаго судебного органа, съ ограниченной компетенціей, въ гражданскихъ дѣлахъ и роль совѣта старѣйшинъ, побуждающихъ должниковъ расплачиваться со своими долгами безъ излишняго замедленія. Въ другомъ мѣстѣ его превращали въ нѣкотораго рода комитетъ, облеченный разнообразными функціями: организаціей помощи въ случаѣ голода; исполненіемъ судебныхъ обязанностей въ мелкихъ гражданскихъ дѣлахъ.

Малабари имѣлъ болѣе широкій планъ, изложенный имъ въ открытомъ письмѣ къ лорду Керзону. Государство слишкомъ пренебрегало деревней и ея интересами, что составляетъ крупную ошибку въ странѣ чисто земледѣльческой. Въ настоящее время повсюду имѣются свободныя земли, которыя съ пользою можно было бы обратить подъ пастбища. Этимъ землямъ со всѣхъ сторонъ грозитъ захватъ со стороны отдѣльныхъ лицъ. Государству слѣдовало бы приписать ихъ къ отдѣльнымъ деревнямъ съ правомъ судебной защиты этихъ земель даже противъ требованій правительствъ. Такимъ путемъ можно было бы восстановить прежнюю деревню; ее можно было бы превратить въ административную единицу, предоставивъ ей право расходованія на свои нужды мѣстныхъ сессес (нѣчто въ родѣ добавочнаго налога). Рапсхауатъ явился бы органомъ, облеченнымъ этими функціями. Онъ, можетъ-быть, иногда дѣлалъ бы ошибки, но въ послѣдствіи освоился бы

¹⁾ См. дальше кн. II, гл. III: Земледѣльческіе классы и аграрный строй.

съ этой ролью. Этимъ путемъ медленно подготовлялось бы политическое воспитаніе страны. И тогда, по истеченіи нѣкотораго времени, увидѣли бы, чего можно ожидать отъ сотрудничества населенія ¹⁾).

Несмотря на эти оптимистическіе планы и на симпатіи, внушаемая ихъ авторами, надо думать, что во всѣхъ болѣе или менѣе прогрессивныхъ частяхъ Индіи проектируемые *panchayats* не пользовались бы достаточнымъ моральнымъ авторитетомъ. Въ настоящее время магистратура не можетъ использовать ихъ даже въ качествѣ простыхъ третейскихъ органовъ въ деревняхъ. Населеніе оказываетъ гораздо большее предпочтеніе приговорамъ судей. И причина такого предпочтенія очевидна. Современная жизнь отвлекаетъ лучше элементы деревни къ колледжу, университету, промышленности, администраціи и т. д. Въ деревнѣ остаются элементы наименѣе интеллигентные и наименѣе дѣятельные. Этимъ и объясняется отсутствіе всякихъ протестовъ съ ихъ стороны противъ цѣлаго ряда административныхъ реформъ, расшатавшихъ прежній строй общества, каковы: реформы, касавшіяся частной собственности, права отчужденія, юстиціи и т. д., и т. д. Быть-можетъ, въ глубинѣ души они

¹⁾ Этотъ планъ возбудилъ горячія симпатіи. Лордъ Керзонъ и его совѣтъ заявили, что, если бы не нѣкоторыя затрудненія юридическаго характера, они немедленно осуществили бы его. Сэръ Э. Бэкъ, бывший секретарь индійскаго правительства, знатокъ аграрнаго вопроса, публично поздравлялъ Малабари съ его счастливой инициативой. Но онъ не вѣритъ въ практическую осуществимость его плана. *Panchayat* прекрасно функционировалъ въ древнихъ деревенскихъ общинахъ. Всѣ члены ихъ пользовались коллективной собственностью и имѣли совершенно одинаковыя права. Совѣтъ изъ пяти членовъ общины могъ рѣшать за всѣхъ и сообщать своимъ рѣшеніямъ, полезнымъ для всѣхъ, характеръ общеобязательный. Въ настоящее время деревенскія общины почти совершенно исчезли. Въ Мадрасской и Бомбейской провинціяхъ онѣ уступили мѣсто селеніямъ, жители которыхъ — частные собственники съ различными и иногда противоположными интересами. Конечно, и въ нихъ можно было бы возстановить *panchayat*, но онъ далеко не имѣлъ бы того авторитета, какимъ пользовались древніе *panchayat*ы. Въ Бенгаліи и въ провинціи Аудъ живутъ, главнымъ образомъ, крупные собственники, эксплуатирующіе свои земли сдачей въ аренду: они никогда не согласились бы на возстановленіе *panchayat*овъ; даже въ Пенджабѣ, гдѣ еще сохранились кое-какіе остатки общины, *panchayat*ы не могли рассчитывать на успѣхъ, ибо коллективистическія наклонности сильно ослабѣли. Господствующія тенденціи направлены въ сторону обособленія частныхъ интересовъ и правильной системы *gotwari*.

и не мирятся съ тѣмъ, что имъ навязано, но подчиняются; въ нихъ уже нѣтъ жизнеспособности. Къ возрожденнымъ *рапсхауатс* не обращаются за помощью ¹⁾; они не пользуются уже довѣріемъ.

Съ той же цѣлью предлагали учрежденіе союзовъ деревень. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ южной Индіи существуетъ довольно любопытный видъ *рапсхауат*. Соединяются 10—20 деревень и образуютъ одинъ союзъ, выборные представители котораго, составляя родъ *рапсхауат*, собираются отъ времени до времени для совместной выработки правилъ объ установленіи и взиманіи домового налога (*House-tax*), о соблюденіи мѣстныхъ санитарныхъ предписаній, объ освѣщеніи и о содержаніи дорогъ въ исправности. Въ Бенгаліи также существуютъ „*local fund Unions*“; но за недостаткомъ средствъ они многого сдѣлать не могутъ. Здѣсь деревенскій союзъ существуетъ для полицейскихъ цѣлей; роль *рапсхауатс* сводится къ раскладкѣ мѣстнаго налога на содержаніе полицейскихъ, къ назначенію этихъ полицейскихъ и надзору за ними. Развивая эти идеи, Роджерсъ, бывший членъ совѣта при

¹⁾ Деканъ Актомъ 1879 г. (см. дальше, кн. II, гл. III: Земледѣльческіе классы и аграрный строй) предполагалось создать какъ бы народную юрисдикцію, при чемъ докладчикъ заявилъ: «Наличье касты въ Деканѣ слишкомъ независимы, слишкомъ непочтительны, слишкомъ непокорны, чтобы смѣло подчиниться рѣшеніямъ деревенскихъ старѣйшинъ, какъ таковыхъ».

Слѣдуетъ однако отмѣтить опытъ, произведенный съ *рапсхауат*ами въ государствахъ Патіала (Пенджабъ). Это было дѣломъ чиновника, майора Пойгала Юнга, отличившагося уже въ качествѣ колонизаціоннаго офицера на Ченабскомъ каналѣ. Командированный индійскимъ правительствомъ въ государство Патіала, онъ, въ качествѣ *settlement commissioner*, учредилъ 76 *рапсхауат*овъ. Эти *рапсхауат*ы должны были разсмотрѣть 50.000 судебныхъ дѣлъ и, дѣйствительно, разобрали 45.000 на общую сумму около 10.000.000 франковъ. Тяжущіяся стороны только въ очень рѣдкихъ случаяхъ обжаловывали ихъ рѣшенія, и еще рѣже государственные суды отмѣняли ихъ. Интересно будетъ знать, сохранится ли эта организація послѣ отъѣзда ея учредителя.

Королевская коммиссія децентрализаціи (1908 г.) выслушала очень много показаній по вопросу о *рапсхауат*ахъ. Очевидно, существуетъ всеобщее желаніе добиться ихъ возстановленія въ той или иной формѣ. Серьезнымъ препятствіемъ осуществленію этого желанія служатъ многочисленныя распри, постоянно раздражающія деревню и вѣшающія дружному сотрудничеству. Коммиссія децентрализаціи предложила тамъ, гдѣ позволить мѣстные условія, довѣрить имъ разбирательство мелкихъ гражданскихъ и уголовныхъ дѣлъ, безъ участія юристовъ, общественныя работы въ деревняхъ и надзоръ за школами.

бомбейскомъ губернаторѣ, предложилъ, согласно письму Малабари, учредить деревенскіе союзы, которые пользовались бы ограниченной властью въ сферѣ гражданского и исправительнаго суда, мѣстной полиціи, сельскихъ кредитныхъ учреждений и проч. Дуттъ, высокопоставленный индеецъ, пользующійся большою извѣстностью въ Индіи, бывший *commissioner* гражданского вѣдомства и нынѣ министръ Гаагъ-квара въ Бародѣ, предложилъ образовать подобное же учрежденіе. Но для практическаго осуществленія всего этого не сдѣлано было ни одного шага.

Изъ предыдущаго обзора этихъ различныхъ предложеній и замѣчаній, ими вызванныхъ, не слѣдуетъ заключать, что масса индійскаго населенія утомлена англійскимъ господствомъ или управленіемъ. Чувство лояльности все еще довольно прочно, даже среди студентовъ, среди людей закона, среди браминовъ Декана и среди основателей *Education Society* въ Пунѣ, а также среди бабу въ Бенгаліи и среди главныхъ дѣятелей Національной партіи. Это проявленіе лояльности можно было наблюдать въ манифестаціяхъ во время смерти королевы Викторіи, не имѣвшихъ въ себѣ ничего искусственнаго. Конечно, существуютъ и недовольные и даже непримиримые враги: трехлѣтіе 1905—1908 гг. свидѣтельствуетъ объ этомъ достаточно ясно. Безъ сомнѣнія, воспоминаніе о 1857 г. и о слѣпомъ довѣрїи, оказанномъ европейскими офицерами того времени туземнымъ войскамъ, должно дѣйствовать отрезвляющимъ образомъ. Безъ сомнѣнія, были вице-короли, которые, подобно лорду Кёрзону ¹⁾, воодушевлены были

¹⁾ Когда лордъ Кёрзонъ покинулъ Индію послѣ перваго періода своей службы, туземная пресса выразила надежду, что онъ болѣе уже не вернется. По этому поводу газета «*Angita Bazar Patrika*» высказала слѣдующее мнѣніе о разныхъ вице-короляхъ: сэръ Джонъ Лауренсъ не стоилъ своего брата, Генри; но онъ былъ симпатиченъ. Добрыя намѣренія лорда Майо были парализованы ужасными братьями Страчей; однако онъ былъ лучшимъ другомъ туземныхъ князей. Что касается лорда Нортбуна, то это благороднѣйшій человекъ среди англичанъ. Имъ заканчивается галлерей добрыхъ вице-королей, за однимъ лишь исключеніемъ. Прсемянникомъ его былъ лордъ Литтонъ. Этотъ человекъ явился специально для борьбы съ Шеръ Алл, отъ которой отказывался его предшественникъ. Лордъ Рипонъ былъ ангеломъ. Лордъ Дюфференъ былъ симпатиченъ, хотя безпокоенъ. Лордъ Ленсдоунъ и лордъ Эльджинъ оставили Индію въ отчаянномъ состояніи. Что касается лорда Кёрзона, то онъ вначалѣ оживилъ ее своими ободряющими рѣчами, но, какъ онъ разочаровалъ насъ потомъ! Пора придти на помощь индійцамъ!

благороднымъ стремленіемъ обезпечить счастье народа не столько насильственными мѣрами завоевателей, сколько хорошимъ управленіемъ, снисходительностью, дружественнымъ обращеніемъ (прежде всего съ тѣми, кто были ихъ руководителями и совѣтниками); но эти вице-короли возбудили своей мягкостью настоящую ненависть. Какъ бы то ни было, привязанность къ коронѣ, даже послѣ побѣды Японіи, остается непоколебимой. И вожаки это знаютъ. Сами они никогда не рѣшатся на враждебную попытку противъ существующаго правительства. Они почувствовали бы себя въ большомъ затрудненіи, если бы власть имъ досталась въ руки. Если бы произошла катастрофа, какъ въ 1857 году, то только при главномъ участіи туземной арміи, съ которой нѣкоторые агитаторы пытаются войти въ соглашеніе.

Надо признать, что англійская администрація не пользуется популярностью. И однако послушайте, какіе протесты раздаются въ деревняхъ, когда, въ силу заключаемыхъ соглашеній, ихъ отдѣляютъ отъ британской территоріи и присоединяютъ къ владѣніямъ туземнаго князя. Во время каждой сессіи конгресса программа Національной партіи встрѣчаетъ самый горячій приемъ со стороны туземной прессы. Но пусть только Англія попробуетъ сдѣлать ей уступку по одному-двумъ пунктамъ, напимѣръ, согласится на неограниченную замѣну англійскихъ чиновниковъ индійскими, на введеніе представительныхъ учрежденій и т. д., и въ избранной части образованнаго мусульманскаго общества поднимется буря негодованія, которая перейдетъ въ настоящую агитацію. Сами мусульмане глубоко убѣждены, что *Britanie rule* (британское управленіе) необходимо для экономическаго развитія и политическаго воспитанія всей Индіи; и дѣйствовать противъ него значитъ дѣйствовать противъ Индіи.

Самый вѣскій аргументъ реформаторовъ состоитъ въ томъ, что Англія угнетаетъ и эксплуатируетъ страну. Было время, когда они отваживались жаловаться на расходы, вызываемые общественными работами, „не интересующими туземца“. Но факты заставили ихъ замолчать: безъ желѣзныхъ дорогъ индѣецъ не могъ бы обойтись, ирригаціонныя сооруженія спасаютъ и обогащаютъ его. Теперь они черпаютъ свои аргументы изъ иныхъ областей. Они упрекаютъ правительство за его траты на военную организацію, на постройку стратегическихъ линій, на экспедиціи за

предѣлы Индіи, служащія исключительно интересамъ Англіи, но организуемая на средства индійцевъ; на чрезмѣрные пенсіи и высокіе оклады ея чиновниковъ. На это Англія отвѣчаетъ, что она одна гарантируетъ безопасность страны; на сушѣ Индія вноситъ свою долю помощи, а на морѣ все бремя защиты несетъ на своихъ плечахъ одна метрополія.

Все дѣло въ томъ, что между обѣими сторонами лежитъ глубокая пропасть. Оппозиція Національной партіи напоминаетъ оппозицію монархической партіи во Франціи: она непримирима. Она принимаетъ здѣсь видъ „ralliée“ („присоединившейся“) и „loyalloy“; но она не прекращаетъ борьбы, и ничто не можетъ обезоружить ее.

Реформаторы не любятъ ни Англіи, ни англичанъ; они боятся ихъ; они ихъ уважаютъ; иные хотѣли бы побѣдить и изгнать ихъ изъ страны. Но по странной непослѣдовательности они, вмѣстѣ съ тѣмъ, хотѣли бы, чтобы Англія любила ихъ.

Они жалуются, что англо-индійское правительство разоряетъ налогами низшіе классы населенія, ничего не давая имъ взамѣнь этого. Но отвѣты англичанъ не менѣе убѣдительны. Они обвиняютъ реформаторовъ въ томъ, что они не любятъ и никогда не любили простонародья; что они всегда его угнетали и эксплуатировали. Мы именно отъ васъ его и защищаемъ,—говорятъ они,—отъ крупныхъ заминдаровъ Бенгаліи, противъ которыхъ мы прежде всего и должны были выступить. Не потому ли вы и упрекаете насъ за наше вмѣшательство во внутреннія отношенія? Не потому ли вы и называете насъ врагами аристократіи, противниками привилегій? Вся наша исторія протестуетъ противъ подобныхъ обвиненій. Если мы должны были здѣсь перемѣнить свою позицію, то сдѣлали это только потому, что пошли навстрѣчу призыву всего народа, громко взывавшаго о помощи противъ гнета. И то, что нами было начато 100 лѣтъ тому назадъ, мы завершаемъ въ настоящее время.—Такова суть этой взаимной распри; исторія оцѣнитъ ее и скажетъ, на кого здѣсь падаетъ отвѣтственность.

Возможно однако, что каждая изъ сторонъ искренно убѣждена въ своей правотѣ. Англія воодушевлена рѣшимостью и стремленіемъ управлять страной въ интересахъ народа. Реформаторы убѣждены, что она управляетъ ею въ своемъ собственномъ интересѣ. И въ этомъ ихъ убѣжденіи есть доля истины.

Можно представить себѣ такую политическую концепцію, при которой Англія могла бы занять позицію, менѣе непримиримую. Если бы она избрала своимъ девизомъ: Индія для индійцевъ; если бы она понимала свою роль, только какъ временную, какъ понимали ее Малькольмы, Маунтстюарты Эльфинстоны, то она могла бы, безъ ущерба своему престижу, дѣлать уступки Національной партіи, съ каждымъ годомъ все болѣе широкія, которыя съ теченіемъ времени привели бы къ полной эмансипаціи индійцевъ. Но не къ этому сводятся ея завѣтные желанія. Она бережетъ и хочетъ сберечь Индію для себя. Противъ себя Англія имѣетъ индусскую интеллигенцію, но она увѣрена въ сочувствіи второстепенныхъ по своей численности народностей (мусульманъ, буддистовъ, парсовъ и т. д.) и широкихъ массъ индускаго населенія. Она предоставитъ Національной партіи мѣста, почести, какъ можно больше почестей и мѣсть, но она никогда не согласится на коренныя уступки; управление страной она сохранитъ за собою; она останется кормчимъ, управляющимъ ходомъ государственнаго корабля. Она останется деспотичной, поскольку это еще возможно въ наше время. Со времени Маколея въ ея программѣ не произошло никакихъ перемѣнъ. Въ 1835 году она говорила: „Мы знаемъ, что у Индіи не можетъ быть либеральнаго правительства. Но оно можетъ получить благо, непосредственно осуществимое при такихъ условіяхъ,—твердый и беспристрастный деспотизмъ“. И шестьдесятъ лѣтъ спустя, вліятельный членъ индійскаго правительства, сэръ Эдуардъ Беккеръ, бывший въ то время начальникомъ финансоваго вѣдомства, остался вѣренъ этому афоризму Маколея: „Положеніе Индіи,—говорилъ онъ,—какъ подчиненной части имперіи, ни въ чемъ не измѣнилось; она не освободилась и никогда не можетъ быть освобождена отъ самаго тщательнаго контроля со стороны высшаго правительства. Освобожденіе отъ этого контроля было бы недопустимо даже въ томъ случаѣ, если бы имѣлись въ виду только интересы внутренней политики; тѣмъ болѣе, оно немыслимо съ точки зрѣнія интересовъ стратегическихъ и внѣшней политики“.

Таковъ непоколебимо укоренившійся взглядъ на положеніе вещей, и передъ нимъ окажутся тщетными всѣ проекты реформъ. И только одной силъ, откуда бы она ни исходила, будетъ принадлежать послѣднее слово. Доброжелатели подсказываютъ мысль о цѣлесообразной перемѣнѣ

въ формѣ англійскаго владычества. Дѣло въ томъ, что индійское населеніе, при всей своей лояльности, не знаетъ того живого воплощенія власти, на которое оно могло бы перенести свое вѣрноподданническое чувство. Король-императоръ—для него далекій призракъ. Правительство Индіи—это цѣлая бюрократическая организація. Вице-король мѣняется каждыя пять лѣтъ; чиновники находятся въ постоянномъ передвиженіи; сборщики и ихъ подчиненные, единственныя официальные лица, съ которыми народъ близко соприкасается и которыхъ постоянно видятъ, рѣдко остаются два года подъ рядъ на своемъ посту. Такимъ образомъ, вѣрноподданническое чувство индійца не находитъ себѣ живой точки приложенія. Это-то обстоятельство и внушило Дизраэли счастливую мысль сдѣлать королеву Викторію императрицей Индіи,—мысль, приведенную имъ въ исполненіе въ 1875 году. Почему, спрашиваютъ нѣкоторые индійцы, не пойти дальше въ томъ же направленіи и не дать намъ сына королевской семьи, который сталъ бы въ одно и то же время и вассаломъ имперіи, и королемъ Индіи? Народъ будетъ питать къ нему уваженіе, ибо онъ оцѣнитъ его могущество и, наконецъ, найдетъ того, кому онъ отдастъ свою любовь.

Это предложеніе сопряжено съ рискомъ. Рѣшающее слово здѣсь принадлежитъ англичанамъ.

Примѣчанія.

Къ стр. 151: *Революціонная партія въ Индіи.*

Однимъ изъ наиболѣе знаменитыхъ представителей среди журналистовъ революціоннаго направленія является Тилакъ (Баль Гангадхаръ Тилакъ), издатель двухъ газетъ: «Kesari», издаваемой на туземномъ языкѣ, и «Maharata»—на англійскомъ языкѣ. Его извѣстность, какъ воинствующаго журналиста, начинается съ 1896 г. Въ то время въ Пунѣ свирѣпствовали и чума, и голодь. Бомбейское правительство энергично проводило систему санитарныхъ мѣръ; оно рѣшило во чтобы то ни стало искоренить чуму. Поэтому оно прибѣгло къ самымъ крайнимъ мѣрамъ: обходамъ домовъ, устройству специальныхъ лагерей, куда переносили больныхъ, и пр. Все это вызывало раздраженіе среди туземцевъ. Тогда были приняты обходы и розыски въ сопровожденіи европейскихъ солдатъ, которыхъ ежедневно требовали у военныхъ властей. Ходили изъ дома въ домъ, розыскивали больныхъ и уносили ихъ въ лагерь, гдѣ ихъ совершенно изолировали, съ цѣлью уменьшенія распространенія заразы (segregation camp), и тамъ подвергали ихъ необходимому леченію. Все это служило причиною сильнаго недоволь-

ства. Пресса отмѣчала эти розыски, эти перемѣщенія, это изолированіе (что, по ея словамъ, являлось злоупотребленіемъ и эксцессами власти) и взывала къ чувству общественнаго негодованія. Среди индійцевъ царило страшное возбужденіе.

Въ одинъ изъ іюльскихъ дней 1897 года, въ годовщину восшествія королевы на престолъ, послѣ банкета и приѣма у губернатора, возвращавшейся домой сборщицъ Рандъ былъ убитъ на большой дорогѣ, при чемъ убійца, вскочивъ въ его карету, скрылся.

Это вызвало въ Индіи страшное волненіе. Правительство отвѣтило на этотъ фактъ тремя энергичными мѣрами: 1) учрежденіемъ чисто европейскаго полицейскаго корпуса насчетъ плательщиковъ налоговъ (однако голодъ помѣшалъ взыскать съ нихъ этотъ новый налогъ); 2) восстановленіемъ очень стараго закона (Regulation 1827 г.), разрѣшавшаго арестовывать безъ суда и высылать лицъ, угрожающихъ государственной безопасности. Въ силу этого закона можно было арестовать двухъ главныхъ агитаторовъ, братьевъ Нату (нѣкоторые чиновники требовали ареста пяти), при весьма щекотливыхъ обстоятельствахъ, благодаря абсолютной тайнѣ, соблюдавшейся насчетъ намѣреній правительства; 3) преслѣдованіемъ газеты «Kesari», собственникъ которой, Тилакъ, незадолго до этого былъ назначенъ бомбейскимъ губернаторомъ членомъ состоящаго при немъ законодательнаго совѣта. Судомъ присяжныхъ онъ былъ осужденъ на нѣсколько лѣтъ тюремнаго заключенія.

Мало-по-малу спокойствіе было восстановлено. Осужденные, въ томъ числѣ Тилакъ, были освобождены. «Kesari» снова сталъ выходить. Всегда враждебно настроенный и очень вліятельный, онъ отнынѣ сталъ остерегаться рискованныхъ заявленій. Но за Тилакомъ строго слѣдили. Его привлекли, осмѣлились привлечь къ суду за подлогъ. Онъ былъ приговоренъ къ тюремному заключенію. Но приговоръ былъ отмѣненъ высшимъ судомъ. Съ тѣхъ поръ онъ приобрѣлъ огромную популярность среди студентовъ и членовъ партіи Молодой Индіи. Его тамъ чтили, какъ мученика за народное дѣло. Онъ одинъ изъ вождей крайней партіи.

Недавно появился въ Бенгаліи другой вождь этой партіи — Бенинъ Чандра Палъ. Онъ также былъ приговоренъ къ тюремному заключенію за то, что отказался признать власть британскаго суда.

Эти вожди и ихъ сторонники вели жестокую кампанію путемъ печати и личной пропаганды, которая своей настойчивостью серьезно встревожила вождей умѣренной партіи. Въ 1907 г. Пенджабъ былъ сильно взволнованъ ихъ попытками агитаціи среди туземныхъ войскъ. Это заставило индійское правительство арестовать Ладжпата Раи и Аджата Синха, двухъ мѣстныхъ агитаторовъ, и сослать ихъ въ Бирму. Эта радикальная мѣра, которую виновники безпорядковъ считали невозможною при такомъ либеральномъ министрѣ, какъ лордъ Морлей, нанесла агитаціи, быть-можетъ, временный, но серьезный ударъ. Спустя нѣсколько мѣсяцевъ Ладжпата Раи и Аджата Синха уже можно было освободить.

Революціонные методы крайнихъ партій вызвали расколъ въ средѣ Національной партіи. Этотъ расколъ произошелъ въ Суратѣ въ 1908 г. Любопытно при этомъ отмѣтить, что Ладжпатъ Раи присоединился къ умѣреннымъ. Наконецъ, нѣкоторые изъ самыхъ крайнихъ агитаторовъ въ Бенгаліи усвоили приемы европейскихъ анархистовъ и бросаютъ бомбы.

9. Отношенія между англичанами и индїйцами на почвѣ соціального общенія.

Вотъ еще одинъ изъ щекотливыхъ вопросовъ, гдѣ иностранецъ долженъ быть крайне остороженъ. Онъ долженъ осторожно отнестись къ легендамъ и анекдотамъ, которые въ теченіе вѣковъ переходятъ изъ устъ въ уста и, можетъ-быть, нѣкогда были согласны съ истиной, но въ настоящее время имѣютъ лишь относительное значеніе. Англо-индїецъ, будь онъ чиновникъ или купецъ, или журналистъ, не останется равнодушнымъ, когда онъ услышитъ какое-нибудь рѣзкое мнѣніе объ отношеніяхъ между обѣими частями общества. Онъ горячо будетъ оспаривать и самое мнѣніе, и факты, приводимые въ его оправданіе. Я постараюсь осторожно подойти къ этому вопросу и соблюсти справедливость относительно обѣихъ сторонъ.

Факты прямо бьютъ въ глаза. Споръ, возбуждаемый имп., обострился еще сильнѣе въ послѣдніе годы. На это есть много причинъ. Индїйцы стали болѣе подозрительны, сумѣли ближе познакомиться съ жизнью англичанъ, уяснить себѣ значеніе занятыхъ ими позицій и практикуемыхъ ими приемовъ. Они негодуютъ на то, что люди, стремящіеся приобщить ихъ къ нашей цивилизаци, остаются вливать ихъ у порога своего общества. По мѣрѣ распространенія среди нихъ образованія, по мѣрѣ болѣе глубокаго проникновенія ихъ въ общественныя сферы и расширенія ихъ честолюбивыхъ стремленій, охватывающихъ какъ верхи, такъ и низы населенія, то, что являлось лишь затрудненіемъ въ обиходѣ общественныхъ отношеній, грозитъ превратиться въ политическую опасность. И цѣлый рядъ высшихъ правительственныхъ лицъ, какъ лордъ Кёрзонъ и лордъ Китченеръ, считали своимъ долгомъ воздѣйствовать на общественное мнѣніе и прибѣгать къ административнымъ мѣрамъ и суду, чтобы измѣнить положеніе и разрядить тяжелую атмосферу. Я сейчасъ укажу на характерныя черты общаго положенія.

За крайне рѣдкими исключеніями, допускаемыми относительно парсовъ и ими самими, между англичанами и индїйцами нѣтъ иныхъ отношеній, кромѣ чисто-дѣловыхъ; у нихъ нѣтъ встрѣчъ ни на обѣдахъ, ни на вечерахъ, ни на пикникахъ, ни за чашкой чая. На официальныхъ прие-

махъ появляется нѣсколько приглашенныхъ князей и нѣсколько высшихъ чиновниковъ. Вице-король во время своихъ объѣздовъ встрѣчаетъ почетный приемъ у раджей. Знатные англичане, посѣщающіе Индію, находятъ у нѣкоторыхъ богатѣйшихъ туземцевъ королевское развлеченіе въ видѣ охоты на тигра. Этимъ и ограничивается почти все социальное общеніе. Тутъ не одно только простое уклоненіе отъ взаимныхъ отношеній; тутъ наблюдается взаимное отвращеніе и вражда съ той и другой стороны. Когда правительство организуетъ отряды добровольцевъ, англичане соглашаются вступить въ нихъ подъ условіемъ педопущенія индійцевъ; какъ только послѣдніе скажутся въ составѣ отрядовъ, первые сейчасъ же выходятъ изъ нихъ. Это наблюдалось въ Гайдерабадѣ (Сипдѣ), въ Аллагабадѣ, въ Пунѣ, повсюду.

Хуже того. Англійскіе солдаты обращаются грубо съ туземцами, грабятъ, даже убиваютъ ихъ. Если солдатъ привлекаютъ къ суду, то присяжные склонны закрывать глаза на очевидность; когда же имъ приходится вынести обвинительный приговоръ, то общественное мнѣніе европейцевъ возмущается и обращается къ правительству съ предостереженіями.

Этотъ упрекъ одинаково справедливъ по отношенію ко всѣмъ англичанамъ, даже къ купцамъ, которые по самому характеру своихъ занятій должны были бы стремиться къ объединенію и сближенію съ людьми, подсказываемому ихъ собственнымъ интересомъ. Но особенно обвиняютъ въ ненормальныхъ отношеніяхъ къ туземцамъ англійскихъ чиновниковъ. Доброжелательные и снисходительные къ людямъ маленькимъ, они грубы и высокомерны съ видными туземцами. „Въ Индіи англійскій чиновникъ гражданскаго вѣдомства,—говорилъ мнѣ одинъ индусъ браминской касты, членъ законодательнаго совѣта при вице-королѣ,—не любитъ, чтобы мы высоко поднимались. Онъ насъ увлекъ за собой по тернистымъ путямъ науки, и самъ же недоволенъ, когда мы преуспѣваемъ. Когда мы усваиваемъ его языкъ, воспринимаемъ его идеи, поднимаемся до его интеллектуальнаго уровня, то это вызываетъ съ его стороны не чувство уваженія, а непріязненное отношеніе къ людямъ, какъ бы вторгающимся въ чужую для нихъ сферу. Мы цѣнили англійскихъ чиновниковъ за ихъ характеръ, и надѣялись, что они будутъ уважать насъ, какъ правдивыхъ и независимыхъ людей;

но они ждуть отъ насъ низкопоклонства и угодливости и расточаютъ свои милости льстецамъ и лакеямъ“¹⁾).

Другой индусъ изъ Бенгаліи, служащій гражданскаго вѣдомства, сдѣлалъ мнѣ такое признаніе: „Мои коллеги, въ общемъ ничѣмъ отъ меня не отличающіеся, такъ какъ я выдержалъ такой же трудный экзамень, какъ и они, третируютъ меня, какъ низшее существо, и относятся ко мнѣ съ оскорбительной снисходительностью. Единственный сослуживецъ, относившійся ко мнѣ, какъ къ равному, былъ ирландецъ“.

Такова позиція индійцевъ. А вотъ позиція англичанъ. „Не мы отдаляемся отъ туземцевъ,—они сами чуждаются насъ. Каста и ея правила, не говоря уже о личныхъ симпатіяхъ, запрещаютъ имъ посѣщать насъ. Когда вице-король посѣщаетъ индусскаго властелина, ему оказываютъ пышное гостепрѣимство, предлагаютъ обильное угощеніе, но англичане все же обѣдаютъ одни. Князь садится за отдѣльный столъ и появляется только въ моментъ произнесенія тостовъ. Говорятъ, наши солдаты нападаютъ на мирнаго обывателя; но этотъ мирный обыватель подстерегаетъ нашихъ офицеровъ на охотѣ и причиняетъ имъ немало непріятностей. Одинъ неудачный выстрѣлъ, случайно залетѣвшій зарядъ дроби,—и вотъ поднимается цѣлая деревня и начинаетъ бить. И каждый, нанесшій ударъ, прославляется своими ододеревенцами, какъ герой. Вы, французъ, къ которому они должны относиться, по меньшей мѣрѣ, индифферентно, вчера были приняты членомъ выс-

¹⁾ Зато вотъ что я слышалъ въ Пунаѣ (6 января 1901 г.) изъ устъ одного изъ тѣхъ людей (индуса), которые составляютъ гордость страны. Я сказалъ ему (дѣлаю выписку изъ своей записной книжки): «грустно, что между вами и англичанами слишкомъ мало развиты взаимныя отношенія». Онъ мнѣ отвѣтилъ: «это правда». Я добавилъ: «англичане утверждаютъ, что это ваша вина, что имъ нечего дѣлать съ людьми, которые прячутъ своихъ женщинъ». Онъ отвѣтилъ: «это не совсѣмъ такъ. Наши женщины до сихъ поръ не знаютъ англійскаго языка, и притомъ робки. Но есть и болѣе серьезная причина, продолжалъ онъ, мы не раскрываемъ тайниковъ своего сердца; англичане иногда хвастаются, что знаютъ туземцевъ лучше насъ самихъ. Глубокое заблужденіе! Они видятъ лишь внѣшность. По особенностямъ нашего душевнаго склада въ насъ живетъ какое-то отвращеніе къ откровеннымъ изліяніямъ; когда ко мнѣ заходитъ туземецъ, чтобы подѣлиться со мной тѣмъ, что взволновало его душу, то объ этомъ имечко онъ говоритъ лишь въ самомъ концѣ бесѣды. Это отвратительно! ая черта, отъ которой сношенія съ англичанами заставляютъ насъ отказаться».

шаго суда, человѣкомъ весьма консервативнымъ, принадлежащимъ къ кастѣ браминовъ. Пріемъ былъ оказанъ вѣжливымъ, даже изысканный; но послѣ вашего ухода были приглашены священники для очищенія дома. Женщины—вѣ ругдах, и Зерапа скрыты отъ насъ, какъ и отъ другихъ мужчинъ; и даже нашимъ женщинамъ едва открытъ доступъ къ нему. Туземцы мирятся съ ихъ посѣщеніями, допускаютъ общеніе съ ними, но противятся тѣсному сближенію. Одна очень высокопоставленная англійская дама, воплощенная честь и добродѣтель, жена человѣка, занимавшаго выдающійся постъ, отправилась въ гости къ женѣ одного высшаго чиновника, которая была ругдах. Супругъ присутствовалъ сидя при свиданіи, тогда какъ жена все время стояла на ногахъ. Иной князь изолируетъ своихъ женъ отъ всего остального міра: даже принцесса королевской крови не допускается къ свиданію съ ними. (Ссылаются на дикость женщинъ, на незнаніе ими нашего языка и нашихъ обычаевъ,—мы понимаемъ, что этимъ хотятъ сказать: дѣло въ недоувѣрїи мужей“.

Такова, нисколько нами не приукрашенная, картина дѣйствительности. Можно, пожалуй, въ томъ или иномъ случаѣ, указать на болѣе свѣтлыя точки; это зависитъ отъ мѣста, отъ сословія. Офицеры въ арміи, чиновники на границѣ начинаютъ уже проявлять симпатїи къ туземцамъ. Нарастаетъ новое чувство—чувство братства по оружію и спорту. Англичанинъ преклоняется передъ отвагой и уважаетъ гордость. Онъ высоко цѣнитъ эти качества и дѣлаетъ ихъ предметомъ культа. Онъ встрѣчаетъ ихъ у солдата и на границѣ у раджуа, сика, у жителя Пенджаба. Между ними создаются отношенія, основанныя на довѣрїи и товариществѣ. Вѣстовой выполняетъ благородную миссію. Онъ занятъ только мечомъ и шпорами; но онъ нѣжно заботится о своемъ начальникѣ; онъ проводитъ ночи у его изголовья; на войнѣ онъ спасаетъ его или умираетъ вмѣстѣ съ нимъ. На службѣ солдатъ дисциплинировать и почтителенъ. И офицеръ держитъ себя съ важностью. Но внѣ службы они бесѣдуютъ, какъ равные. Солдатъ не постѣнится спросить у своего начальника совѣта, потолковать съ нимъ о своемъ дѣлѣ. Начальникъ его выслушиваетъ, помогаетъ ему. Выходя изъ казармы, онъ идетъ вмѣстѣ съ нимъ по дорогѣ, рассказываетъ ему о мѣстности, обращается къ нему на ты. Общія склонности, общія опасности сближаютъ ихъ. Но все это исключеніе.

Впрочемъ, и трудно установить какія-нибудь устойчивыя отношенія. Слишкомъ велико и различіе, и взаимное непониманіе между обоими обществами. Можетъ ли англичанка догадаться, что ея а у а н (горничная, nurse), столь преданная ей, принадлежитъ къ презрѣнной кастѣ, и мѣшаетъ ей завязать сношенія съ индианкой высшей касты. Могутъ ли чистая англійская дѣвушка, англійская женщина, окруженная рыцарскимъ уваженіемъ, играющая авторитетную роль въ обществѣ—я воспроизвожу только аргументъ, не присоединяясь къ нему,—могутъ ли онѣ видѣться, чаще встрѣчаться съ индійской женщиной, дикаркой и рабыней своего мужа? Это отвращеніе раздѣляется и мужчинами. Одинъ молодой англичанинъ мнѣ говорилъ: „Одного запаха индианки достаточно, чтобы не жениться на ней“.

Полвѣка тому назадъ были менѣе разборчивы. Въ то время не было еще пароходовъ, доставляющихъ въ 11 дней въ Бомбей изъ Бриндизи; въ то время запрещено было выѣзжать изъ Индіи за исключеніемъ furlough (годовыхъ отпусковъ черезъ каждыя пять лѣтъ); не было въ Индіи желѣзныхъ дорогъ; служащіе были прикованы къ своему изолированному посту. Вслѣдствіе этого они жили одиноко; англійскія женщины тогда не пріѣзжали въ Индію въ такомъ большомъ числѣ и вынуждены были мириться съ тѣмъ обществомъ, которое ихъ окружало. Онѣ посѣщали нотаблей и не пренебрегали дружбой съ туземной женщиной ¹⁾.

¹⁾ Въ то время создавались брачные союзы, то законные, то свободные, но довольно прочные. Еще теперь вспоминаютъ въ Симлѣ случай полковника Т. Д., который въ 1863 г. въ качествѣ «супруга» (?) одной индианки, завѣщалъ ей огромную недвижимость, гдѣ нынѣ помѣщается New Civil Secretariat building. Въ наше время уже нѣтъ этихъ законныхъ союзовъ офицеровъ или чиновниковъ съ индианками; свободные же союзы рѣдки и скрываются. Метисы, встрѣчающіеся, правда, въ большомъ числѣ, являются плодомъ связей, главнымъ образомъ, простыхъ солдатъ съ мѣстными дѣвушками. Они никогда не узаконяются послѣдующимъ бракомъ.

Человѣкъ, прожившій лѣтъ пятьдесятъ въ Индіи, составилъ для меня по этому вопросу слѣдующую замѣтку. «Раньше, когда служащіе англичане совсѣмъ не выѣзжали изъ Индіи, они тамъ жили и умирали; очень многіе изъ нихъ имѣли жену-туземку и дѣтей. Но съ давнихъ поръ явленіе это исчезло. Во время мятежа 1857 г. одинъ англійскій солдатъ, бывший атлетъ, великолѣпной наружности, преслѣдуемый мятежниками, былъ спасенъ туземной женщиной, спрятавшей его. Вслѣдствіи, движимый чувствомъ благодарности,

Въ настоящее время, съ введеніемъ привилегіи отпусковъ черезъ каждые три года, всѣ спѣшатъ въ Лондонъ хотя на три мѣсяца; тамъ женятся, увозятъ жену, завязываютъ связи съ Европой и съ европейской жизнью. Послѣ этого они уже не чувствуютъ нужды въ индійцахъ и, — таково роковое слѣдствіе, — не считаютъ больше нужнымъ ни посѣщать, ни принимать, ни привязать ихъ къ себѣ.

Но будемъ справедливы къ англичанамъ. Если сношенія между обоими обществами рѣдки, то они столь же рѣдки и внутри индійскаго общества.

Уже двадцать пять лѣтъ тому назадъ Жакмонъ писалъ: „Ничто такъ слабо не развито среди туземцевъ, какъ склонность къ общественнымъ связямъ“. Къ этому, впрочемъ, онъ добавлялъ: „Но англичане никогда не пытались развить эту склонность“. Съ 1830 года это положеніе остается безъ перемѣны. Пламенная женщина, знаменитый судья Тиабджи, членъ бомбейскаго высшаго суда, говорила въ 1903 году на годичномъ, девятомъ, митингѣ клуба индійскихъ женщинъ: „Мы жалуемся, что европейцы чуждаются насъ. Мы въ этомъ сами сильно виноваты. Я спрашиваю васъ, многія ли изъ насъ индусокъ, мусульманокъ, парсіанокъ стремятся бывать въ обществахъ? Гор-

онъ вернулся въ свою деревню, женился на ней, и увезъ ее съ собою въ полкъ. Мы признали ее; мы согласились ее признать. Это было въ эпическія времена, и мы одобрили этотъ великодушный актъ. Но другого такого примѣра нѣтъ. Джентльменъ но женится на туземкѣ; онъ даже не дѣлаетъ ее своей постоянной любовницей. Онъ позволяетъ себѣ только мимолетныя увлеченія. Единственные люди, сближающіеся съ туземными женщинами—это солдаты. Иногда случается, что молодая дѣвушка въ Англии знакомится съ какимъ-нибудь индійцемъ, учащимся, чтобы стать юристомъ или врачомъ. Она выходитъ за него замужъ; мать соглашается, не подозревая, что это замужество ведетъ къ гражданской смерти ея дочери. Послѣдняя прѣзжаетъ въ Индію, никто въ англійскомъ обществѣ ея не принимаетъ. Дѣти, если они появляются отъ этого брака, становятся метисами, свразійцами. Они могутъ вступить въ бракъ лишь съ англичанами третьяго разряда, низшими служащими желѣзныхъ дорогъ или телеграфа.

Другія, незаконныя дѣти довольно часто гибнутъ. Они обладаютъ физическими и моральными недостатками обѣихъ расъ. Въ нихъ нѣтъ ни энергіи, ни нравственныхъ устоевъ. Часто ихъ подбираютъ Padri (миссіонеры). Такъ какъ очень многіе изъ этихъ Padri португальцы, то и дѣти становятся португальцами и носятъ португальскія имена. Они поступаютъ на административную службу, для чего они, впрочемъ, менѣе годятся, чѣмъ чистокровныя индійцы, особенно мусульмане.

дось, осторожность мѣшаютъ намъ собираться вмѣстѣ? Не разница ли манеръ, воспитанія, привычекъ, одежды, языка, религіи мѣшаетъ этому?“ И къ этому она добавила: „Будемъ прежде всего сами дочерьми одной расы и одной страны“.

Вотъ мысль, заслуживающая вниманія. Индійцы, сторонники социального общенія, открыто говорятъ англичанамъ: „Что же, будемъ посѣщать другъ друга; не важно, что мы не можемъ вмѣстѣ обѣдать или что мы не можемъ привлечь къ нашему обществу нашихъ женщинъ; будемъ собираться сначала мы, мужчины, а потомъ посмотримъ“. Пока явленіе, указанное мистриссъ Тиаджи, мѣшаетъ этому.

Все дѣло въ томъ, что теперь (о будущемъ мы не говоримъ) общеніе между тѣмъ и другимъ обществомъ стало невозможнымъ, потому что утратило практическую пользу. Ученые, путешественники, англійскія женщины стараются проникнуть въ эту новую, мало доступную среду изъ любопытства или тщеславія; но англичанинъ, купецъ или чиновникъ, обыкновенно интересуется Индіей лишь постольку, поскольку она доставляетъ матеріальную выгоду или власть его странѣ. Онъ пріѣзжаетъ изъ Европы, начиненный западной наукой и, за неимѣніемъ надлежащей подготовки и времени, остается совершенно чуждъ и цивилизаціи, и исторіи, и стремленіямъ индійцевъ. Онъ теперь не видитъ въ Индіи ни своего отечества, ни своего „дома“. Онъ пріѣзжаетъ сюда на двадцать пять лѣтъ и все же,—невероятная вещь,—всегда устремляетъ свою мысль къ будущему, къ Англии, къ моменту возвращенія на родину, а пока онъ устраивается возможно удобнѣе среди своей семьи и своихъ соотечественниковъ. Это первое замѣчаніе. Второе, болѣе общаго характера, и болѣе важное, состоитъ въ томъ, что англійскій чиновникъ и купецъ страшно заняты. Впослѣдствіи я расскажу объ этомъ въ другой книгѣ, гдѣ будетъ рѣчь объ англійской администраціи. Чиновники не имѣютъ досуговъ. Они всецѣло поглощены своимъ дѣломъ; для нихъ оно предметъ гордости и долгъ совѣсти. Когда послѣ семч и восьмичасоваго труда они покидаютъ свои канцеляріи, то уже не способны ни къ какой другой новой работѣ: непобѣдимая потребность побуждаетъ ихъ отдаться удовольствіямъ національнаго спорта въ компаніи своихъ друзей; политическія связи съ туземцами, такимъ образомъ, приносятся въ жертву не сознательно, а фатально.

Съ своей стороны, индѣйцы меньше стали заботиться объ установленіи этихъ связей. Они знаютъ, что это было бы для нихъ и выгодно, и пріятно, если бы англичане охотно шли имъ навстрѣчу. Но ихъ самолюбіе страдаетъ отъ противодѣйствія, встрѣчаемаго со стороны англичанъ. Тотъ фактъ, что они часто въ своихъ бесѣдахъ возвращаются къ этой темѣ, не долженъ вводить насъ въ заблужденіе: для нихъ это не требованіе общественнаго характера, а лишь политическій аргументъ.

Въ концѣ концовъ, непреодолимая препятствія для тѣсныхъ сношеній, способныхъ объединить оба общества, имѣются и на той, и на другой сторонѣ. Каждая сторона тщательно остерегается вліянія на нее другой. Индѣйцы одушевлены рѣшимостью сдѣлать изъ своихъ сыновей настоящихъ индѣйцевъ. Они отдаютъ себѣ ясный отчетъ въ значеніи европейской науки и матеріальной культуры; они надѣются, что когда-нибудь ихъ дѣти приобщатся къ благамъ европейской цивилизаціи. Но они стремятся, чтобы ихъ дѣти глубоко пропитались, прежде всего, цивилизаціей, религіей и моралью Индіи. И только въ восемнадцать-двадцать лѣтъ, когда въ нихъ окрѣпнутъ элементы индѣйской нравственной культуры, они предоставляютъ ихъ европейскимъ учителямъ и разрѣшаютъ наиболѣе прусѣвающимъ изъ своихъ сыновей отправиться въ знаменитые англійскіе университеты, чтобы усовершенствоваться въ прикладныхъ наукахъ. Если я не ошибаюсь, таковъ былъ и взглядъ японцевъ въ теченіе послѣднихъ тридцати лѣтъ.

Точно такъ же думаютъ и англичане. Они, прежде всего, стремятся сдѣлать изъ своихъ сыновей англичанъ. И, по ихъ мнѣнію, чтобы быть англичаниномъ, недостаточно только родиться отъ родителей англичанъ. Чистота крови есть только одинъ изъ факторовъ; другимъ факторомъ является воспитаніе; необходимы оба фактора. Поэтому, самое позднее, по достиженіи мальчиками семи лѣтъ, а дѣвочками десяти,—ихъ вывозятъ изъ Индіи въ Англію и помѣщаютъ въ пансіоны подъ руководство англійскихъ учителей, прививающихъ имъ черты, испоконъ вѣковъ составлявшія душу и характеръ англичанина. Затѣмъ къ двадцати одному году, послѣ сдачи экзаменовъ, родители заставляютъ ихъ возвращаться въ Индію, куда они являются крѣпко закаленными англичанами до мозга костей, недоступными искушеніямъ экзотизма, свободными отъ увле-

ченій или, по крайней мѣрѣ, отъ любви къ туземной женщинѣ, къ опиуму и нирванѣ.

Можно ли надѣяться, чтобы два такихъ закаленныхъ элемента соединились между собою? Это, пожалуй, будетъ возможно, когда обѣ стороны усвоятъ болѣе просвѣщенные взгляды: когда чиновники ближе ознакомятся съ интимными сторонами индійской жизни, съ большимъ увлеченіемъ отнесутся къ политической сторонѣ своихъ обязанностей, лучше поймутъ интересы населенія и постараются ближе сойтись съ нимъ; когда индійцы отнесутся съ болѣе справедливостью къ европейцамъ, освободятся отъ коварства и насилія, воспитанныхъ въ нихъ годами долгаго рабства, разовьютъ болѣе склонности къ дѣятельности и болѣе искренности,—только тогда возможно будетъ сближеніе между ними; но на полное объединеніе никогда нельзя рассчитывать.

Таково въ общихъ чертахъ это индійское общество. Я указалъ на его происхожденіе и на различіе его состава; я старался дать анализъ его идеологій, изобразить его учрежденія, его вѣрованія и его предразсудки, охарактеризовать его чаянія и надежды, опирающіяся на моральныя силы, пренебрегать которыми было бы неблагоприятно.

Въ другой работѣ я опишу его внѣшнюю жизнь, его богатство и его бѣдность, его большую или меньшую способность къ труду и производству, его разнообразныя дарованія и скудость его потребностей.

Въ данную минуту меня занимаетъ одна мысль, правда, очень важная. Можно ли общество, изображенное мною, приручить, не оскорбляя его; управлять имъ, не раздражая его, и примирить его многочисленныя и сложные интересы съ интересами націи, на которую выпала задача руководить имъ.

Это послужитъ темою слѣдующей книги: „Туземная политика британскаго правительства“.